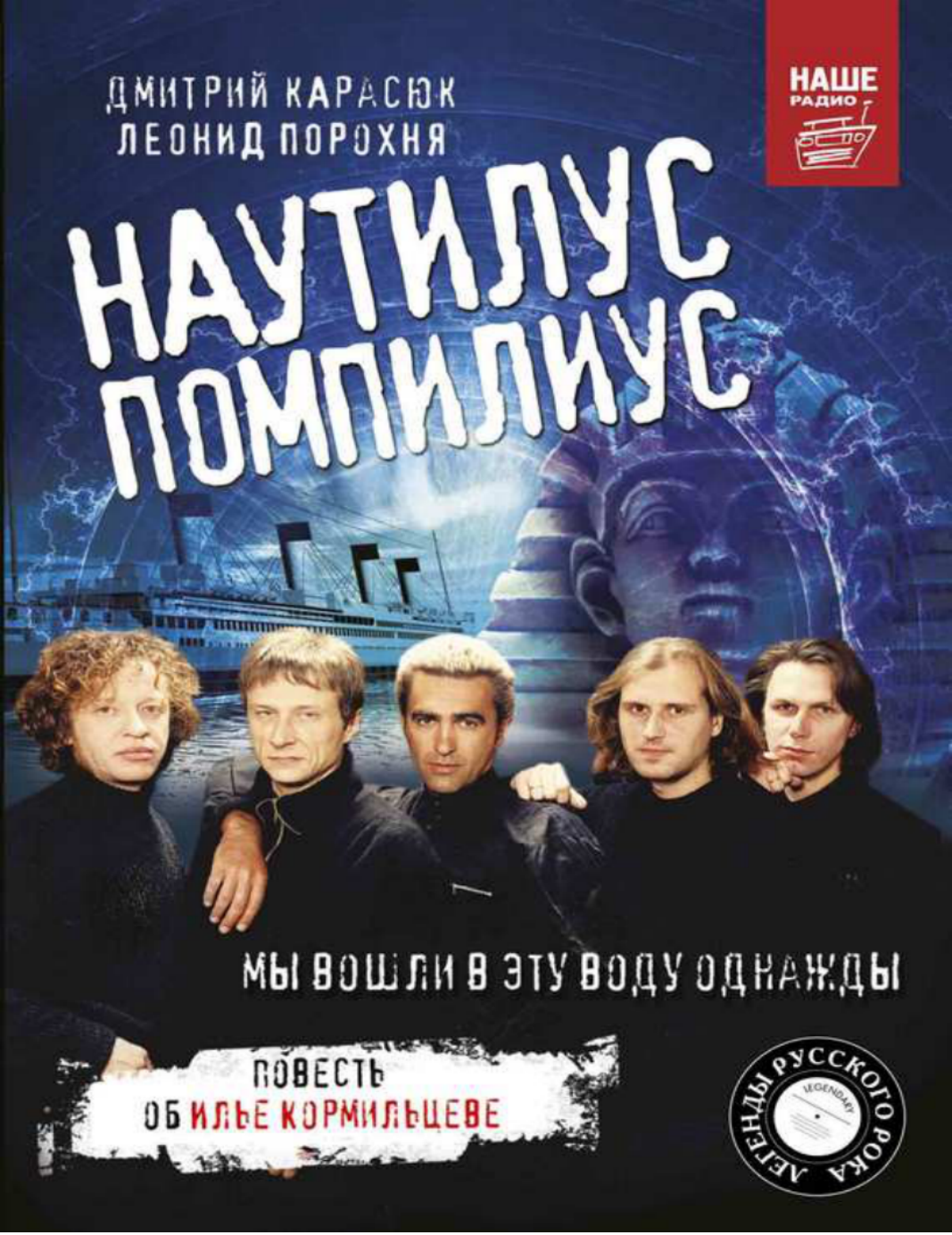

ДМИТРИЙ КАРАСЮК
ЛЕОНИД ПОРОХНЯ
НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС
НАШЕ РАДИО
МЫ ВОШЛИ В ЭТУ ВОДУ ОДНАЖДЫ
ПОВЕСТЬ ОБ ИЛЬЕ КОРМИЛЬЦЕВЕ
ЛЕГЕНДЫ РУССКОГО РОКА
LEGENDARY

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В очередную книгу серии «Легенды русского рока» вошли не издававшаяся ранее мемуарная повесть Леонида Порохни о поэте, авторе текстов многих российских рок-групп Илье Кормильцеве, а также история знаменитой группы «Наутилус Помпилиус», написанная Дмитрием Карасюком.

- Дмитрий Карасюк, Леонид Порохня
  - Дмитрий Карасюк
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - Дискография
  - Леонид Порохня
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- $29 = 1$
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- $36 = 1$
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- $47 = 1$
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52

- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60

Дмитрий Карасюк, Леонид Порохня «Наутилус Помпилиус». Мы вошли в эту воду однажды

Авторы благодарят

Всеволода Арашкевича, Сергея Борисова, Юрия Гаврилова, Виктора Зайцева, Николая Землякова, Дмитрия Константинова, Александра Коротича, Александра «Ежъ» Осипова, Богдана Полякова, Олега Раковича, Андрея Токарева и Александра Шишкина за предоставленные для настоящего издания иллюстрации.

Дмитрий Карасюк «Наутилус Помпилиус». Мы вошли в эту воду однажды

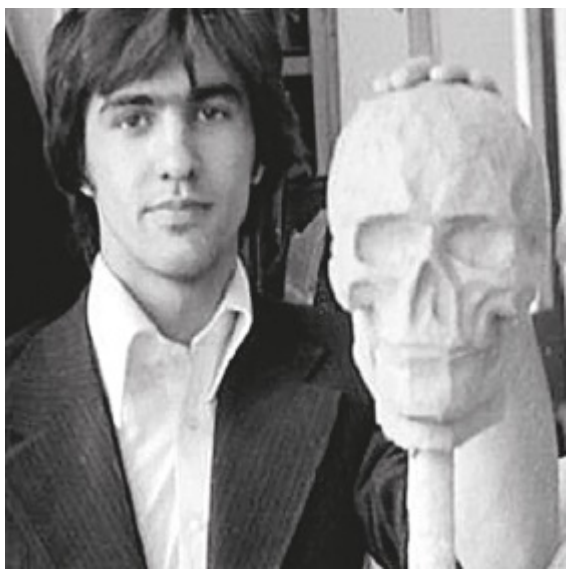
«Это одна и та же группа в разных составах.
Суть музыки оставалась единой».

Вячеслав Бутусов

Плакат образца 1988 года

1

Почему десятиклассник из Сургута Слава Бутусов в 1978 году поступил в Свердловский архитектурный институт, он сам спустя десять лет рассказал в фильме «Серп и гитара»: «Мой дед-крестьянин хотел, чтобы его сын стал инженером, он считал, что это ступень вверх. Дед завещал, чтобы его внук, то есть я, шагнул еще вверх, то есть стал архитектором. Поэтому меня папа после последнего звонка взял тепленьким и отвез в Свердловск в архитектурный институт, где я сдал экзамены».

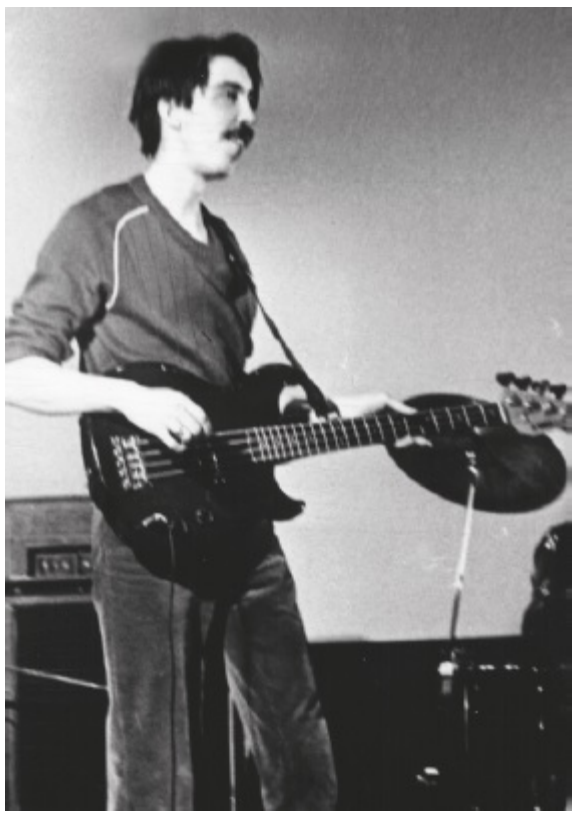


Вячеслав Бутусов в студенчестве, 1970-е годы

Молодое на тот момент учебное заведение обладало яркой музыкальной историей. Музыкальные группы появились в САИ еще до его официального образования. Несколько лет он существовал как филиал Московского архитектурного института и только в 1972 году стал самостоятельным вузом. Новорожденный САИ с пеленок стал претендовать на звание самого творческого института города. Арх был местом, где идеи просто летали в воздухе. Театральные и кинопремьеры обсуждались, все казалось важным. «Комсомольские вожаки были молодые, а взрослое руководство института состояло в основном из участников войны. Они были абсолютно независимы, и им было насрать на решения КПСС. То есть формально они им подчинялись, вывешивали всякие лозунги, но в душе они были независимы, и от этого пошла независимость всего Арха», —

считает выпускник института Олег Ракович.

Во множестве газетных публикаций описана трогательная история возникновения группы «Наутилус Помпилиус»: в 1978 году познакомились на студенческой картошке два первокурсника, Бутусов и Умецкий, и решили создать лучшую в стране рок-группу. На самом деле познакомиться-то они познакомились, но не более того. Знали друг друга по именам, собирали корнеплоды в соседних бороздах в селе Мамино, как еще десятки студентов-архитекторов. Дима Умецкий близко сошелся совсем с другим парнем — Игорем Гончаровым.



Дмитрий Умецкий Фото Дмитрия Константинова

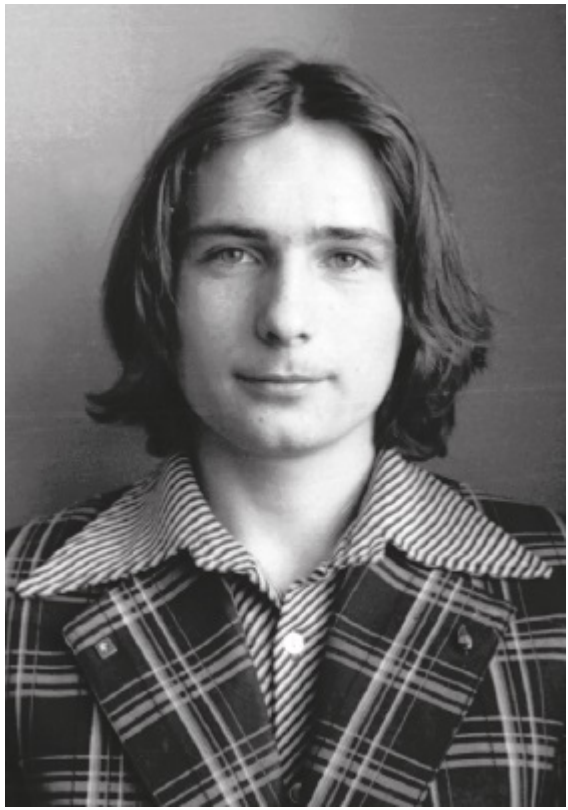
К моменту поступления в Арх Игорь Гончаров был уже опытным музыкантом, он часто играл на ударных на танцплощадках родного Челябинска. Свердловчанин Умецкий тоже имел исполнительский багаж: «Я играл в школьном ансамбле на барабанах. Установка была «фирменная» — без бочки, один рабочий барабан с порванным пластиком, тарелка в виде топора, такая загнутая, долбанешь по ней палкой — палка сразу на две половины». Вот этой-то парочке вдруг и ударило в

башню — поиграть вместе.

Прямо в колхозе два барабанщика начали делить виртуальные инструменты. Барабаны отвоевал опытный Гончаров, а Диме достался бас: «Сразу после собирания картошки я стал себе гитару выпиливать электрическую. Купил в "Юном технике" запчасти от "Тоники", сделал полено и начал его терзать».

Слава Бутусов учился в соседней группе. Он сам неплохо играл на гитаре, но поначалу предпочитал заниматься музыкой индивидуально. Его однокурсник Александр Коротич вспоминает, как увидел Славу в первый раз: «В общаге на полу сидел очень худой парень с длинной челкой и тренькал на гитаре что-то из "Led Zeppelin", явно воображая себя и Плантом, и Пейджем одновременно».

На общей музыкальной почве Бутусов, Умецкий и Гончаров сошлись только на втором курсе. С инструментами помог стройотряд, бойцами которого были будущие рок-звезды, — за 900 рублей купил барабаны и усилители «Эско». Молодежь хотела репетировать в студенческом клубе, но там базировался авторитетный «Змей Горыныч Бэнд». Гончаров договорился о репетиционном помещении в новом общежитии Арха на Восточной, 11. «Всю зиму играли в общаге нечто вроде "кримсонов", — вспоминал Умецкий, — хотя, честно говоря, "кримсонами" тут и не пахло. Все это шло еще от одного нашего тогдашнего соучастника, гитариста Сергея Бабушкина, человека явно маниакального склада, рехнувшегося в свое время на "битлах". А кончилось все это тем, что пришли из комитета комсомола и послали нас всех подальше: нечего, мол, ребята, гнать вам эту лажу». Квартет перебрался в детский садик, где Бабушкин работал сторожем, и продолжил репетировать там. На пианино стал иногда подыгрывать еще один однокурсник, Виктор «Пифа» Комаров. Музицирование шло пока на сугубо любительском уровне.



Виктор «Пифа» Комаров, 1979 год. Фото Олега Раковича

Что-то изменилось в июне 1981 года, когда прошел городской рок-фестиваль на приз САИ. К нему усиленно готовились лучшие группы Свердловска. Одну из них — бездомного «Урфина Джюса» Александра Пантыкина — приютил клуб САИ. Открытые по случаю наступившего лета окна клуба выходили прямо на «сачкодром», традиционное место арховских курильщиков и прогульщиков, которые с замиранием сердца внимали музыке «УД». Среди прочих наслаждался ею и третьекурсник Слава Бутусов: «Мы отчетливо слышали, какой там "рубинштейн" происходил: страшные рифы и совершенно фантастический голос. Я не представлял, как выглядит этот великий и ужасный Пантыкин… Мы просто стояли в благоговейном ужасе и предвкушали…»

Корреспондент стенгазеты «Архитектор» В. Бутусов. Фото Олега Раковича

Бутусов входил в редколлегию стенгазеты «Архитектор», а это издание являлось одной из движущих сил фестиваля. Увиденное 6 июня в ДК «Автомобилист» произвело на Славу и Диму сильное впечатление. Умецкого особенно поразил «Трек»: «Мы поняли, что если так могут петь люди, живущие на соседних улицах, то, значит, и мы способны на что-то подобное. Это было событие, которое перевернуло нашу жизнь». Славе добавили эмоций и два интервью, которые он взял для «Архитектора» у фестивальных героев — Саши Пантыкина и Насти Полевой. «Слава сразу нарисовал дружеский шарж, — вспоминает Настя. — Рассказал, что у него тоже есть группа, что они собираются выступать. Мы подружились».

Чувство, что они сами смогут стать не хуже всех этих «урфинов» и «треков», придало студентам новый импульс. Начались попытки сотрудничества с профессиональными музыкантами. Обратились к гитаристу Евгению Писаку: «Слава с Димой любили "Led Zeppelin" и хотели вложить их энергетику в свою музыку, подав ее по-своему. Они предложили мне быть их лидер-гитаристом. Слава жил от меня через двор, и мы целыми вечерами сидели у меня, что-то придумывали. Мы не могли двигаться дальше из-за барабанщика. Попробовали одну вещь, другую — не идет. Попытались сыграть медленную — вроде получилось, но нельзя же всю программу строить только из

медляков… Я заявил, что нам нужен другой ударник, более ритмичный, собранный, но для них на тот момент дружба была сильнее музыки».

Осенью 1982-го Бутусов — Умецкий — Гончаров с примкнувшим к ним гитаристом-однокурсником Андреем Садновым решили записать собственные сочинения. Семь песен, зафиксированные на пленку Андреем Макаровым, позже разошлись по городу под названием «Али-Баба и сорок разбойников».

Бутусовское пение тогда мало походило на голос, от которого пять лет спустя зарыдают миллионы поклонниц. В 1982-м Слава орал так, что аж жилы на шее набухали. Безымянная пока еще группа пыталась прорваться в студенческий клуб САИ, в котором в то время хозяйничал «Змей Горыныч бэнд», исполнявший каверы «Led Zeppelin» очень близко к оригиналу, но женским голосом. Во время бутусовской распевки музыканты «ЗГБ» в ужасе выскочили в коридор, зажимая уши: «Ох уж эта молодежь! Господи, кто идет нам на смену!» Будущих «наутилусов» в клуб так и не пустили, репетировать им пришлось в общежитии, где и были записаны их первые семь песен.

Компиляция из наивных хардешников и баллад вряд ли сумела бы заинтересовать хоть кого-то, но арховцы нашли верный путь к самому сердцу свердловской рок-тусовки. Слава с Димой смогли обаять Пантыкина, а тот оказался замечательным промоутером и познакомил с их дебютной записью всех-всех-всех. Отзывы были сдержанные. Но двух парней (одного с пронзительным голосом, а второго с усами) потихоньку стали считать своими.

Писатель Андрей Матвеев через три года после знакомства с этой пленкой вспоминал: «Первый их альбом был не более чем ощущением того, что придет время и ребята эти смогут вмочить! Сам я, по крайней мере, на них поставил уже тогда и если о чем жалею, так о том, что не "скупил акции" группы на корню… Высокий, чувственный, полный какой-то потерянности голос Бутусова, инструментальная постхардовская каша с элементами харда, сюрреалистические тексты, которые можно назвать и роскошными, и маразматичными, в общем, все это показалось более чем просто интересным. Вот только услышали это немногие, хотя один хит из альбома потащил за собой всех приличных рокеров, я не помню его названия, помню лишь строчки из него: "Где ты, птица, птица-пингвиница, на каком пустынном берегу?" Это и блестящая пародия на советские любовные шлягеры, и изумительный вариант абсурдистских текстовых игр в роке». Сами создатели остались не очень довольны своим первенцем. «Мы его забекарили сами и лучшие вещи просто объединили со вторым альбомом», — рассказывал Умецкий.

2

1983 год стал для группы по-настоящему стартовым. В апреле рок-общественность Свердловска собралась на очередной загородный рок-семинар, проводившийся горкомом комсомола, или, как называл это мероприятие циничный Матвеев, «пьяную вылазку на базы». Ветеранский состав разбавили новичками, в том числе и ребятами из команды, которая получила название «Наутилус» всего несколько дней назад.

Коллективы, приглашенные на семинар, должны были регистрироваться. Студентам-архитекторам пришлось срочно придумывать имя. Вариант «Али-Баба и сорок разбойников», предложенный Бутусовым, никому не понравился, хотя задним числом и закрепился за их прошлогодней записью. Звукорежиссер Андрей Макаров, бывший, как и все арховцы, фанатом «Led Zeppelin», предложил название «Наутилус», объяснив его так: «Тот же дирижабль, только подводный». Такая глубинная аналогия всем понравилась. Правда, на семинар от свежеокрещенной группы смогли поехать не все.

Александр Пантыкин, 1983 год

Автобус с рокерами притормозил у здания архитектурного института. На тротуаре зябко поеживались фигуры в кепочках. Неформальный лидер свердловской рок-общественности Николай Грахов, уже знакомый с этой парочкой, представил ее: «Это хорошие молодые ребята, тоже рок играют. Давайте их с собой

возьмем». Гитарист «Урфина Джюса» Егор Белкин, глянув в окно на волосатых сиротинушек, покровительственным тоном махра согласился: «Почему бы и нет! Ребята вроде нормальные». Дверь автобуса открыли, и в высокое собрание втиснулись Слава Бутусов и Дима Умецкий.

По дороге на семинар Бутусов сидел в автобусе рядом с Коротичем: «Слава рассказал мне, что хочет записывать альбом. Я отнесся к этому несерьезно — ну Слава, ну альбом… Потом он признался, что мечтает посотрудничать с поэтом "Урфина Джюса" Ильей Кормильцевым. Я всю дорогу отговаривал его от этой мысли: "Зачем тебе этот Кормильцев, лучше пиши стихи сам, или давай найдем нормального поэта, или давай я стихи напишу…" Слава богу, упрямый Слава не поддался на мои уговоры».

Приехав на место, начали праздновать. Возлияния были бурные. Слава с Димой встали в дверях лекционного зала с бутылкой портвейна и не пропускали никого внутрь без штрафной. Благодаря такой пропускной системе, о чем читали лекции на семинаре, — никто не помнит. Для пропаганды здорового образа жизни программу дополнили футбольным турниром. Рокеры весело погоняли мяч и вернулись за столы. Те, кто смог доползти до сцены, устроили сумасшедший джем-сейшн.

Андрей Саднов, Вячеслав Бутусов, Александр Зарубин, Александр Пантыкин, 1983 год

Бутусов с Умецким, побывав на загородном рок-семинаре,

влились в семью свердловских рокеров. Вскоре после этого состав группы изменился: появился барабанщик Александр Зарубин. В клубе Арха приступили к репетициям новых вещей. Музыку и часть текстов написал Бутусов, а остальные он почерпнул из сборника венгерской поэзии. «Книжка к нам попала случайно, — рассказывал Умецкий. — Просто открыли, смотрим, а там так здорово, у них такие роковые тексты. Эту антологию можно шелушить и шелушить».

Когда в клубе на первом этаже института репетировал «Наутилус», шедевры венгерской поэзии легко можно было разобрать под самой крышей здания. Как-то преподаватель марксистко-ленинской эстетики Олег Петров спросил Бутусова: «Слава, зачем вы так кричите?» — «Я так вижу!» — «Это я понимаю. А кричите-то вы зачем?» После таких вопросов Славина манера пения стала несколько сдержаннее.

Летом клуб архитектурного института превратился в студию. Для второй записи «Наутилус» пригласил мэтров. «Трековец» Александр «Полковник» Гноевых взялся отвечать за звук, а «джюсовец» Александр Пантыкин — за весь процесс целиком. Оба мэтра дали согласие. Однокурсник и друг Бутусова Ильдар Зиганшин, снимавший весь процесс записи на фотопленку, считает второе кадровое решение ошибочным: «У них были абсолютно разные взгляды. Если арховцы любую придурь в хорошем смысле слова воспринимали как должное, то Пантыкин, казалось, даже классическую музыку принимал только самую правильную. Саша — человек четко структурированный. За рамками устоявшихся музыкальных схем для него как будто ничего не существовало. И было бесполезно распечатывать перед ним все консервы, наполненные Славиными идеями. У них со Славой не совпадали вектора. И до сих пор невозможно разобраться, что же в результате этого несовпадения получилось».

Со стороны Полковника запись «Наутилуса» была просто дружеской помощью. Он не хотел погружаться в этот процесс с такой же самоотдачей, как в запись «Трека», да ему и не дали бы. Например, у «наутилусов» вместо барабанов был какой-то кошмар, произведенный в городе Энгельсе. Чтобы добиться хотя бы мало-мальски приемлемого звучания, на настройку ушло бы много дней. «Наутилусы» просто скисли бы, погружаясь во все эти технические подробности. Полковнику приходилось выбирать между собственными амбициями — записать как можно лучше — и тем, чтобы вообще это записать: «Я считаю, что на "Переезде" нет ни одной качественно записанной песни. Моя б воля, я бы подолгу возился с гитарным звуком, со звучанием баса, с настройкой барабанов… А у них трубы горят, им бы записаться

быстрее. В результате сделали все недели за две».

Был ли материал «Переезда» заранее отрепетирован — непонятно. У Ильдара складывалось впечатление, что все сочинялось прямо с колес. «Скорее всего, какие-то рыбы были, но, видимо, Слава делился ими только с Сашей, стараясь особо не демонстрировать их никому».

Привыкший к «трековской» дисциплине Полковник, скрипя зубами, молча смотрел, как архитекторы выпивают перед репетицией, а те не могли себе представить, как можно музицировать, предварительно не выпив хотя бы пива. Пантыкин не молчал, он видел свою роль как направляющую и руководящую: «Таких, как Слава, тогда много было. Никто на него не обращал внимания, все его на фиг посылали. Только я помог ему записать альбом». Впрочем, по мнению Зиганшина, роль продюсера лидер «УД» сыграл не блестяще: «Саше было понятно, что "Наутилус" — уже зародившееся существо. А значит, надо поучаствовать в его становлении. Просто отойти в сторону и не мешать Пантыкин не смог. А у Славы не хватило сил попросить Маэстро просто полюбоваться на полет пускай еще

неумелых, но уже оперившихся птиц».

Оформление Ильдара Зиганшина

«Сашиного продюсерства там не было, — говорит Бутусов. — Он просто пришел на несколько сессий и обогатил весь материал своим пианино, в молоточки которого навтыкали кнопок. В некоторые песни, в записи которых он участвовал, он привнес профессиональную аранжировку. Одна "Ястребиная свадьба" чего стоит… У нас были грандиозные амбиции, а других профессионалов, кроме Пантыкина, мы не знали. Мы выбрали Сашу с точки зрения музыкальности, хотя «трековцы» тоже вполне бы могли подойти».

Пантыкин и сам согласен с тем, что результат его руководства вышел не ахти: «В "Переезде" я еще не знал, как работать. Только спустя 10 лет я понял, как должна звучать "Ястребиная свадьба", и сделал ее как надо на альбоме "Отчет". Эта версия на порядок выше того, что Слава горланит, просто произведение искусства».

«Переезд» получился коротеньким, мрачным и невразумительным. К нему в качестве «второй стороны» прилепили песни из прошлогодней записи «Али-Бабы», и первый альбом «Наутилуса» пошел гулять в народ именно в таком виде.

Альбом «Переезд» понравился далеко не всем, особенно тем, кто сравнивал его с хулигански-веселой первой записью. «В "Али-Бабе" было столько задорной бодрости, что можно простить ему некоторую идиотичность. В "Переезде" нет ничего подобного. Он производит впечатление какой-то зажатости, — утверждает Ильдар Зиганшин. — Слава дал мне послушать материал одному из первых, и я пришел в страшное уныние, чем с ним и поделился. Он сослался на общее настроение венгерской поэзии. Для него она в альбоме была красной нитью. При этом сам

удовлетворения от результата он не испытывал. Даже звуковая выделка не спасла материал».

Правда, сегодня Бутусов вполне доволен результатами работы 1983 года: «Если учитывать, в каких условиях происходила запись, "Переезд" — просто замечательный альбом. В нем нашла выход наша бурная творческая энергия».

При знакомстве с материалом советских рок-групп начала 1980-х обычно в голову лезут мысли об источниках вдохновения музыкантов, о том, откуда что содрано, или, говоря дипломатичнее, откуда выросли их песни. С «Переездом» — другой случай. В номерах этого альбома хочется найти истоки будущих хитов «Наутилуса Помпилиуса», обнаружить предков «Казановы», «Алена Делона» и «Тутанхамона». Генеалогия выстраивается с большим трудом.

Если рассматривать только собственно «Переезд» (оставляя бонусные дописки 1982 года за бортом), то песни распадаются на две примерно одинаковые кучки: условные рокешники и столь же условную лирику. Под звуки песен из первой категории лампочка в голове загорается только у тех, кто слышал вокализы Бутусова в металлической версии димовского «Степа» образца 1986 года. Тот же ор на пределе человеческих возможностей при крайнем лаконизме мелодического рисунка. Нечто подобное, но не столь истошное, можно было услышать на несостоявшемся наутилусовском альбоме «359 градусов обстрела» (1985), но так как эта запись была похоронена самими музыкантами, то данную ветвь развития группы можно считать тупиковой. С лирическими композициями дело обстоит еще кислее. Без душераздирающих воплей становится слышно, как композиции рассыпаются на плохо сочетаемые между собой партии инструментов. Рояль Пантыкина, продюсировавшего альбом, пытается сцементировать эту несуразную архитектурную конструкцию, но получается плохо; гитарист Андрей Саднов ищет любую щелочку, чтобы продемонстрировать, что он может поиграть и так, и вот этак, и даже фламенко потянет. Когда же воля продюсера берет верх, получается нечто почти «УДэшное», как в песне «Фанта Джюс» (ирония или самоирония?). Легкий отсвет будущего «Помпилиуса» можно разобрать разве что в треке «Музыка», слегка напоминающем «Свидание», — мягко говоря, далеко не главный хит «Невидимки».

Но удачи в «Переезде» все-таки есть, правда, откопать их из-под нагромождений исполнительского мусора, отмыть и превратить в сияющие кристаллы удалось другим артистам. Настя Полева до сих пор исполняет на концертах «Летучий фрегат», а Александр Пантыкин в 1993 году продемонстрировал,

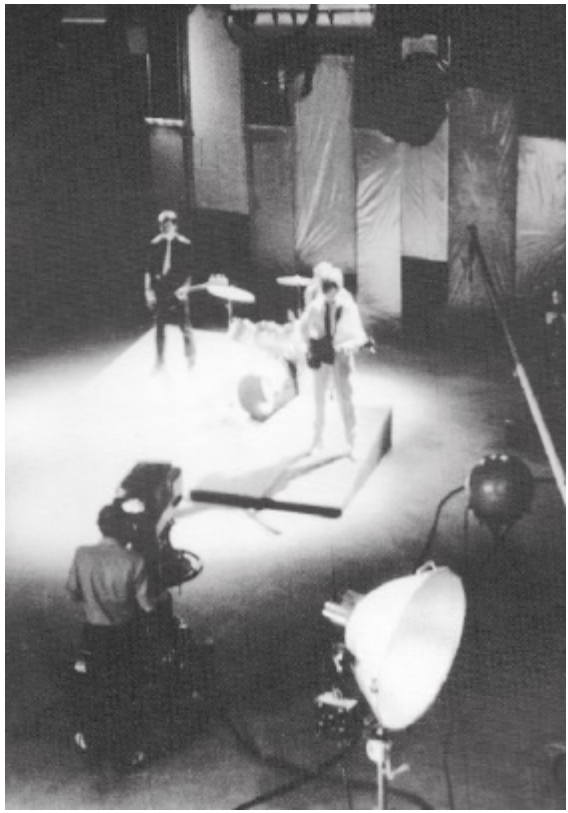
как должна была звучать «Ястребиная свадьба», если бы ему не мешали всякие там…

Если сквозь утрамбованное полотно «Переезда» и удалось пробиться нескольким росткам, то своим цветением они обязаны совсем другим садоводам. По отдельно же взятой записи 1983 года сложно представить, что через несколько месяцев Бутусов начнет сочинять один шедевр за другим и «Наутилус», переехав свой первый альбом, двинется совсем в другом направлении — в сторону «Помпилиуса», «Невидимки» и истошно вопящих стадионов.

Нельзя сказать, что «Переезд» сделал группу популярной, но известности хватило, чтобы «Наутилус», наравне с «Урфином Джюсом» и «Треком», попал в пресловутые черные списки, рассылавшиеся из Москвы по областным управлениям культуры.

Осенью «Наутилус» надолго осел в ДК «Автомобилист». Базу надо было отрабатывать. 30 октября, в профессиональный праздник — День шофера, — группа исполняла со сцены песни автомобильной тематики. Под шумок в День первокурсника САИ дали собственный концерт. Для усиления подключили Виктора Комарова, сыгравшего на рояле. Мнения об этом дебюте разошлись. В зале народ скучал, на следующий день в институте зрители благодарили музыкантов.

Под новый год «Наутилус» впервые мелькнул на телеэкране. В новогодней программе Свердловского телевидения земляков поздравили с праздником «Урфин Джюс» и «Наутилус». Специально для этого с помощью Кормильцева сочинили две задушевные песни. Бутусовский шлягер назывался «Снежная пыль». На фоне немудрящих спецэффектов полуподпольные рокеры выглядели беззащитными и нестрашными.



Съемки на телевидении, 1984 год

Еще одна ТВ-съемка состоялась в апреле 1984 года, уже в период полураспада студенческого состава «Наутилуса». После защиты диплома все начали разбегаться. «Нас предупреждали, что при выходе на работу будет стресс, — вспоминал Умецкий. — Но насколько чудовищным он будет, мы предположить не могли».

Музыканты «Наутилуса» за последние два года полностью погрузились в искрящееся рок-н-ролльное море, и выныривать на тусклый берег им совершенно не хотелось. Бутусов, по его собственным словам, «мечтал жить только в этой плоскости, в этой атмосфере, в этом пространстве, чтобы поменьше оставалось всего остального: этой рутины, обыденности, угнетающей и серой реальности. И не хотелось задумываться о том, что она неизбежна, что с этим нужно учиться жить… В 84-м году мы поняли, что сейчас нас всех разметает по разным местам и мы, может быть, даже и не увидимся. Состояние было, как у наркомана, когда его от дудочки оторвали. Мне предназначено было в Тюмень ехать. Как потом выяснилось, от меня там чудом отказались».

Умецкий находился примерно в таком же настроении: «Когда

мы закончили институт, депрессии были чудовищные. Все-таки Арх — это была вольница. Где еще в обеденный перерыв можно было по официальной трансляции послушать "Led Zeppelin"? А тут пришлось ходить на работу! Ну, в конце концов с этой ситуацией мы справились».

Хотя почти все «наутилусы» остались работать в Свердловске (только Андрей Саднов уехал в Первоуральск), группа фактически развалилась. Рокеры превратились в проектировщиков, гитары заменили кульманы и рейсшины. Слава в институте «Уралгипротранс» придумывал облик станции метро «Уралмаш». Дима водил карандашом в «Уралтеплоэнергопроекте». Производственную усталость молодые проектировщики снимали не музыкой, а алкоголем. Постепенно тусовка почти махнула на них рукой — еще двое подававших надежды больше уже ничего не подают…

Вячеслав Бутусов во время защиты проекта, 1984 год

Лето Слава с Димой провели в разброде и шатаниях. Осенью начали снова думать о музыке. Они предложили только что вернувшемуся из армии барабанщику «Трека» Андрею Котову поиграть с ними хард-рок. Тот отказался — он уже репетировал с будущим «Кабинетом». «Они очень расстроились, перестали играть хард-рок, взяли драм-машину, и получился известный всем "Наутилус". А если бы я согласился, может быть, до сих пор играли бы хардешник», — улыбается Котов.

3

В отсутствие барабанщика пришлось изобретать другие варианты. У клавишника «Слайдов» Алексея Хоменко попросили «Yamaha PS-55» со встроенной драм-машиной. На ней стал играть Витя Комаров, ставший третьим «наутилусом». С появлением клавиш сразу изменился и стиль. «От драм-машинки мы пришли в страшный восторг, — говорит Бутусов. — Кроме того, это давало нам возможность записываться в однокомнатной квартире по ночам. Мы не могли позволить себе живые барабаны в этих условиях. Так что new wave была для нас идеальным форматом».

Виктор «Пифа» Комаров на концерте в Челябинске, 1985 год. Фото Леонида Порохни

В конце февраля 1985-го началась интенсивная работа над новым материалом. «Все было очень весело, — рассказывает Комаров. — Слава приносил какую-то текстовую рыбу и слабые-слабые наметки мелодии. И на это, как на стержень от искусственной новогодней елки, остальные нанизывали свои

музыкальные идеи. В результате оставалось только воткнуть наверх звездочку».

Звукооператоры Леонид Порохня и Дмитрий Тарик записывали альбом в пустой однокомнатной квартире на портастудию Кормильцева. Илье принадлежала не только аппаратура, но и текст последней вещи альбома «Кто я?» Именно с нее началось активное сотрудничество авторского тандема Бутусов — Кормильцев.

Хозяин квартиры, однокурсник «наутилусов» Дима Воробьев, уехал в отпуск и рекорд-сессии не мешал. Но стены в доме были тонкие, и Славины рулады могли переполошить соседей — запись происходила в основном в ночное время. Поэтому в тех местах, где требовалось форсировать вокал, Бутусов пел в лежачем положении — его с микрофоном накрывали всеми имеющимися матрасами и одеялами, и под этой мягкой звуконепроницаемой грудой он вопил в свое удовольствие. Правда, удовольствия было мало: под тяжестью перин он рисковал задохнуться.

Оформление Ильдара Зиганшина

Восьмого марта запись альбома, получившего название «Невидимка», была закончена. Новое творение группы в тот же вечер включили на дискотеке в архивском общежитии, но танцующие не оценили историчности момента. На следующий день состоялась «официальная» презентация релиза. На квартиру Воробьева пришел целый конклав. Человек шесть, в том числе Грахов, Белкин, Матвеев. Все уселись на полу, включили портастудию. Прослушали альбом. Несколько минут тишины.

Потом начались осторожные высказывания. Народ был ошарашен. Это звучало абсолютно не в свердловском стиле. Драм-машина, четкий ритм, аккуратные клавиши, Славин вокал, исполненный какого-то страдания. Матвеев был просто пришиблен: «Мы сидим и ждем, узкий, можно сказать, избранный круг. "Помпилиусы" волнуются больше всех, возятся с аппаратурой. И вот раздается голос, просто голос… Что же, начало многообещающее, посмотрим, что будет дальше. А дальше наступил полный абзац. Все дерьмо мира и поколения, все дурные вибрации были выплеснуты на нас, но это было на таком высоком уровне, что я не побоюсь одного умного слова — катарсис. Да-да, я пережил именно катарсис и после прослушивания просто встал и поехал домой, ибо ни говорить, ни слушать больше не мог». «Невидимка» стал огромной неожиданностью. Никто не думал, что такое можно сделать.

Кстати, именно в этот день было объявлено, что «Наутилус» теперь еще и «Помпилиус». Латинское имя голожаберного моллюска вспомнил полиглот Илья Кормильцев. Музыканты боялись, как бы их не начали путать с московскими тезками. Имена бывших участников «Машины времени» Евгения Маргулиса и Сергея Кавагоэ давали столичному «Наутилусу» фору, и уральцы боялись затеряться в тени… Через три года московский «Наутилус» не выдержал конкуренции с «НП» и распался…

Одно из первых прослушиваний «Невидимки» проходило дома у Пифы. Слушали и пили, причем пили больше. Потом началось нетрезвое обсуждение. Раздались голоса, что новый «Наутилус» — это попса и не имеет права именоваться роком. Бледного Бутусова закидали этими обвинениями по самую макушку. Умецкий с гитаристом «Метро» Володей Огоньковым, не любившие подобных философских базаров, ушли в дальнюю комнату, где бухали портвейн и травили анекдоты. Вдруг Умецкий заметил прошмыгнувшего на кухню Славу, схватил бутылку и бросился за ним. Влетев на кухню, собутыльники увидели разожженную газовую конфорку и пьяного в хлам Бутусова, разматывающего пленку «Basf» с драгоценной «нулевой» копией «Невидимки» на пол. Схваченный поджигатель стал кричать: «Пустите, я не выпущу это! Я уничтожу это говно!» Первым делом Дима смотал обратно на катушку пленку, а затем насильно влил в рот лидеру будущей супергруппы немного портвейна. Эта доза стала последней алкогольной каплей, необходимой для перехода Бутусова в стадию тревожного сна. Наутро он ничего не помнил. Все остальные даже ничего не заметили. Уничтожение пленки не было бы катастрофичным — к тому моменту существовало уже несколько копий, но Слава в том

разрушительном порыве готов был стереть с лица земли все следы своего детища. Столь болезненная реакция на критику заставила хранить драгоценный оригинал под семью замками и уж точно не брать его с собой на «музыковедческие» застолья.

«Наутилус Помпилиус» и «Урфин Джюс», 1985 год

«Невидимка» быстро разошелся по стране. На альбом обратила внимание даже московская рок-пресса, обычно с некоторым снобизмом посматривавшая на провинцию. Журнал «Урлайт» в начале 1986 года опубликовал рецензию Евгения Матусова, укрывшегося за псевдонимом Робинзон: «Ребята поют о взрослении, о расставании с девушкой своей мечты, о мисс Америке. Очень лирическая песня и очень грустная… Говорят, свердловские группы слишком увлекаются мистикой, что первый диск "Наутилуса" был сплошной "мистикой". Я не слышал первого диска "Наутилуса", плохо разбирал слова на концерте свердловской группы "Трек", не слышал "Урфин Джюса", но если кто-то должен напоминать в музыке о смерти — пусть это делает Свердловск…»

«Невидимка» сразу выкинул вчерашних студентов в самый топ уральской рок-сцены. «Наш успех начался с "Невидимки", на нас сразу ушат ландрина вылили, — говорил Умецкий. — Он попал к месту как-то и ко времени, поэтому он так сразу и разошелся». Вскоре последовало первое гастрольное приглашение — 1 июня «НП» отправился в соседний Челябинск.

«Наутилус» представил южноуральской публике свою новую вокалистку — еще 15 мая в группу позвали бывшую участницу «Трека» Настю Полеву. Новый альбом был исполнен полностью. Настя солировала в «Князе тишины», подпевала Бутусову в «Последнем письме» и «Мифической столовой». В «Столовой» пришлось поработать голосом и Пифе: «Слава забыл текст, и я подхватил за него. Слова он вспомнил, но закончить куплет я уже ему не дал. Сам пел». Две сотни зрителей принимали очень хорошо. И «Наутилус» презентовал две новые песни: «Клипсо Калипсо» спела Настя, а «Взгляд с экрана» (представленный ведущим как «Любовь на стене») — Бутусов. Текст к обеим новинкам написал Илья Кормильцев. Штатный поэт «Урфина Джюса» почти полностью переключился на «Наутилус».

Вячеслав Бутусов, Настя Полева, Егор Белкин, Виктор «Пифа» Комаров, Дмитрий Умецкий, Александр Пантыкин в Челябинске, 1985 год. Фото Дмитрия Константинова

Стеснительный очкастый юноша с пачкой текстов в руках появился в свердловской рок-тусовке в конце 1980 года. Лидеру новорожденного «Урфина Джюса» Пантыкину до зарезу требовался текстовик. Решил проблему новый знакомый, которого звали Илья Кормильцев. Его стихи сначала Саше не понравились, но с этим материалом уже можно было работать. С первых дней совместного творчества композитор и поэт очень сблизились: «Мы много говорили, и я чувствовал, что у нас с ним

один уровень. Мы очень сильно отличались от других людей. Все они выглядели какими-то недоделанными, недоумками, которые ничего не могут, ничего не читают, ничего не слушают. Нам казалось, что мы — одни из немногих. Тех, кто мог нас понять, совсем мало. Такой у нас был снобистский подход».

Первые недели общения молодых соавторов прошли в творческих поисках: «Мне было важно видеть в лице поэта музыкального человека. Илья слушал очень много музыки, он знал ее энциклопедически. Мы с ним переводили английские тексты, анализировали их — это была настоящая лаборатория. Мы искали новую подачу русских слов, открывали способ, как уложить их в прокрустово ложе рока».

Илья очень болезненно относился к требованиям редактировать свои тексты. По словам Пантыкина, «он считал свои произведения гениальными, а себя — последней инстанцией». Творческие амбиции усугублялись личными качествами Ильи. Сказать, что он был человеком сложным, — это очень мягкая формулировка. «Кормильцева мы все страшно не любили, — вспоминает Александр Коротич. — Он был крайне неудобный человек. Даже я, очень спокойный по характеру, несколько раз крепко с ним ругался. Мы все убеждали Пантыкина выгнать этого Кормильцева и найти нормального поэта. У него и рифмы какие-то странные, и тексты для музыки «УД» какие-то несерьезные. Но Саша не поддавался».

Пантыкин и сам частенько страдал от кормильцевских закидонов: «Илья был фантазером, даже интриганом и провокатором. Он мог выдумать несуществующую ситуацию и закинуть в народ эту сплетню, понимая, что человек благодаря ей выглядит в дурном свете. Практической выгоды он при этом не преследовал — это была форма его существования. В "Урфине Джюсе" Кормильцев постоянно был заводилой какой-то ерунды, каких-то разборок. Однажды ему за это морду начистили, после чего он заявил, что не будет с нами работать. Ничего, помирились. Я, столкнувшись пару раз с такими выходками, просто перестал обращать на них внимание. Но прежнего теплого расположения к Илье у меня уже не было».

Илья Кормильцев, 1985 год. Фото Дмитрия Константинова

В то же время Кормильцев покорял людей своим широчайшим кругозором и готовностью делиться им чуть ли не с первым встречным. Он удивлял все заводоуправление Верхнепышминской «Радуги» тем, что в каждую свободную минуту доставал из сумки книжку, чаще всего иностранную, и начинал запоем читать. Егор Белкин благодарен Кормильцеву за открытие новых музыкальных горизонтов: «Я же простой парень, кроме хард-рока ничего не слышал. А он мне дал свежие альбомы Кейт Буш и Питера Гэбриела — это по тем временам было дико продвинуто. Новые стоящие идеи появляются только тогда, когда ты слушаешь разные музыки, когда они в твоей голове спорят между собой».

За неполных четыре года сотрудничества Кормильцева с «Урфином» их отношения с Пантыкиным пришли в полный раздрай: «Мы ссорились, неделями не разговаривали, спорили. Он обвинял меня в том, что я не ценю его поэзию, я его — что он ни хрена не понимает в музыке. Я чувствовал, что мы рано или поздно разойдемся».

Осенью 1984 года Николай Грахов встретил Кормильцева

неподалеку от УПИ: «Он был в истерике: "Что мне делать?! Я в отчаянии! Пантыкин не хочет со мной работать! Я не вижу применения своим талантам. Я не вижу никого, с кем я мог бы еще сотрудничать". Я предложил ему посотрудничать с молодыми группами, но он возразил: "Нет, они не того уровня, который мне интересен". Для него это была настоящая трагедия».

Вскоре после этого на текст Кормильцева «Кто я?» написал песню Бутусов. Илья признавался Егору Белкину, что он чувствует перспективу, что ему страшно интересно поработать со Славой и Димой. Он весь горел энтузиазмом. По словам Умецкого, «Илья сам предложил стать нашим штатным поэтом, то есть он не пишет ни для кого, кроме нас, но и мы не пользуемся ничьими стихами, кроме его, ну и собственных. Этакий двусторонний эксклюзив».

Кормильцев был очень плодовитым поэтом. Его папка пухла от невостребованных стихотворений. В 1985 году он, помимо «Наутилуса», начал сотрудничать сразу с несколькими коллективами, как будто боясь остаться невостребованным. Но главным для Кормильцева с 1985 года стало сотрудничество с «Наутилусом Помпилиусом». Пантыкин находит этому два объяснения: «Слава его тексты почти не менял — он просто брал их как есть и писал на них песни, что Илья всячески приветствовал. Кроме того, у "Нау" уже имелась "Гудбай, Америка" — явный хит. А как только запахло хитами, Кормильцев сразу переметнулся туда. Он всегда был там, где успех».

Вячеслав Бутусов подтверждал версию, что именно его бережное обращение с текстами расположило Кормильцева к «Наутилусу»: «Илья сначала давал нам литературные экзерсисы, которые он писал для себя. Его потрясло, что мы с пиететом к ним отнеслись, ни буковки не попросили убрать. Илью это зацепило, и мы легко договорились: он дает нам тексты в свободной стилистике, а мы не диктуем, о чем должна быть песня, в каком размере, в каком темпе и так далее! Для него это было отдохновением — я редко просил Илью что-то переделывать, он всегда это болезненно воспринимал. Если я видел, что текст совершенный, брал его таким, какой он был. Если требовались какие-то хирургические вмешательства, то лучше дать стихам отлежаться, не мучить их, всему свое время». Как бы то ни было, именно как текстовик «Наутилуса» Кормильцев стал известен всей стране.

Химик по образованию, он имел энциклопедический кругозор и был лингвистом от бога. Те, кто брался подсчитать количество языков, которыми Илья владел достаточно свободно, обычно сбивались после 15-го пункта. Было принято считать, что в его

арсенале 17 языков. Сам полиглот на вопросы по этому поводу многозначительно улыбался. Знание языков часто помогало ему в написании текстов.

«Кормильцев нередко выбирал переводческий путь, — говорит поэт «Трека» Аркадий Застырец. — Он был в "языке" и мог использовать матрицы, которые в рок-н-ролльной традиции уже существовали. Я же не настолько знал английский, и песни, которые я слушал на пластинках, звучали для меня, как англофонная "рыба". Поэтому я всегда пытался реализовать свою собственную фонетическую содержательную матрицу».

Мнение об использовании Кормильцевым чужих идей довольно распространено. Действительно, достаточно сравнить его «Взгляд с экрана» и подстрочный перевод песни «Robert De Niro's Waiting» английской поп-группы «Bananarama»:

> Надежда брошена на пол, как разбитые мечты подростка.
> Мальчики, живущие по соседству, никогда не то, чем они кажутся.
> Прогулка в парке может стать кошмаром,
> Люди смотрят и следуют за мной.
> Это мой единственный выход.
> Смотреть на экран или на лицо на стене.
> Роберт Де Ниро ждет, и говорит по-итальянски.

Текст говорит сам за себя. Достаточно заменить «Роберта Де Ниро» на «Алена Делона», а итальянский на французский — и совпадение будет почти полным. Надо лишь добавить напитки — «одеколон» и «двойной бурбон». Кормильцев и сам не скрывал источников своего вдохновения: «Я использую такой литературный прием, как заимствование, абсолютно сознательно, поскольку считаю, что он совершенно законный — постмодерн в этом веке сделал его даже банальным. Это же не дословный перевод, а использование каких-то фрагментов, диалог с культурой, которую ты слушаешь. В альбоме "Разлука" есть такие смешные источники, как название дискотечной песни уже подзабытой группешки "Bananarama". Она называлась "Robert De Niro Speaks Italian"» («АиФ», № 22, 1997).

Творчество Кормильцева в Свердловске вызывало противоположные оценки. Николай Грахов скептически относится к частому применению термина «гениальность»: «Судить надо по результатам. В песни превращались только самые лучшие его тексты, уже прошедшие отбор композитора. Они хорошо подходили к красивым мелодиям и поэтому легко запоминались. Можно считать, что он был гениальным, но текстовиком».

Экс-клавишник «Наутилуса» Алексей Хоменко считает иначе: «Тексты Кормильцева многослойны, он делает слушателя своим соавтором, дает ему домыслить важный именно для него смысл. Это и есть признак гениальности. Парадоксальный, непредсказуемый Илья был свободен от всего, в том числе и от традиций. Ведь что такое традиции — это лень сделать что-то по-новому. А его традиции не сдерживали. В применении к Илье мне слово "гений" не кажется преувеличением».

«Наутилусы» сотрудничеством с Ильей были довольны. «Он пишет совершенно фирменные тексты, — говорил Умецкий в начале 1986 года. — И если мы запишем новый альбом, там будет где-то 90 % его текстов, ну или 80 %». Андрей Матвеев считает: «При всем уважении к светлой памяти моего близкого друга Ильи Валерьевича, тексты "Урфина Джюса" — это бред собачий, а то, что Илья писал для Славы, было на голову выше, потому что он писал о личном. Здесь произошла магия. Слава почувствовал тексты Ильи, как Илья проникся музыкой Славы. До сих пор, как слушаешь это, слезы на глаза наворачиваются. И дело не в ностальгии, просто это гениальные песни».

«Наутилус» вместе с Ильей частенько зависали в коммунальной квартире, где жил Пифа. Кроме хозяина в комнате обитал еще манекен Федор — существо мертвенно-страшного вида, сотворенное группой «Трек» в натуральную величину из поролона на деревянном каркасе. Витя его приодел, сделал парик. Федя жил между балконной дверью и шторой. Гостю-новичку обычно предлагали отдернуть штору, и милый Федя оказывался с ним нос к носу. Реакция следовала самая разнообразная, беременные женщины были очень недовольны.

Во время одной из посиделок Слава подарил Кормильцеву «Алена Делона». Взял и просто под гитару его спел. Прозвучало это так неинтересно, что Илья пришел в неистовство. Славу он бить не стал, отыгрался на безответном Феде — схватил его и швырнул с балкона. Федор, гремя деревянными сочленениями, пролетел три этажа и упал рядом с греющимися на майском солнышке старушками на лавочках. Они с изумлением наблюдали, как выскочившая из подъезда веселая компания с причитаниями и наставлениями типа «осторожно, голову берегите» занесла тело самоубийцы в подъезд. «После этого бабушки обращали на меня внимание целых две недели», — до сих пор гордится Виктор.

В то время в Свердловске почти два года не было ни одного рок-концерта: городское культурное начальство строго охраняло души и уши уральцев от идеологически чуждых влияний. Затянувшуюся паузу нарушил «Чайф», давший свой первый концерт в сентябре 1985 года в новом ДК МЖК. После выступления к Владимиру Шахрину подошли «наутилусы», восхитились уютным залом и размечтались, как бы им здесь тоже выступить. «Я пошел с этой идеей к директору клуба Сереже Ивкину. Он показал мне список запрещенных групп, где фигурировал «Наутилус», но я уломал его выдать это все за итоговый концерт конкурса самодеятельности архитектурного института».

Концерт наметили на 26 октября. Особо о нем не распространялись, но не из-за суперподпольности. Зал был маленький, с крохотным балкончиком, и все желающие не смогли бы войти физически. В Архе изготовили фотоспособом 150 билетов с тремя стилизованными фигурками. Когда число зрителей перевалило за две сотни, контролеры на входе почуяли подвох. Скрупулезное сличение заведомо подлинных билетов с подозрительными доказало, что преподавание графики в архитектурном институте было на высоте. Проходки подделывали не только с помощью фотоувеличителя, но и виртуозно рисуя те самые фигурки на какой-то лощеной бумаге. Видимо, групп фальшивобилетчиков было несколько, и до момента разоблачения они с помощью своей продукции успели плотно набить зал.

Билет на концерт в ДК МЖК. Оформление Ильдара Зиганшина

Зрители толпились на расстоянии полутора метров от импровизированной сцены. Было душно. Воздух нагревали мощные лампы подсветки. Трое «наутилусов» плюс Настя решили

устроить подобие шоу — глаз радовали костюмы, сильно напоминавшие пижамы. Звук радовал уши гораздо меньше — все плавало, гудело и отдавалось эхом. Но аудиторию это смущало мало. «Невидимку» все знали наизусть, а новых, незнакомых песен было немного. Почти полуторачасовой концерт прошел в теплой дружеской обстановке.

Народ уже расходился, когда примчалась комиссия из района. Ивкин успокаивал проверяющих, что, мол, самодеятельность это, что, мол, все чисто и даже не накурено, когда вдруг в кабинет директора вломился однокашник музыкантов Игорь «Терри» Перин и с порога закричал: «А что, "наутилусы" уже уехали?» На этом концерты в ДК МЖК закончились, и закончилась карьера Сережи Ивкина как директора клуба.

Череда концертных мероприятий прервалась. На 9 ноября намечалось совместное выступление «Урфина Джюса» и «Наутилуса» в ДК «Урал». Но после звонка начальника отдела идеологической и культурно-массовой работы обкома ВЛКСМ Сергея Лацкова исчезли даже мысли о возможности рок-концерта. Вскоре пути Насти и «Наутилуса» разошлись — Полева занялась сольным творчеством.

Концерт в ДК МЖК, 26 октября 1985 года. Фото Дмитрия Константинова

В конце года «Наутилус», взяв за компанию «Чайф», второй

раз съездил в гостеприимный Челябинск. Концерт был назначен на 23 декабря. Бутусов, Умецкий и гитарист «Чайфа» Бегунов уехали раньше остальных музыкантов. На следующее утро основные силы свердловчан нашли их дома у бывшего наутилусовского барабанщика Игоря Гончарова в невменяемом состоянии. Тела квартирьеров окружали пустые упаковки от галоперидола и их собственные галлюцинации. Возможно, поэтому вечерний концерт трудно было назвать суперуспешным.

В Челябинске играли на территории какого-то завода. Проникали туда через дырку в заборе. Билетом служила хитрым образом разрезанная открытка. Если две ее половинки совпадали — значит, свой, проходи. Сначала играл местный «Тролль», потом «Чайф». Играли так себе. На первом ряду сидел лидер челябинской группы «Братья по разуму» Вова Синий и в нелицеприятных выражениях критиковал происходящее. Вышли «наутилусы». Публика начала танцевать. Синий продолжил критику. Концерт закончился. Гастролеры уехали в Свердловск, а публика разошлась довольная, по дороге побив Вову Синего за его критиканство.

К концу года ясно ощутилась смена лидеров внутри свердловского рок-н-ролльного сообщества. После «Невидимки» вперед явно выбился «Наутилус Помпилиус», чья музыка начала завоевывать слушателей далеко за пределами Урала.

Зимой «НП» попробовал снова заняться записью. Альбом «359 градусов обстрела» репетировали и начерно записывали у Славы дома. Но заход оказался неудачным, работа так и не была закончена. От альбома сохранилась всего одна песня — «Каждый вздох». По словам Бутусова, она была данью уважения хард-року, от влияния которого группа долго не могла избавиться.

11 января 1986 года произошло важное событие: архитектурное трио впервые сыграло с саксофонистом Алексеем Могилевским. Случилось это на подпольном концерте с участием четырех свердловских групп в институте «Уралтехэнерго». «Наутилус», «Чайф», «Урфин Джюс» и «Флаг» на одной сцене — ничего подобного в Свердловске не было со времен фестиваля САИ, почти пять лет!

«Наутилусы» и Могилевский уже были знакомы, по Лехиным словам, близость музыкального училища и архитектурного института к одним и тем же винным магазинам сблизила его с творческой элитой. Алексей, после окончания музыкального училища работавший по распределению завклубом в селе Черемисское, приехал попеть и подудеть в составе группы «Флаг», с которой сотрудничал еще в годы учебы. Однако «Флаг» в помощи не нуждался, и бесхозного духовика завлекли к себе

«наутилусы», тут же на пальцах объяснив, что и когда надо играть. Попутно заведующий сельским клубом приобрел облик типа «продвинутый городской юноша конца XX века»: «Переодел меня Андрюша Макаров, который в «Наутилусе» не только заведовал звуком, но и волок на себе еще функции костюмера. Он заставил меня сменить тельняшку на футболку с модным рисунком, какие-то девчонки из арховской тусы меня тут же подстригли. Мы чуток прорепетировали в комнатке за сценой… Таким образом я, приехав помочь "Флагу", сыграл с "Наутилусом"». В результате special guest и его соло на саксофоне в «Рислинге» вызвали ажиотаж в зале. Троице понравилось звучание саксофона, и они предложили Могилевскому поиграть вместе. Однако сам Алексей почти полгода себя «наутилусом» не считал, он там просто работал.

Концерт группы «Наутилус Помпилиус» в Уралтехэнерго, 11 января 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

В начале 1986 года «Наутилус Помпилиус» впервые появился на киноэкране. Музыканты поучаствовали в создании короткометражного фильма «Раньше было другое время», снятого ассистентом режиссера Свердловской киностудии и студентом-заочником Высших режиссерских курсов Алексеем Балабановым. С рок-тусовкой Алексей был неплохо знаком. В середине 1980-х его сближали с уральскими рокерами и возраст, и любовь к современной музыке, и принадлежность к узкому кругу молодой

уральской богемы.

Алексей Могилевский на концерте в Уралтехэнерго, 11 января 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

Когда знакомый Балабанова студент-оператор из ВГИКа Александр Кочусов взялся за курсовую работу, Алексей сразу решил, что надо делать маленькое, но настоящее игровое музыкальное кино. «Операторские курсовые вообще можно было без сюжета снимать. Но Леха считал, что если дают камеру и пленку, то надо делать настоящий фильм!» — вспоминает близкий друг Балабанова Егор Белкин.

Сценарий был написан за одну ночь. Молодой парень (Игорь Незлобинский) задолжал крупную сумму. Его девушка (Надежда Озерова) целый день бегает по городу, пытаясь найти деньги, чтобы помочь любимому. Вечером в ресторане кредитор (Виктор Шавруков) соглашается простить долг, если несостоятельный должник уступит ему свою подружку. Тот с радостью соглашается. Девушка случайно слышит этот разговор и горько рыдает, но… утром просыпается в постели кредитора. В семнадцать минут экранного времени уместилась не только эта

однодневная драма, но и несколько песен «Наутилуса Помпилиуса». Если «Клипсо Калипсо» «Нау» с Настей исполняют в кинопавильоне, то «Алена Делона» группа поет, стоя на сцене ресторана, где происходит конфликт. Во время съемок эпизода в кафе «Старая крепость» Бутусов единственный раз в жизни попробовал себя в роли ресторанного лабуха. Первый просмотр короткометражки «Раньше было другое время» состоялся 6 февраля 1986 года. Присутствовавшим на премьере музыкантам работа Балабанова понравилась. Неудивительно, что они с энтузиазмом отнеслись к его идее снять выпуск киножурнала о проблемах молодежной музыки.

Кадры из фильма Алексея Балабанова «Раньше было другое время», 1985 год

Киножурнал «Советский Урал» был дежурным блюдом всех свердловских кинотеатров. Зрители знали, что опоздать на 5–10 минут к началу сеанса нестрашно — ничего интересного не пропустишь. Вести с полей, новости промышленности, репортажи о стройках — под эти кадры было принято занимать свои места и устраиваться в креслах поудобнее. Журнал выходил каждый месяц, но иногда снимались сверхплановые выпуски, которым

присваивались номера 13, 14 и т. д.

Тринадцатый выпуск «Советского Урала» за 1986 год для многих поломал стереотип скучности киножурнала. С большого экрана рассказывали о том, как их не пускают к слушателям, Вячеслав Бутусов, Владимир Шахрин, музыканты «Урфина Джюса». Зияющие пустотой залы домов культуры и монотонный бубнеж директора одного из клубов о проведенной культмассовой работе резко контрастировали со словами молодых людей на улицах. Ребята хотели слушать современную музыку, знали свердловские группы, но не имели возможности их увидеть. Звучавшие с экрана «джюсовский» «Контакт», «Мой блюз» Шахрина и «Последнее письмо» «Наутилуса» иллюстрировали трагичную разобщенность музыкантов со своей аудиторией. Заканчивался выпуск надеждой, что создаваемый в Свердловске рок-клуб сможет изменить сложившуюся ситуацию.

5

Идея создания собственного рок-клуба бурлила в свердловской музыкальной тусовке уже пару лет. «Наутилусы» принимали живейшее участие в осуществлении этого замысла, участвовали в собраниях и встречах с представителями властей, подписывали письма о создании рок-клуба во всевозможные инстанции. Бутусов запомнил пламенное выступление традиционного оппозиционера Ильи Кормильцева на одном из собраний: «В голове замелькали фильмы про Ленина, про революцию, про большевиков и прочие коллизии. Мы слегка обалдели — не были готовы к такой политической борьбе, мы-то думали, что все это просто про музыку». На таких встречах говорили о целях, задачах и структуре рок-клуба, обсуждали возможные кандидатуры его президента. Альтернативы Николаю Грахову не было. Сам будущий президент рок-клуба узнал о выдвижении своей кандидатуры именно от «наутилусов»: «Приехали ко мне домой Бутусов с Умецким: "Давай, ты будешь все пробивать, а мы будем тебе всячески помогать. Думаем, что только ты это сможешь". Ну ладно…»

15 марта 1986 года Свердловский рок-клуб был официально открыт. На его первом заседании в ДК Свердлова полторы сотни собравшихся официально избрали Грахова своим президентом и разобрали анкеты будущих членов рок-клуба. Правда, заполняли бумаги не все. «Урфин Джюс» и «Наутилус» не торопились со вступлением: через неделю у них намечался выезд с концертами в Казань. Музыканты опасались, что если они отправятся на полулегальные гастроли, будучи членами рок-клуба, то могут подставить под удар новорожденное объединение.

Но «Наутилусу» в Казани в тот раз выступить не удалось. Концерт «Урфина Джюса» вызвал в городе такой ажиотаж, что начальники татарской культуры от греха подальше запретили остальные намеченные концерты. Просидев два дня в гостинице, свердловчане вернулись домой, где уже разворачивалась деятельность рок-клуба.

Николай Грахов, 22 июня 1986 года

На начальном этапе главной задачей виделась организация фестиваля с участием максимального количества свердловских групп. Но для выступления перед публикой требовалось получить бумагу с печатью, свидетельствующую, что в текстах песен нет никакой крамолы, так называемую литовку. Литовочные баталии обычно проходили бурно. Например, 13 апреля решалась судьба сразу нескольких программ. Дошла очередь до «Наутилуса». 60 % их текстов назначенный властями цензор милостиво пропустил, а остальные забраковал. Тут уж взорвался Илья Кормильцев. Впрямую дураком он цензора не называл, но всячески давал понять свое отношение к его мнению. Стороны расстались недовольные друг другом…

В июне 1986 года «Наутилус Помпилиус» впервые смог выступить официально. Руководители городской культуры, еще вчера гнобившие «самодеятельные ансамбли», вдруг резко захотели предъявить их творчество народу. Намечался Праздник советско-чехословацкой дружбы, и гостям из города-побратима Пльзеня было решено показать, что в Свердловске поют не только «Уральскую рябинушку». Рок-клуб настоятельно попросили

организовать выступление нескольких рок-групп в Историческом сквере в центре города, причем под фонограмму. Отказаться было невозможно. Выбор чиновников пал на «Урфин Джюс», «Наутилус», «Флаг» и «Трек». То, что «Трека» уже три года как не существовало, заказчиков волновало меньше всего. Отобранные для концерта композиции чудесным образом получили литовку, правда, однократную (существовала, как оказалось, и такая).

Все музыканты были по уши заняты репетициями фестивальных программ. Но против лома нет приема — пришлось им отвлечься. Накануне концерта состоялся его прогон пред светлыми очами руководства городской культуры. Музыканты относились к предстоящему «фанерному» мероприятию подчеркнуто наплевательски. В горкоме комсомола инструментов, понятное дело, не было, поэтому роль клавиш и барабанов исполняли стулья, а гитаристы «играли» на каких-то палках. Тем не менее проверяющие внимательно смотрели на этот дурдом, делали замечания и сетовали на неготовность рокеров к завтрашнему мероприятию.

Виктор «Пифа» Комаров и Дмитрий Умецкий в Историческом сквере в Свердловске, 13 июня 1986 года. Фото Дмитрия

Константинова

13 июня зарядил мелкий противный дождик, под который все наотрез отказались выносить свои драгоценные инструменты. В кладовой стоявшего рядом горного техникума разыскали списанную несколько лет назад рухлядь, и с этим старьем свердловские рок-музыканты впервые появились перед глазами тех самых широких народных масс, к которым их не пускали последние пять лет. На бас натянули какую-то веревку, причем одну. Заметили ли это зрители, не известно. «Широкие народные массы» в количестве около ста человек мокли под дождем в пятидесяти метрах от сцены на другом берегу реки. Чехи среди них присутствовали вряд ли. Музыканты покривлялись, попринимали героические позы, главным образом стараясь не поскользнуться на мокром покрытии. Через час все закончилось.

20 июня 1986 года стартовал долгожданный фестиваль Свердловского рок-клуба. Выступление «Наутилуса», по всем раскладам числившегося среди хедлайнеров, было назначено на третий день. Однако его музыканты несколько раз появлялись на фестивальной сцене и до концерта своей собственной группы. Все они участвовали в дебюте Насти Полевой, Бутусов с Умецким помогли сыграть программу Егору Белкину, Дима подпел «Чайфу», а Могилевский подсаксофонил еще и «Р-клубу» и «Урфину Джюсу». Свердловское рок-сообщество всегда отличалось дружбой и взаимовыручкой.

Публика с нетерпением ждала выступления самого «Помпилиуса». Архитекторы — специалисты по визуальным эффектам — и «НП» очень серьезно подошли к оформлению своего выступления. Продумано было все: от костюмов до кордебалета. Огромный задник с заборными надписями был заказан специально для их шоу. Кордебалет составляли ударные силы студенческого театра миниатюр САИ и балерина Галя Бочкарева. Найденным за кулисами сварным конструкциям тоже предстояло сыграть важную роль в концерте. Их обтянули калькой и установили на сцене.

Костюмы готовить стали задолго. В начале лета Грахов, Бутусов и Умецкий посетили руководство Свердловского дома моделей одежды и попросили помочь. Но это была чистая дипломатия. На самом деле с молодыми сотрудницами СДМО конструктором Таней Безматерных и модельером Лидой Орловой все было обговорено заранее, и они уже вовсю думали, как будут выглядеть будущие рок-звезды. Купили белую бязь и стали варить ее в огромном баке с добавлением красителя. Высушивали и варили снова уже в другом колоре. Получилось яркое полотно в

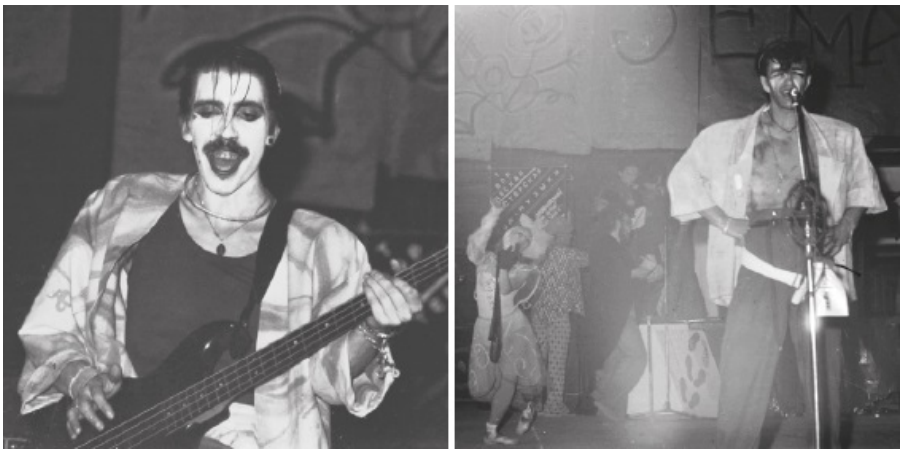
цветастых разводах. Из него скроили и сшили четыре широченных костюма. Весь процесс, включая примерки, занял больше недели.

Когда перед выступлением «наутилусы» надели яркие пиджаки со штанами, Лида Орлова ахнула: после трех бессонных ночей репетиций лица у музыкантов были зеленоватого оттенка, что особенно бросалось в глаза на фоне цветастых костюмов. «Я всегда носила с собой коробочку театрального грима, которую в ту пору дефицита использовала в качестве косметики. Пришлось срочно его применить. Я не особо увлекалась музыкой, и рок для меня был довольно абстрактным понятием. Поэтому на выбеленные лица «наутилусов» я нанесла абстрактные геометрические фигуры в стиле Кандинского». Имидж дополнили узкие темные очки-полоски, привезенные Бутусовым из турпоездки в Польшу. В мешковатых костюмах, с густо наштукатуренными физиономиями, с треугольниками и квадратиками на щеках "наутилусы" приобрели вид четырех грустных Пьеро, непонятно как попавших вместо кукольного театра в Дом культуры имени Свердлова.

В уставшем от ожидания зале кто-то запел «Светит месяц, светит ясный». Как только остальные зрители радостно подхватили знакомый мотив, перед занавесом появился «Терри», который через охрипший мегафон стал вопрошать, все ли готовы к встрече с прекрасным. Публике уже надоело рапортовать о самоготовности, когда свет наконец погас и занавес открылся. В темноте были видны только подсвеченные изнутри белые кубы. Из них, эффектно прорвав кальку, появились «наутилусы». Зал взвыл от восторга. Зазвучала «Радиола».

«Разлука» еще не была записана, но тусовка уже знала все новые песни наизусть. Зал подпевал Бутусову, не обращая внимания на мелкие накладки вроде сбоя ритма на «Раньше было совсем другое время» или лопнувшей гитарной струны на «Рислинге». Под «Взгляд с экрана» появился кордебалет и на заднем фоне начал иллюстрировать историю о соблазнении юной девушки и о висящем на стене киноактере. «Алчи, Алчи» исполнили под два баяна. Разворачивавшиеся черно-белые меха и мерцающий свет превратили выбеленные лица Пифы и Могилевского в какое-то подобие средневековых гравюр. В концовку этой песни неожиданно вплелся припев «Хоп, хэй-хоп!» из маккартниевской «Mrs. Vanderbilt». Публика в очередной раз охнула от радости. Она не замечала, что Слава старается не форсировать голос. Лишь немногие посвященные были в курсе, что ночью на репетиции он доорался до того, что горлом пошла кровь. Под финальное «Последнее письмо» на подиуме позади

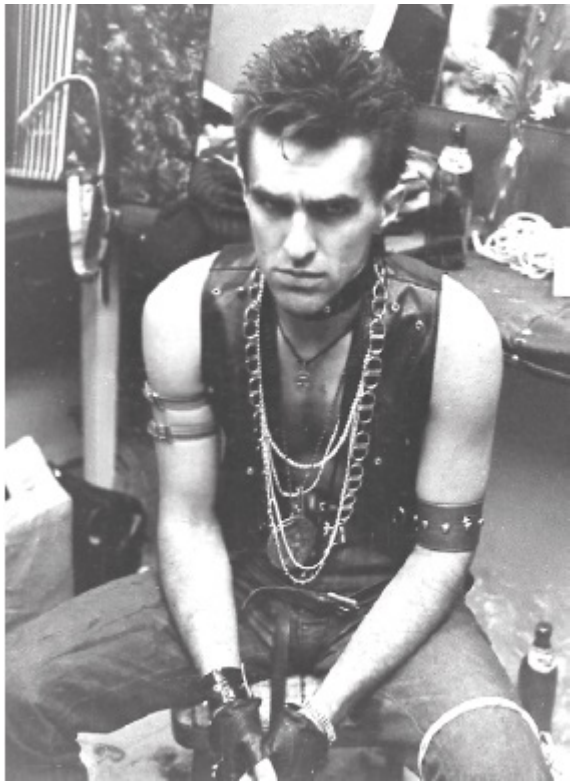
группы собрался десяток заранее предупрежденных рокеров. Шахрин, Кормильцев, Пантыкин и другие дружно тянули «Гудбай, Америка, о-о-о». Забравшиеся на колосники кордебалетчики пускали в зал самолетики и сыпали на артистов мелко нарезанную цветную бумагу. Под впервые исполненную саксофонную коду сцена опустела.



«Наутилус Помпилиус» на I фестивале Свердловского рок-клуба, 22 июня 1986 года. Фото Олега Раковича

Потом были долгие бурные аплодисменты, переходящие в овации, выход на бис и широкие улыбки музыкантов. Больше других радовался Могилевский: «Я понял: это победа! В том числе и моя личная!»

После выступления «НП» Бутусов с Умецким выходили на сцену еще раз — в составе группы «Степ». Именно на ночной репетиции этого металлического коллектива экс-барабанщика «Трека» Евгения Димова Бутусов сорвал горло. Во время концерта «Степа» одетый в цепи и черную кожу Слава разместился на высоченном помосте. На авансцене слева стоял с бас-гитарой Умецкий. Димов взмахнул палочками, и зал вздрогнул от хеви-метала. Огнедышащее вступление чуть смазало то, что бутусовский микрофон включился с небольшим опозданием, но это мало что меняло — слова все равно были плохо слышны. Публика ошарашенно молчала, опаленная этой лавой. Музыка «Степа» вдавила в спинку кресла и вокалиста «Апрельского марша» Михаила Симакова: «К моменту их выхода на сцену мозг уже смирился с наутилусовским имиджем Бутусова. А тут он, как паук, ползает по подиуму и что-то орет в микрофон. Как потом выяснилось, он собирал рассыпавшиеся листочки с текстом. Ни одного слова, ни одной ноты я не помню, но это был настоящий хеви-метал!»



Вячеслав Бутусов, вокалист металлической группы «Степ», 1986 год. Фото Дмитрия Константинова

На второй песне вдруг сломался гитарный аппарат, что резко сбило общий настрой. Умецкий попытался заполнить неловкую паузу басовыми наигрышами, вызвав саркастическую реплику из зала: «Дима, дак ты че, джазмен?» Через пять минут аппарат починили, но очарование от великого и ужасного металла куда-то улетучилось. Всем стало заметно, что мелодии состоят из двух нот, что текст неразличим, да и поет его Слава по бумажке. Зритель поскучнел, даже особо яростные вопли Бутусова не вызывали отклика. Только Умецкий сорвал аплодисменты, когда, не переставая играть, умудрился опустить разгоряченную голову в ведро с водой и, взмахнув чубом, выплеснул пару литров в зал. Закончилось выступление «Степа» совсем кисло. Это неудачное выступление заставило «наутилусов» отказаться от параллельных проектов и сосредоточится на собственном творчестве.

Итоги фестиваля подводили на заседании рок-клуба 25 июня. В составленном по опросу зрителей хит-параде «Наутилус Помпилиус» и его музыканты заняли первые места в категориях «Лучшая группа», «Лучшая программа», «Лучшая песня»

(«Последнее письмо»), «Лучший вокалист», «Лучший клавишник», «Лучший бас-гитарист», «Лучший музыкант». Жюри признало «Наутилус Помпилиус» одним из четырех лауреатов фестиваля.

6

В июле вновь попробовали записаться, и на этот раз успешно. В подвале клуба архитектурного института шла еженощная работа. Звукооператор «НП» Андрей «Макаревич» Макаров недавно устроился на должность завклубом и создал все условия, чтобы музыкантам никто не мешал.

Андрей Макаров, 1985 год. Фото Дмитрия Константинова

Еще в начале сессии стало ясно, что дело пахнет удачей. Могилевский привнес в музыку необходимую долю грамотно поданной танцевальной попсы с хорошим мелодизмом и необходимым хуком. При этом он не давил музыкальным образованием — так, подвинет пальчик Умецкому или посоветует Бутусову остаться не на том аккорде, а на этом. «Именно поэтому я и пришелся ко двору. Пантыкин ведь тоже пытался что-то сделать с "Наутилусом", но он так дернул одеяло на себя, что архитекторам стало страшно от собственной музыкальной дремучести. А тут вроде тоже музыкант пришел, но он объясняет

понятно. А я, видимо, хороший педагог, работал с ними по-простому: делай вот так, парень, и все будет клево. И писалось все влет!»

Правда, помехи возникали все равно. Об одной непредвиденной паузе вспоминает Виктор Комаров: «Как-то ночью к нам в подвал Дима Тарик принес сделанный им первый в Свердловске радиомикрофон. Он был без шнура, только маленькая пипка-антенна болталась. Мы как раз тогда репетировали "Шар цвета хаки". Бутусов начал орать в этот микрофон "Марш, марш левой!" Где-то через полчаса раздался требовательный стук в дверь. Открываем — менты из расположенного по соседству кировского РОВД. Оказывается, микрофон работал на их частоте. Они сидели в дежурке, ни о чем плохом не думали, и вдруг из всех динамиков жуткий вопль "Марш, марш левой!". Пока они поняли, что происходит, Славины вопли выслушали раз восемь. Потом все вместе посмеялись. Парни были молодые, почти наши ровесники, а "Наутилус" к тому времени пользовался небольшой, но уже известностью».

Подобные происшествия служили отличной разрядкой в разогнавшемся механизме рекорд-сессии. Запись альбома полным ходом двигалась к завершению. Он уже имел название, которое, по словам Комарова, появилось случайно. «Макаров просто настраивал микрофон и попросил в него чего-нибудь поорать. Ну мы и начали вопить первое, что в голову пришло. А пришла нам народная песня "Разлука". Изначально это была рабочая запись, на третьем куплете там даже слышно, как Слава ржет». Но после прослушивания с «нестройной акапеллы» решили альбом начать. Так он обрел название и «Эпиграф».

5 августа в клубе САИ собрались полтора десятка музыкантов и руководителей рок-клуба для прослушивания нового альбома «Наутилуса Помпилиуса». Эффект не был таким ошеломляющим, как от «Невидимки» — почти все песни уже знали по концертным выступлениям. Некоторые даже оценили «Разлуку» как неудачу «НП». Это видно по коллективной рецензии, опубликованной в «Свердловском рок-обозрении». Читая ее, можно заметить, что разбираются все песни «Разлуки», кроме двух: «Хлоп-хлоп» и «Скованные одной цепью». Дело в том, что на момент выхода журнала (март 1987) эти две композиции еще не были залитованы.

Когда в конце августа худсовет собрался для литовки новой программы «Наутилуса», споткнулись именно об эти две песни. Заседание вел Николай Грахов: «Когда литовали "Скованных…", цензор испугался и отказался подписывать документы: "Я не вижу смысла — это фига в кармане. Я не сторонник подобного".

Кормильцев в это время ждал на лестнице. Я обрисовал ему ситуацию со "Скованными". Он начал заламывать руки: "Мне надо, чтобы эта песня прозвучала именно сегодня, именно сейчас! Завтра будет уже поздно!" Чуть не плакал». Но в тот раз залитовать две «антисоветские» композиции все равно не получилось.

Оформление Ильдара Зиганшина

Это была предпоследняя попытка запретить песни «Наутилуса». Последний казус случился через несколько месяцев с песней «Отход на север». Бутусов предъявлял паспорт, пытаясь доказать, что крамольная строчка «Я внебрачный сын октября» — это о нем, родившемся 15 октября. Но на чиновников документ впечатления не произвел: «Ты думаешь, мы ничего не понимаем? Ясно же должно быть, что можно, а что нельзя».

Две крамольные песни были официально «удалены» из «Разлуки» (именно поэтому «Свердловское рок-обозрение» о них и не упоминает). Они не исполнялись на концертах еще полгода. В Свердловске одновременно ходили два варианта «Разлуки» — полный и официально-кастрированный. Судя по тому, что публика прекрасно знала и «Скованных…», и «Хлоп-хлоп», второй вариант альбома крутили только в обкомах, горкомах и управлениях культуры. За пределами Свердловска

распространялась полная «Разлука», дотянуться до других регионов у уральских цензоров руки были коротки.

«Разлука» принесла «Наутилусу» уже настоящую славу. Альбом, поначалу далеко не всеми в Свердловске встреченный одобрительно, через несколько месяцев тиражировался тысячами кооперативных студий в не поддающемся исчислению количестве копий. Песни «Наутилуса» вдруг стали символом времени. Все сошлось, как на параде планет: музыка, тексты, аранжировки, вокал и настроения людей. Все сошлось, и «Наутилус» выстрелил.

7

Люди желали не только слышать «Наутилус», но и видеть его. Сначала такая возможность представилась лишь свердловчанам. 5 октября на открытии сезона рок-клуба группа появилась перед зрителями в новом облике «милитари»: галифе, сапоги, «ордена» на груди. Новый имидж разработала Таня Безматерных. В статичной фигуре Бутусова чувствовалась с трудом сдерживаемая агрессия, выплеснувшаяся в зал в новой песне «Мальчик-Зима». Программа состояла в основном из «Разлуки», но сценическая подача придавала некоторым из номеров другой смысл. В «Нашей семье» Могилевский вышел вперед с армейским барабаном, и номер сразу приобрел антивоенный смысл, смыкаясь с «Шаром цвета хаки». Звучание заметно уплотнилось. Саксофона стало больше. Группа выстроила прочную звуковую стену, которая встала между ней и зрительным залом. Публика могла бесноваться сколько угодно, но музыканты словно не видели и не слышали ее. Они будто существовали в иной герметичной реальности. Это был первый выход «Наутилуса» в том образе, который в следующие два года принесет коллективу всесоюзный успех.

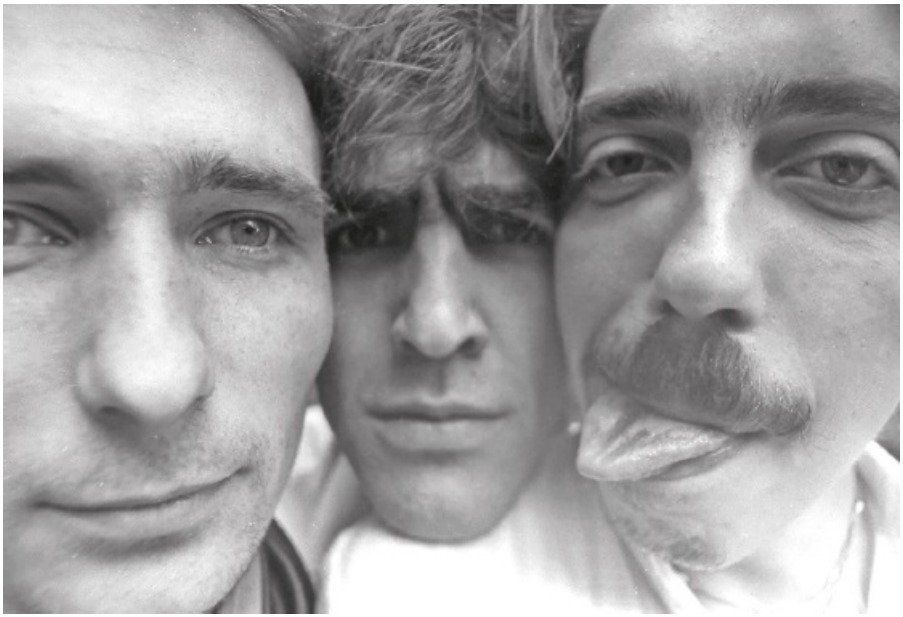
«Архитектурное образование учит: если не можешь сделать сложно — сделай просто. Двигаться мы не умели, и появилась статика», — объяснял поведение музыкантов Умецкий. В этом имидже, который Дима называл «Врангель на излете», «Наутилус Помпилиус» начал шествие по сердцам поклонников.

Порождение горбачевской антиалкогольной кампании — безалкогольный ресторан «Малахит» — предоставил свою площадку для первого официального выхода «Наутилуса» в свет (летняя «фанера» в Историческом сквере не в счет). Концерт нигде не анонсировался. Вход стоил баснословные деньги — пять рублей (правда, в цену входили чай и пирожное). Тем не менее вечером 28 октября собралась огромная толпа, ресторан брали штурмом. Концерт был коротким — залитованных песен было мало. Славе даже пришлось петь сочиненную специально для Насти «Клипсо Калипсо», что выглядело несколько странно при его мужской харизме и галифе.

На открытии сезона Свердловского рок-клуба, 5 октября 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

На следующий вечер «малахитовый» ажиотаж повторился. Правда, власти, цепко державшие руку на общественном пульсе, успели подготовиться: милиции было почти столько же, сколько желающих попить пятирублевого чайку, а лучший столик занимала комиссия из управления культуры. После концерта «Наутилусу» было строго указано на неподобающий внешний вид. Чиновникам не понравились ни Славина косичка, ни Пифины очки, ни бутафорские ордена.

После такого разноса «наутилусы» вместе с организатором концертов Женей Горенбургом решили в подсобке обсудить предъявленные претензии. Обсуждать их всухую было скучно, и они грубо нарушили правила безалкогольного заведения. Кто-то стукнул. Те же самые милиционеры, что час назад охраняли концерт, препроводили артистов в отделение. Активный участник нарушения Виктор Комаров был задержан вместе с остальными: «Нас загребли всех за милую душу. Но когда менты стали заставлять дышать в стакан, медик Горенбург поднял бучу и начал учить их делать правильные замеры и анализы. Он так их достал, что нас всех просто выгнали из ментовки». Концерт, запланированный на 30 октября, отменили. Продажи чая в «Малахите» резко упали.



Виктор «Пифа» Комаров, Вячеслав Бутусов, Дмитрий Умецкий, август 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

На первых концертах стало ясно, что для более уверенного марша требуется усилить состав: в живом варианте в музыке зазияли прорехи. 14 декабря на творческой мастерской рок-клуба Слава с Димой обратили внимание на молодого барабанщика группы «РТФ» Алика Потапкина. Сразу после концерта они предложили ему стать «наутилусом». От такой перспективы отказаться было нельзя, и Алик ответил согласием. Однако и «РТФ» он не бросил, целых полгода разрываясь между двумя коллективами.

Уже через несколько дней Потапкин репетировал в клубе Арха: «От волнения и старательности я покраснел как рак и весь трясся. Но ничего, справился. В конце "Буги с косой" мы с Могилевским выдали джазовую импровизацию. И я почувствовал, что парни-то рассыпались. Тогда Леха скомандовал: "Стоп. Ребята-то джаз играть не умеют". И мы стали играть поскромнее». 18-летнему студенту музучилища разница в возрасте с остальными казалась огромной, но Слава с Димой безоговорочно приняли его в свой круг общения. И делали все, чтобы Алик чувствовал себя спокойно.

10 января 1987 года состоялись первые официальные гастроли «Наутилуса Помпилиуса». Группа отправилась в Казань. Программа состояла из 14 номеров: это было все, что залитовано, и все, что группа успела отрепетировать. Лес рук, взметнувшийся над залом во время исполнения первых же песен, произвел

впечатление на музыкантов, — значит, их действительно знают и вдали от Свердловска.

Хозяева дали почувствовать гостям, что те — настоящие звезды. Присутствовало все необходимое: пресс-конференция, фотосессия, раздача автографов и, что немаловажно, гонорары. Музыкантам заплатили по 4 рубля 50 копеек за концерт, а концертов было пять. Получились большие деньги, значительная часть из которых была тут же молодецки пропита.

Наутро «Наутилус» выехал в Куйбышев, прихватив остатки гонорара в виде трех ящиков красного сухого вина. На место прибыли невыспавшимися, с больными головами и пустыми ящиками. Попытка опохмелиться водкой общее самочувствие не улучшила. Вечерний концерт получился просто провальным: артисты были вялыми, а зрители кислыми. Вечером гостиничные номера свердловчан объявили зоной трезвости. На следующий день все были подтянуты и собраны, но началось фатальное невезение. У Умецкого лопнула струна на басу, Могилевский запнулся за провода, упал на пятую точку и уронил прожектор, у Бутусова начались проблемы с голосом. Финальную точку в куйбышевских гастролях поставила шестичасовая задержка самолета из-за непогоды. Сидя на чемоданах в забитом аэропорту, музыканты грустно резались в карты. Проигравшими чувствовали себя все.

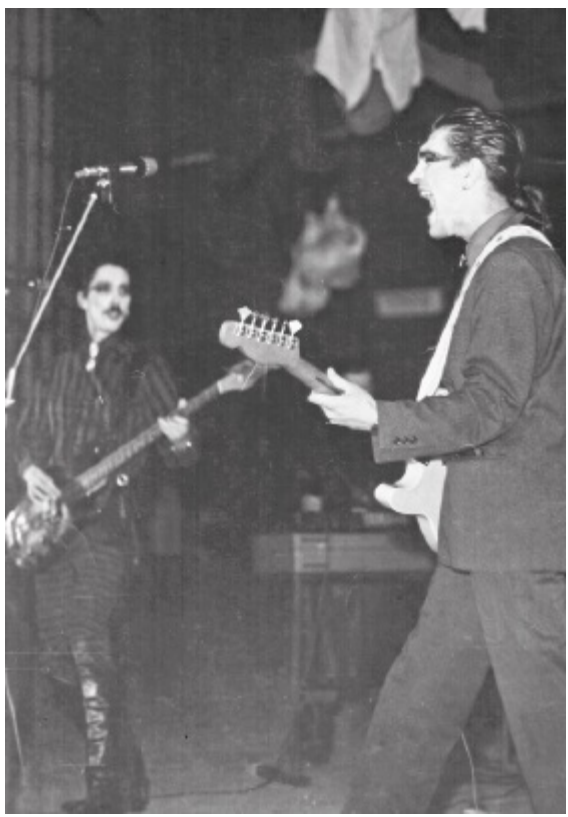
Публика на концерте группы «Наутилус Помпилиус», 1987 год. Фото Николая Землякова

Несмотря на смазанный финал поволжской поездки, в рок-клуб начали звонить из разных городов с просьбой прислать группы. 7 и 8 февраля «Наутилус» и «Чайф» выступали в Перми в ДК телефонного завода. Комбики Славы и Димы почему-то поставили почти рядом с барабанами, и Потапкину казалось, что инструменты звучат откуда-то сзади. Чтобы фронтмены его «услышали», Алик начал дубасить изо всех сил. После концерта «наутилусы» восхищались: «Вот! Так и нужно! Это и есть настоящий рок-н-ролл!»

Вылазки в другие города стали почти еженедельными, и возникла проблема. Комаров тогда работал в филармонии человеком-оркестром в программе юмориста Роберта Исакова, концерты которого часто тоже приходились на уик-энды. Требовался второй клавишник. Им стал рок-ветеран Алексей Хоменко: «С моим приходом музыкальная палитра здорово изменилась. Клавиш стало много, но не настолько, чтобы получилось что-то типа "Автографа"». Именно как секстет «Наутилус Помпилиус» завоевал Советский Союз.

8

Еще в начале марта в рок-клуб позвонил ленинградский писатель, автор рубрики «Записки рок-дилетанта» журнала «Аврора» Александр Житинский. Он сообщил, что в рамках предстоящего пленума Союза композиторов РСФСР планируется знакомство с творчеством рок-групп. Бонзы российской музыки хотели лицезреть пару молодых коллективов. Референты председателя правления Ленинградского отделения Союза композиторов Андрея Петрова выбрали «Аквариум», а Житинский посоветовал пригласить «Наутилус», чью «Разлуку» он уже полгода слушал сутками напролет. Рандеву композиторов и рокеров должно было состояться в Ленинградском дворце молодежи. Расположенный там же клуб «Фонограф» решил под такое дело организовать несколько совместных концертов ленинградских и свердловских групп.

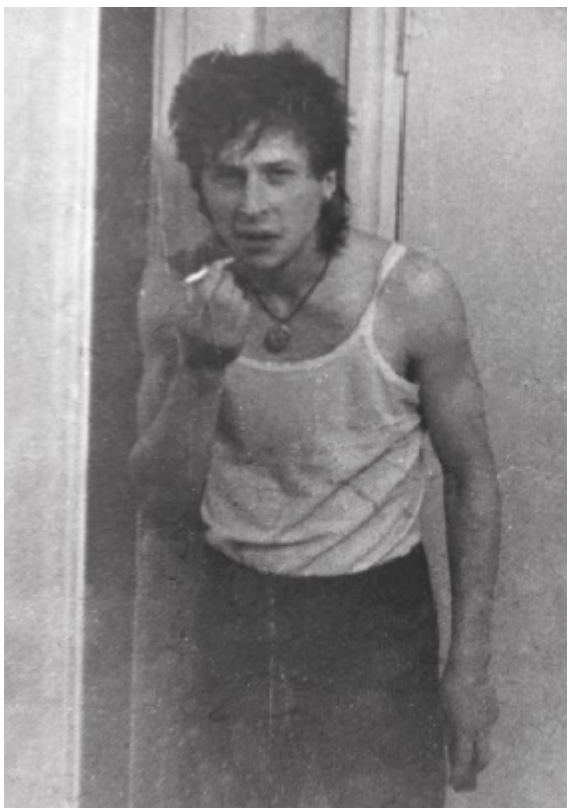


«Наутилус Помпилиус», весна 1987 года

Мнения уральцев разделились. Ответственность этой поездки

понимали все: в Питере до этого группы из других городов почти не выступали. Пантыкин считал, что в данный момент ездить можно куда угодно, только не в Москву и не в Питер. Тем более там надо будет играть с «Аквариумом». Бутусов колебался… В результате все-таки решили отправить в северную столицу три группы: «Наутилус Помпилиус», «Чайф» и «Группу Егора Белкина». 25 марта сотрудник Обкома комсомола провел инструктаж с концертным десантом: не пить, не дебоширить, не хлопать, не ругаться.

В Ленинград вылетели 3 апреля. По дороге в ЛДМ автобус со свердловчанами завернул на Рубинштейна, 13. У входа в штаб-квартиру Ленинградского рок-клуба пофотографировались, но внутрь заходить не стали. Добрались до гостиницы Дворца молодежи, разместились.



Алексей Могилевский после концерта в Перми, февраль 1987 года

График в ЛДМ был плотный. Перед рок-концертом на афишах значилось выступление Константина Райкина. Свердловчане переживали, что вместо его встречи с публикой было бы гораздо

полезнее произвести настройку аппаратуры. Но на сцену их пустили только в шесть часов. Как раз к этому времени до ЛДМ добрался Могилевский, чье опоздание изматывало нервы всем.

Вечерний концерт начался в 20:20. Должны были выступить «Наутилус», Белкин и ленинградская хард-роковая группа «Присутствие», причем на обе уральские группы отводилось всего 70 минут. «НП» начал с «Разлуки», и уже ее заключительные вопли потонули в грохоте аплодисментов, не стихавших до «Последнего письма».

Совместный концерт с «Аквариумом» был назначен на следующий день. В гостинице царила нервная обстановка. Под утро некоторые не выдержали холостого хода. Бутусов с Умецким закрылись в номере, из окна которого стали вылетать пустые бутылки из-под портвейна. Хорошо, что они разбивались не у центрального входа, где уже готовилась встреча участников пленума. Композиторов привезли на трех автобусах, усадили в партере, а все остальные места плотно забили рок-фаны. Известные благодаря телевидению лица Родиона Щедрина, Яна Френкеля, Геннадия Гладкова, Алексея Рыбникова оттеняли крашеные ирокезы, длинные хаера и расписные физиономии. На сцену были направлены несколько телекамер. Каждый проход в зал охраняли милиция и дружинники, на которых не действовали никакие уговоры и удостоверения. Внезапно оказалось, что никто не позаботился о местах в зале для уральской делегации. Свердловчане рисковали коротать время выступления «Нау» и «Аквариума» в своих номерах. Воспитанный в духе пролетарской солидарности, Грахов предложил объявить организаторам ультиматум: пока все уральцы не рассядутся в зале, «Наутилус» петь не начнет. Но уже успевший пропитаться духом буржуазного индивидуализма Кормильцев послал всю эту затею куда подальше: «"Нау" будет выступать при любом раскладе, решайте свои проблемы сами». Илье так хотелось как можно скорее потягаться с самим БГ и заткнуть его за свой поэтический пояс, что он не хотел слышать ни о чем. Правдами и неправдами всех свердловчан удалось через служебный вход протащить за кулисы. Мест в зале для них так и не нашлось.

Вел концерт Давид Тухманов. Представленный им «Наутилус» традиционно начал с «Разлуки». Затем грохнул «Мальчик-Зима», при первых звуках которого некоторые композиторы зажали уши. Похмельной жаждою томим, Бутусов часто пил воду и путал текст. Второй куплет «Шара» он забыл напрочь. Дождавшись, пока музыканты доиграют, он с многозначительным видом произнес в микрофон «Нельзя!», дав понять, что ему не дают пропеть нечто такое, по сравнению с чем «Скованные» — просто детский писк на

лужайке. Впрочем, слова куплетов «Скованных» он тоже вспоминал не без запинок. Перед «Последним письмом» Слава зачем-то передал привет басисту «Алисы» Пете Самойлову, чем вызвал радостные вопли. Когда программа закончилась, вопил уже весь зал, кроме участников пленума в партере.

Пока долго настраивался «Аквариум», в гримерку «Наутилуса» набились журналисты и телевизионщики. Под прицелом фото- и телекамер Слава впервые ощутил, что слава — тяжелое бремя.

Выступление «Аквариума» оставило странное впечатление, которое описал в своей книге «Время колокольчиков» московский рок-журналист Илья Смирнов: «Тот, кто выпустил на сцену после свердловчан "Аквариум", оказал группе БГ медвежью услугу. Получился контраст не социальный и не стилистический, а какой то физиологический: молодости и дряхлости (хоть они и были почти ровесники). Лениво высокомерные лица, ненастроенные инструменты, спотыкающаяся программа — то ли рок, то ли Политбюро при Леониде Ильиче».

Несмотря на уже осознанный триумф свердловского рок-клуба, в гостинице царила нервная обстановка. Пантыкин, Умецкий, Могилевский, Пифа и Грахов завели разговор о вреде пьянства. Михаил Горбачев порадовался бы, слушая их рассуждения о том, как алкоголь вредит творчеству, и как не прав был Бутусов, с похмелья подсокративший сегодняшнее выступление. Когда обличение зеленого змия достигло апогея, Грахов неожиданно предложил выпить. Никто не возражал. Пили, курили и по инерции осуждали и то, и другое.

Свердловский десант возвратился на родную землю, а его ленинградские гастроли еще долго обсуждались в прессе. Александр Старцев, редактор бюллетеня Ленинградского рок-клуба «Рокси», в статье «Вторжение» (№ 12, 1987) писал: «"Наутилус" выступил очень хорошо. Отличный звук (справедливости ради, следует сказать, что это относится ко всем трем свердловским группам — Ленинград был поражен уровнем сыгранности и культурой звука, у нас так очень немногие могут), великолепные тексты — чего стоит одна только "Раз, два, левой!", уверенная подача. Вот чуть-чуть поменьше позы… Но, может быть, лучшее и вправду враг хорошего. В заслугу "Наутилусу" я бы поставил и конфликт в хорошем смысле слова между почти рок-эстрадной "хитовой" музыкой и очень острыми текстами».

Зато корреспондент газеты «Советская культура» А. Александров в номере от 28 апреля разнес выступление «Наутилуса» в пух и прах: «"Наутилус", словно по контрасту, обнаружил все, что так симптоматично для сегодняшней

негативной проблематики рок-музыки: отрицание ради самого отрицания, агрессивность без цели, эпатаж, дабы привлечь внимание и снискать успех, посредственное владение поэтическим и музыкальным арсеналом рок-музыки. Отсюда и выход лидера ансамбля в галифе, с Георгиевским крестом на груди (?!), заунывное, нарочито глумливое исполнение песни "Разлука" и агрессивная манера музицирования…»

Но на дворе стоял уже не 1984 год, и мнение журналиста центрального издания не могло остановить начавшегося триумфального шествия «Наутилуса» по стране. Всего через несколько дней после Ленинграда группа уже выступала на I фестивале Новосибирского рок-клуба. 11–12 апреля они как гости дали в столице Сибири два концерта, первый из которых стал одним из лучших в истории «Наутилуса». Его запись разошлась по стране, как бутлег «Наусибирск». Слушатели были отлично знакомы с песнями, узнавали, подпевали.

9

Вернувшись из Новосибирска «Наутилус» продолжил кинематографическую карьеру. Сюжет художественного фильма «Зеркало для героя» в рок-н-ролле не нуждался. Два героя проваливаются из конца 1980-х в 1949 год, где застревают в одном вечно повторяющемся дне. Однако режиссеру Владимиру Хотиненко, выпускнику Свердловского архитектурного института, так понравилась музыка «Наутилуса», что он уговорил сценариста Надежду Кожушаную специально придумать эпизод, где она могла бы звучать. На концерте «Наутилуса» знакомятся главные герои, а потом, мчась по послевоенному Донбассу на мотоцикле, Андрей Немчинов (Иван Бортник) распевает во все горло: «Гудбай, Америка, о-о-о». Сценарий «наутилусам» очень понравился. «Неважно, останемся мы на экране или нет, главное — чтобы этот фильм состоялся», — сказали они Хотиненко.

Эпизод концерта снимали 17 апреля 1987-го глубокой ночью в ДК Эльмаша. Сарафанное радио сработало на ура и разнесло весть о ночном концерте «НП» по вузам города. Набился полный зал. Художник-постановщик Михаил Розенштейн выстроил отличные декорации. Над сценой покачивался раздолбанный остов желтой легковушки, фары которой периодически загорались. В тон авто были желтые электронные барабаны. «Наутилусы» отыграли полный концерт, из которого в фильм вошли только полторы песни. Под «Последнее письмо» зрителей попросили зажигать спички и пускать на сцену заранее розданные бумажные самолетики. Под звуки «Казановы» прожектора и кинокамеры шарили по потолку, выхватывая из темноты барельефы в стиле сталинского ампира — контраст получался очень резкий.

Съемки фильма «Зеркало для героя», 17 апреля 1987 года. Фото Олега Раковича

«Зеркало для героя» вышло на экраны год спустя, когда «Наутилус» уже уверенно шагал по стадионам страны. Трудно сказать, насколько оправданным было включение концертного эпизода в фильм, но то, что анонсированное в афишах участие популярной рок-группы повысило его кассовость, — несомненно.

3 мая «НП» сыграл на благотворительной акции с участием свердловских рокеров. Сборы от концертов передали в детские дома Свердловска. Рок-клуб впервые пустили во Дворец молодежи, в котором из 1380 мест не осталось ни одного свободного. Именно в тот день состоялась премьера песни «Я хочу быть с тобой», ставшей одной из вершин лирики «Нау». Некоторые восприняли ее как обращение Бутусова к своей супруге, хотя, по словам литературного критика, Кормильцев вкладывал в текст совсем другой смысл: «Илья утверждал, что все неправильно понимают "Я хочу быть с тобой". Он, когда сочинял, писал "Тебя" с большой буквы: "Пьяный врач мне сказал, что Тебя больше нет…" При таком написании сразу возникают другие субъектно-объектные отношения, исчезает девушка, и появляется Бог».

11–12 мая «Наутилус» дал четыре совместных концерта в ККТ «Космос» с ансамблем «Extra Band» из западно-чешского Пльзеня. Музыканты из-за границы, пускай даже из города-побратима, — редчайшее зрелище в закрытом Свердловске. До них на местную

почву ступала нога всего одного импортного рокера: в 1975 году Дэвид Боуи, путешествовавший на Транссибирском экспрессе, полчаса разминал ноги на перроне станции «Свердловск-Пассажирский». Чешские профессионалы в полосатых лосинах играли замшелый хард-рок. «Нау» сделал их на раз — это признали не только зрители, но и импресарио чехов Зденек Роучка.

Вячеслав Бутусов и Альберт Потапкин на фестивале в Вильнюсе, 1987 год. Фото Игоря Мухина

24 мая «наутилусов» встречал Вильнюс. В последний день фестиваля «Летуаника-87» во Дворце спорта свердловчанам пришлось выступать практически без настройки, да еще рядом с такими грандами, как «Кино», «Авиа» и «Ночной проспект». Виктор «Пифа» Комаров утверждает, что это был один из самых трудных концертов. «Мы вышли на "Разлуку", и в нас полетели сигаретные пачки, огрызки яблок — прибалты не хотели слушать русскую народную песню. Мы подобрались и вдарили по полной силе. На сцене физически чувствовалось, как стрелка компаса начала поворачиваться на 180 градусов. К концу выступления

публика была наша. Но мы все равно удивились, когда нам вручили первый приз».

Жюри «Летуаники» под председательством киноведа Саулюса Шальтениса единогласно решило вручить первый приз сразу трем группам: местному политизированному «Antis'у», «Lyvi» из Лиепаи и свердловскому «Наутилусу Помпилиусу». Кто-то в кулуарах фестиваля задумчиво произнес, что, пожалуй, 1987-й станет годом «Наутилуса». Над провидцем поиронизировали. А зря…

В последние три дня мая на сцене ДК УЗТМ прошел II фестиваль рок-клуба. «НП», как главная звезда, выступал последним. Для настройки «Наутилуса» закрыли занавес. Зал никто не покинул. Люди сидели на каждом свободном клочке пола, собираясь с силами для нового всплеска эмоций. Занавес открылся… «Наутилусы» расположились, как на старинных салонных фотопортретах. Шестерку мужчин оттеняла высокая статная красавица Аня Шмелева. Вышел фотограф, щелкнул камерой, вспыхнул вспышкой, концерт начался…

«Наутилус Помпилиус» на II фестивале Свердловского рок-клуба, 31 мая 1987 года. Фото Всеволода Арашкевича

Исполнялась новая программа «Ни кому ни кабельность». Одна за другой шли новые песни, еще не звучавшие в Свердловске: «Падал теплый снег», «Синоптики», «Песня в защиту мужчин»… Бутусов пел, сидя за кафедрой с разложенными

текстами и графином с водой. Шоу было очень статичным, но досконально продуманным. Все детали были четко выверены: и расположение трех клавишников, и сидящий слева Умецкий, даже графин, в который Слава поставил первые врученные поклонницами цветы. Движения музыкантов были очень скупые, но волны мощной энергии шли в зал, сводя публику с ума. Казалось, что Бутусов в этот вечер мог спеть хоть «Чижика», хоть «Интернационал» — зрители вопили бы точно так же. Но когда зазвучали первые такты «Шара цвета хаки», зрительский хор перекрыл децибелы динамиков. Весь зал встал и не садился уже до самого конца. «Это был "наутилусовский" фестиваль. Они убрали всех — самые мощные, сыгранные и вооруженные стихами Кормильцева», — вспоминает Олег Ракович.

На бис «Наутилус» выходил дважды. Под «Последнее письмо» на сцену полетели десятки заготовленных загодя самолетиков. Под «Казанову» зрители просто пустились в пляс. Поклонники могли вызывать «наутилусов» до бесконечности… В битком набитых ночных трамваях, следовавших с Уралмаша в сторону центра, кричали «"Наутилус" — лучшая группа в мире!» и хором пели их песни… Оргкомитет предсказуемо выбрал «НП» лауреатом. Кроме того, «Наутилус» получил приз зрительских симпатий и приз обкома ВЛКСМ «За наиболее удачное художественное решение антивоенной темы» («Шар цвета хаки»).

В ночь после фестиваля дорожные указатели, газетные киоски и даже балконы на первых этажах в районе ЖБИ украсили огромные надписи «Наутилус», «Чайф», «Настя», «Белкин» и «Умецкого люблю!». Районные власти обвинили в такой наглядной агитации рок-клуб. Шахрин отшучивался, что это он спер на стройке ведро краски, а рисовал Бутусов, вспомнивший свою основную профессию. Нерасторопность местных ЖЭКов сделала эти граффити привычной деталью местного пейзажа.

В конце июня в Таллине проходили Дни ленинградской рок-музыки. Питерский рок-клуб выставил на это мероприятие свои лучшие силы, от «Авиа» и «Зоопарка» до «Алисы» и «Кино». Избалованных музыкой эстонцев рок с берегов Невы заинтересовал, но не особо — зал Дворца культуры и спорта имени Ленина всю неделю был заполнен максимум наполовину. Не помогали даже автомобили с динамиками на крыше, которые дни напролет разъезжали по всему городу под звуки питерского рока и прямо с колес продавали билеты. «Наутилус» был приглашен как специальный гость и 21 июня выступил дважды, днем — в паре с «Телевизором», а вечером — с «Алисой». Только на этих концертах в зале был аншлаг. Судя по тому, как эстонцы подпевали «Казанове» и «Скованным», все билеты были

раскуплены не случайно. Умецкого поразил отличный звук не только в зале, но и на сцене: «До этого мы привыкли, что нам вообще ничего не слышно. Научились работать "вслепую" или, если точнее, "вглухую". В Таллине мы впервые поняли, что такое реальный звук на сцене».

Через неделю, не сбавляя хода («Марш, марш, левой!»), «Нау» добрался до Подмосковья. В закрытой Черноголовке молодые физики-ядерщики проводили Праздник песни «Подмосковные вечера». По уровню организации контраст с Эстонией был разительный. Качество аппаратуры многих музыкантов заставило усомниться в реальном потенциале советской ядерной программы. От дрянного звука пострадали коллективы из Риги, Москвы, Ленинграда. «Наутилусу», по свидетельству очевидца Ильи Смирнова, ничто не могло помешать: «От первых же аккордов возникло ощущение, что в перерыве они подменили подмосковную аппаратуру на нью-йоркскую. Если в Ленинграде самую сильную реакцию вызвала "политика" — "Скованные одной цепью", "Шар цвета хаки", — то в летнюю программу Бутусов ввел целый блок лирики… Свердловский архитектор совершил чудо — возвратил нашему року любовь». По результатам анкетирования, «Наутилус» был назван лучшей группой, в категориях инструменталистов/вокалистов победили Бутусов, Умецкий, Комаров, Потапкин. Среди песен первенствовала «Казанова».

Через две недели, 8 июля, комментируя итоги фестиваля, газета «Московский комсомолец» упомянула пару песен «Наутилуса». Одна из них была обозвана «Шарф цвета хаки». Видимо, корректорам «МК» показалось странным неэстрадное словосочетание, и они исправили его на нечто привычно-трикотажное. Свердловская самиздатовская «Марока» издевалась: «Столичная фабрика "Большевичка" срочно наладила выпуск кашне военного покроя, предназначенного для любителей современной музыки».

10

«Наутилус» еще не устал, еще был способен радоваться своим успехам. «Самый лучший период был в 1987 году. Когда ездили по фестивалям, — вспоминает Виктор Комаров. — Нам тогда казалось круто играть рядом с живыми "Кино", "Алисой", "ДДТ". И отдача от зала была полнейшей».

7 июля Потапкина неожиданно призвали в армию. «Наутилус» на полном ходу споткнулся, попробовал выступать под драм-машину, но после живого ударника привыкнуть к механической дуре было невозможно. На одном из концертов техники забыли дать ее отсчет в мониторы, и на «Я хочу быть с тобой» она вылезла в середине куплета. Это барабанщик может подождать. А машина не может. Тем не менее, на плотность гастрольного графика отсутствие живых барабанов не повлияло.

После лихого недельного загула в Крыму, официальным поводом для которого были концерты «Парад ансамблей» 15–16 августа в Симферополе, «Наутилус» отдыхал целый месяц. 11 сентября он материализовался в Подольске. В подмосковном городе проводился Всесоюзный рок-фестиваль — бардачный, но представительный. Его устроители до самого открытия с переменным успехом боролись с местными властями, фестиваль то отменяли, то отменяли его отмену. Рокеров со всех концов страны поселили в каком-то пионерлагере, из которого уже разъехались дети. Маленькие домики, кровати с панцирными сетками, стопки матрасов. На матрасах спали, матрасами укрывались. Спали, впрочем, мало. Сразу же, выстояв безумную очередь, затарились в Подольске сухим вином. Недорогим, некрепким, но зато в большом количестве. Ответственным за это архиважное дело назначили Могилевского: «Пить — это было правилом. Что еще было делать, кроме как пить, играть и радоваться жизни. Это же здорово — приехать в какой-то Подольск, где тебя любят, ждут и приветствуют твой выход на сцену».

«Наутилусы» отыграли в Подольске несколько меланхолично, зато это выступление полностью отсняли на видео, и сегодня любой пользователь интернета может представить себя одним из сорока тысяч гостей подольского Зеленого театра, восторженно вопящих при виде своих кумиров. По результатам зрительского анкетирования, «Наутилус Помпилиус» был назван лучшей группой Подольского фестиваля.

Через две недели в Свердловском обкоме ВЛКСМ получили гневное письмо от подольских коллег с грозными обвинениями в

адрес музыкантов, участвовавших в «несанкционированном» фестивале. Свердловчане пожали плечами и реагировать не стали, тем более что еще через неделю пришло другое письмо на бланке журнала «Юность» (соорганизатора фестиваля в Подольске), в котором тем же музыкантам выражались всяческие благодарности. После Подольска «Наутилус» пригласили в Москву, и в октябре он дал свой первый столичный концерт в ДК Горбунова. За спиной Бутусова к этому времени вновь сидел барабанщик — в сентябре позвали за ударную установку Владимира Назимова (экс-«Урфин Джюс», «Чайф» и множество других свердловских проектов).

Начались первые платные выступления. 24–26 сентября состоялись первые концерты «Наутилуса» в родном городе, за которые музыканты получили деньги. Концерты проходили в модном формате «Музыкального ринга»: песня, пара вопросов из зала, ответы музыкантов, песня и т. д. Большинство вопросов были заранее заготовлены «рефери» — ведущим концерта Александром Калужским, сменившим ставку администратора рок-клуба на амплуа менеджера «НП». Три концерта удовлетворить спрос публики на местных рок-звезд не смогли, и 27 сентября состоялись еще два «ринга», уже в городе-спутнике Березовском. 10 октября пара музыкальных поединков опять прошли в Свердловске, в ДК «Урал». И снова все билеты на них были раскуплены всего за несколько часов. За канатами без билетов остались толпы зареванных болельщиц.

И в других городах билеты раскупались влет. «У Славы абсолютно уникальный голос с уникальным тембром, который девок просто сводил с ума, — вспоминает Пифа. — Сколько раз я на гастролях смотрел на девушек в зале — они готовы были за Славиным голосом пойти куда угодно — как дети в сказке за звуками волшебной дудочки. Он на сцене абсолютно статичен. Поет неподвижно, а в зале все рыдают. Такая харизма!»

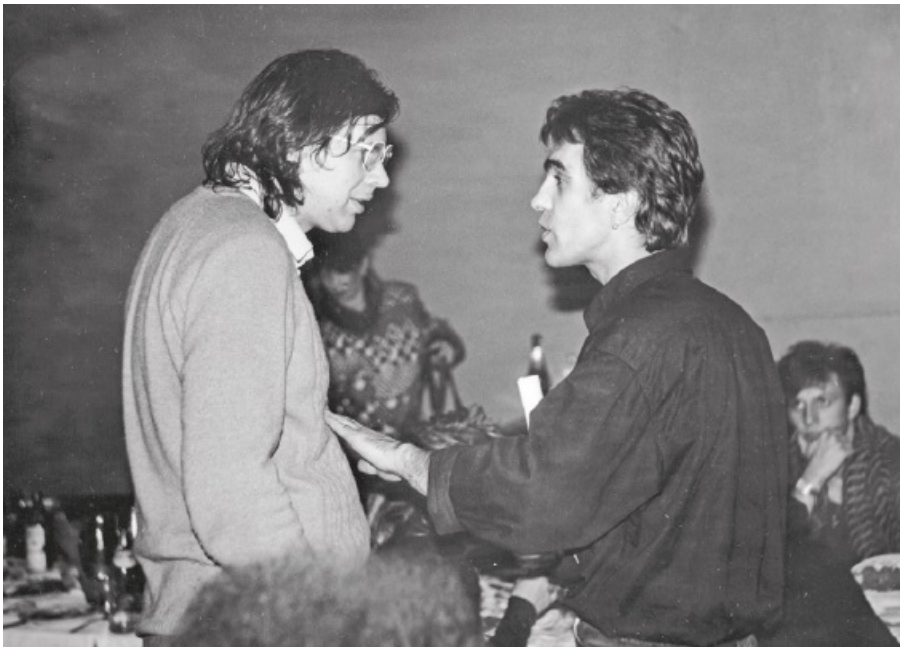
В декабре в столице проходил фестиваль «Рок-панорама-87». Большинство участников составляли филармонические артисты разной степени рок-н-ролльности в диапазоне от Александра Малинина до «Арии», коллективы из Прибалтики и Московской рок-лаборатории. Весь остальной советский рок представляли только «АВИА» из Ленинграда и «Наутилус Помпилиус».

В кулуарах толпились недавние участники Всесоюзного съезда рок-клубов, проходившего в Свердловске, а также сочувствующие. Обсуждали они вовсе не выступавших в этот момент «Зодчих» и «Черный кофе», а творчество совсем других групп. Например, Николай Мейнерт с Александром Житинским делились впечатлениями об альбоме «Первый панк-съезд»

верхотурского «Водопада».

Дмитрий Умецкий, Алексей Могилевский, Виктор «Пифа» Комаров, Вячеслав Бутусов, Владимир «Зема» Назимов и Алексей Хоменко, 1987 год. Фото Александра Шишкина

Но выступление «Наутилуса», который вышел на сцену 10 декабря, привлекло в зрительный зал всех. Александр Коротич впервые после двухлетнего перерыва увидел бывших однокурсников именно на «Рок-панораме»: «На "Скованных…" весь зал вдруг достал откуда-то цепи и стал бряцать ими в такт песне. Я понял, как много пропустил. Люди, которых я прекрасно знал, превратились в суперзвезд».



Николай Мейнерт и Вячеслав Бутусов. Фото Александра Шишкина

Лауреатства и призов на фестивале не было, но через год фирма грамзаписи «Мелодия» напечатала пластинку, слепленную из фрагментов выступлений «Наутилуса» и «Бригады С». Огромный тираж ее, да и сам факт ее выхода наглядно свидетельствовали, кто оказался лучшим на «Рок-панораме-87».

Кстати, сами музыканты узнали о грядущем релизе в последний момент. Как рассказывал Кормильцев, он все-таки успел дозвониться до «Мелодии» еще до выхода пластинки и задал вопрос о гонораре. «Ему вежливо ответили, что, мол, не "его это ума дело". На вопрос о неверном названии песни «Скованные» ему было сказано, что беспокоиться об этом надо самим авторам, а уж никак не выпускающим пластинку» [Цитируется по книге Николая Мейнерта «Наутилус Помпилиус».]. Фактически это был бутлег, то есть издание пластинки без ведома и согласия авторов и исполнителей.

Сразу после «Рок-панорамы-87» «Наутилусу» стали поступать предложения переехать в столицу. Сначала уральцы относились к ним довольно скептически. В фильме «Серп и гитара», снимавшемся финской документалисткой Марьяной Мюкконен в январе 1988-го, Могилевский здраво рассуждает: «Пока мы являемся сибирскими медведями, мы будем представлять какой-то интерес: группа с Урала, но при этом не в лаптях, а в сапогах, да еще с бантиками. Как только мы станем московскими не

медведями, придется ломать и себя, и многое другое». В следующих кадрах его мнение поддерживает и Бутусов: «Влияние Москвы на нас усилилось, и поступило предложение вообще переехать — здесь проще некоторые моменты решать… Все зависит от того, какую информацию мы соберем по этим организациям, что более выгодно и вообще, имеет ли смысл с ними связываться. Я настроен пессимистически, я приблизительно знаю обстановку везде. Найти то, что нужно, просто нереально. Чем это кончится — я не знаю и особых иллюзий на эту тему не питаю».

11

Гастрольный 1987-й сильно утомил «Наутилус». Умецкий, который возложил на себя задачу продвижения группы и собирался «построить танк, который продавил бы всю страну», считал, что коллективу нужен отдых и новый альбом. По его настоянию группа приняла предложение композитора Юрия Чернавского поработать в студии и полным составом отправилась в Москву. Бутусов с Умецким остановились у Диминой невесты, сценаристки Алены Аникиной, которая познакомила их со столичной богемой, а остальные музыканты поселились в арендованных комнатах общежития МВТУ имени Баумана. Ожидаемой студийной работы не было. Коллектив посетил студию Чернавского всего пару раз, да и то занимался не музыкой, а каким-то дурацким ремонтом. Безделье, неважные бытовые условия и оторванность от родины сделали свое дело — в «Наутилусе» началось брожение.

Первым пострадал уволенный звукооператор Андрей Макаров, работавший со Славой и Димой еще с 1982 года. Его заменил Владимир Елизаров — опытный профессионал, мультиинструменталист, старый товарищ Хоменко. Человек, способный обеспечить на любом концерте почти пластиночное звучание. Эта рокировка показала, что «НП» вовсе не такой монолит, каким кажется со стороны. Музыканты стали ждать, кто может вылететь следующим. Кормильцев, приезжавший в Свердловск, рассказывал, что следующим, скорее всего, будет Могилевский.

Однако в феврале недосчитались Умецкого. Он поставил ультиматум: если группа не откажется на время от концертов, не сменит директора и не переедет в Москву, то он уйдет. Коллектив проголосовал за продолжение концертной деятельности, и Дима покинул «Наутилус». Сам Умецкий объяснял свой уход исключительно творческими причинами: «Группа была на выдохе, напряженный гастрольный график ее измотал… Я советовал уйти в тень, взять большую паузу, чтобы сделать новую программу. А наши профессиональные музыканты, наоборот, сочли, что сейчас самый сенокос. Но у Славы же непоставленный голос. Страдали связки. Я считал, что концертный чес — это самоубийство. Мне не хотелось участвовать в этой мясорубке». Забавно, но два требования Умецкого (переезд в Москву и смена менеджмента) оказались в скором времени выполнены.

Александр Калужский и Вячеслав Бутусов. Фото Александра Шишкина

Администратором «Наутилуса» в тот момент был Александр Калужский. Концертов было много, работы еще больше… Он проработал с «НП» до весны 1988 года, когда его из коллектива «ушли». Некоторое время в «Нау» продолжалась административная неразбериха, и музыканты озаботились защитой своих коммерческих интересов.

В начале года Хоменко провел собрание коллектива, сказал, что пора вставать на новые хозрасчетные рельсы и самим зарабатывать деньги. На свет появился кооператив «Наутилус Помпилиус». Контора со звучным названием занималась самыми разнообразными видами деятельности: от выпуска сувенирной и печатной продукции до звукозаписи. Кооператив просуществовал всего полгода, до распада «золотого» состава «Наутилуса». Первым его покинул Бутусов, а последним вышел Кормильцев, как самый осторожный.

Уход Умецкого на работе группы не отразился. На одном из концертов партию баса сыграл Елизаров, а затем из Свердловска был срочно вызван Виктор Алавацкий, профессионал, имевший за

плечами более чем десятилетний стаж работы в ресторанных ансамблях. Повторить несложные партии Умецкого для него не составляло никакого труда.

На записи нового альбома Димин уход сказаться не мог в принципе. Большинство инструментальных партий Елизаров с Хоменко изначально забивали в секвенсор. На память машины рассчитывали больше, чем на живых музыкантов. Работали в студии Александра Кальянова, звуковика Аллы Пугачевой. Хозяйка сама приходила в студию и даже спела подголоски на новой песне «Доктор моего тела». 5 марта запись закончили.

Администратором «Наутилуса» в тот момент был Александр Калужский. Концертов было много, работы еще больше… Он проработал с «НП» до весны 1988 года, когда его из коллектива «ушли». Некоторое время в «Нау» продолжалась административная неразбериха, и музыканты озаботились защитой своих коммерческих интересов.

В начале года Хоменко провел собрание коллектива, сказал, что пора вставать на новые хозрасчетные рельсы и самим зарабатывать деньги. На свет появился кооператив «Наутилус Помпилиус». Контора со звучным названием занималась самыми разнообразными видами деятельности: от выпуска сувенирной и печатной продукции до звукозаписи. Кооператив просуществовал всего полгода, до распада «золотого» состава «Наутилуса». Первым его покинул Бутусов, а последним вышел Кормильцев, как самый осторожный.

Уход Умецкого на работе группы не отразился. На одном из концертов партию баса сыграл Елизаров, а затем из Свердловска был срочно вызван Виктор Алавацкий, профессионал, имевший за плечами более чем десятилетний стаж работы в ресторанных ансамблях. Повторить несложные партии Умецкого для него не составляло никакого труда.

На записи нового альбома Димин уход сказаться не мог в принципе. Большинство инструментальных партий Елизаров с Хоменко изначально забивали в секвенсор. На память машины рассчитывали больше, чем на живых музыкантов. Работали в студии Александра Кальянова, звуковика Аллы Пугачевой. Хозяйка сама приходила в студию и даже спела подголоски на новой песне «Доктор моего тела». 5 марта запись закончили.

Новый московский директор, Борис Агрест, устроил «Наутилус» в Росконцерт и прицепил группу к «Машине времени» в большой гастрольной поездке по Казахстану. В Алма-Ате тандем дал двадцать (!) концертов в трехтысячном зале местного Дворца имени Ленина. Билеты на все представления расхватали за два дня. На совместных выступлениях «НП» появлялся в роли

стандартной разогревающей группы: шесть песен за полчаса. Горячую казахскую публику удивляло, что музыканты не двигаются, не кланяются и не выходят на бис. Конферансье приходилось благодарить зрителей от лица музыкантов за теплый прием и объяснять, что «Вячеслав Бутусов никогда не дает автографов». 11 марта «Наутилусы» в том же зале дали два дополнительных сольных концерта. Тут уже сыграли полную программу образца 1987 года. Зал был снова полон, и Слава позволил себе дважды выйти на бис, исполнив «Ни кому ни кабельность» и «Бриллиантовые дороги».

Вместе с «Машиной времени» «НП» проехал по нескольким российским городам: Воронеж, Рыбинск. Всего за первые три месяца года группа дала 44 концерта, заработав вполне солидную по тем временам сумму. Помимо творческих разногласий, по коллективу пошли и финансовые трещинки.

Троица профессиональных музыкантов — Хоменко, Елизаров, Алавацкий, — которую остальные называли «деды» или «битлы», договорилась складывать и не тратить все то, что они зарабатывали. Экономия оказалась оправданной: сразу после роспуска «Наутилуса» они смогли открыть студию.

У их молодых коллег деньги просто утекали сквозь пальцы. «Я был самым бестолковым из "наутилусов", — вспоминает Могилевский. — Я свои деньги просто проедал, пропивал, угощал всех вокруг, девушкам подарки дарил». Впрочем, как тратить заработок, было личным делом каждого. Весь гонорар казначей Пифа делил поровну на 11 равных долей: 7 музыкантов + Кормильцев + Елизаров + Влад Малахов, который за аппарат отвечал, + Агрест. Такая уравниловка нравилась не всем. Некоторые выражали недовольство, что Илья получает ставку музыканта за каждый концерт. «Ни одному текстовику в мире так, наверное, не платили», — до сих пор считает Могилевский.

Пифа уверен, что раскол усугубляли и внешние влияния: «Москва стала Славе в уши ландрин совковыми лопатами кидать: "Слава, да ты самый крутой! Ты что, с ума сошел, получать столько же, сколько эти твои свердловчане? Бросай их к черту, мы найдем тебе нормальных московских музыкантов". Не каждый сможет спокойно это вынести».

Происходившее с группой не нравилось и Кормильцеву. «Я ненавижу этот период, — вспоминал он 9 лет спустя. — Мы потеряли в этот промежуток адекватную себе аудиторию. Люди, которые ходили на стадионы, в большинстве своем ничего не понимали в этих песнях. Или понимали, может быть, 10 % от того, что там было сказано. Уж если они радостно махали красным флагом под песню "Скованные одной цепью"… Вся эта

суета по поводу включения группы в круг звезд эстрады здорово мешала работе. Для меня никогда не имели значения поклонницы, которые звонят по телефону и писклявыми голосами произносят: "Нам нравится ваша группа!"… Как это тяжело и плохо, я убеждался каждый раз, когда пытался прогуливаться с Вячеславом Бутусовым. Все время приходилось стряхивать с себя всяких ненужных людей, как собачек, которые цепляются к штанам».

Лидер свердловской группы «Доктор Фауст» Евгений Писак вспоминает, как Илья жаловался, «что все это детский сад и что это ему надоело. Он поставил видеокассету с концертом "King Crimson" и спросил, могу ли я для "НП" сочинить на его тексты нечто подобное. "А ты понимаешь, что для этого понадобится революция в группе?" — "Прекрасно понимаю. Я поговорю со Славой". Через несколько недель зашел опять и махнул рукой: мол, не готовы они пока».

5 мая «НП» впервые за полгода дал концерт на родине в ДК УЗТМ. Зал бесновался при одном виде Бутусова, при одном звуке саксофона Могилевского. Тем, кто хорошо знал творчество «Наутилуса», концерт не понравился. 15 старых хитов в приторно-засахаренной аранжировке звучали фальшиво-напыщенно, 5 новых песен смотрелись неубедительно. Как ни странно, с критиками согласились и многие музыканты самой группы.

Но советский народ не желал слушать ни критиков, ни музыкантов: он хотел слушать только волшебный голос Бутусова и его чудесные мелодии. Страну захлестнула наутилусомания. Еще в 1987 году череда побед на фестивалях от Вильнюса до Новосибирска сделала имя «НП» популярным в среде рок-фанов. Однако это сообщество, несмотря на общий подъем советского рок-движения, было относительно невелико. Всенародная слава свалилась на Славу и его товарищей весной 1988 года.

12

Хит-парадов в СССР не существовало. Основой западных чартов являлись результаты продаж дисков музыкантов, а официальные тиражи продукции фирмы «Мелодия» особо не афишировались. Да и печатались на отечественном виниле далеко не все потенциальные обитатели хит-парадов.

Рейтинги популярности в СССР составлялись по письмам читателей, телезрителей и радиослушателей. Проверить объективность подобных голосований было крайне затруднительно. Например, на ежегодный итоговый телеконцерт «Песня года» зачастую попадали не совсем те песни, которые массово слушал советский народ. Однако других показателей популярности попросту не существовало.

Самым престижным чартом являлся хит-парад музыкальной рубрики «Звуковая дорожка» газеты «Московский комсомолец». Столичная молодежь была более музыкально продвинутой, чем ее ровесники с Камчатки или из Ашхабада, поэтому на всплеск популярности «Наутилуса» «МК» отреагировал одним из первых. В итоговом хит-параде за 1987 год («Московский комсомолец», 03.01.88) «НП» появляется не единожды. Он занял первое место в разделе «Открытие года (лучший дебют)» и пятое — как «Группа года», пропустив вперед «Черный кофе», «Машину времени», «Секрет» и «Динамик». «Разлука» стала лучшей в категории «Фонограмма или лучший альбом». В песенной десятке оказались сразу четыре композиции «Наутилуса»: «Шар…» (5), «Скованные…» (8), «Гудбай, Америка» (9), «Казанова» (10). Бутусов стал десятым в списке певцов, а Могилевский, почему-то названный Андреем, занял четвертую строчку в категории «Разные инструменты».

«Наутилус Помпилиус» и звезды советской эстрады, 1988 год. Фото Александра Шишкина

В хит-параде «Московского комсомольца» песни «НП» соседствовали со шлягерами Пугачевой, Кузьмина, Вайкуле и прочих звезд советской эстрады. Ничего удивительного, что в последних числах января на концертах в столичном спорткомплексе «Крылья Советов» уральские рокеры выступали с этими звездами на одной сцене. Публика, ломившаяся на такие «солянки», с одинаковым энтузиазмом принимала и Володю Преснякова, и Славу Бутусова, и группу «Мираж». Свердловчан заметила и благословила сама Алла Борисовна. В одном из интервью она сказала: «Они цепляют зрителя. Даже тех, кто слышит их впервые. Это самое главное для артистов, выходящих на сцену. Я вижу их желание работать, думать» («Кругозор», № 5, 1988). На студии Пугачевой началась запись нового альбома «НП». В гастрольное турне «Наутилус» отправился вместе с «Машиной времени». Приветливо распахнул двери «Росконцерт». Началась «наутилусомания».

«Разлуку» и концертные записи, зачастую весьма сомнительного качества, в промышленных масштабах размножали полуподпольные студии. «Только что вынуждены были разбираться с кооперативом звукозаписи, который за здорово живешь взялся распространять наши кассеты… Просто гангстерская ситуация!» — жаловался Илья Кормильцев

(«Уральский следопыт», № 12, 1988). В апреле в киоске у Киевского вокзала Николай Грахов списал на память вот такой трек-лист:

«1. Разлука ты разлука
2. Казанова ты моя
3. Искрометная
4. Роман-повесть
5. Урожай
6. Был бы белым
7. В нашей семье
8. Рвать ткань
9. Я — твой
10. Скованная одной цепью»

Подобная самодеятельность возникала, прежде всего, из-за недостатка информации. Поклонники заваливали редакции молодежных и не только изданий просьбами рассказать, кто же такие эти «Помпилиусы». Нерасторопные ведущие музыкальных рубрик не догадывались заглянуть в самиздатовские рок-журналы Свердловска, Ленинграда, Новосибирска и других городов, которые еще год назад подробно и компетентно писали об «НП». Возможно, впрочем, что профессиональные журналисты и не подозревали о существовании музыкального самиздата. Приходилось изощряться.

Например, сотрудник газеты «Советская молодежь» (Рига, 30.01.1988) Владимир Шулаков взял интервью у «популярного в Свердловске актера театра» Олега Гущина. Этот «авторитетный» источник поведал, что в «Наутилусе», «всплывшем 6–7 лет назад на одном из фестивалей Свердловского рок-клуба, четыре человека: Бутусов, Умецкий, Хоменко и Могилевский, причем только последний учился музыке» и т. п. Но «Советская молодежь» недаром считалась одной из лучших газет страны. Через два месяца, 30 марта, на ее страницах подробно рассказал о «Наутилусе» Николай Мейнерт, наверное, лучший знаток творчества свердловчан во всей Прибалтике.

Вскоре статьи и заметки о «Наутилусе» веером разлетелись по страницам, наверное, всех молодежных газет страны. Информации о группе стало побольше, но ненамного. Из газеты в газету кочевали истории об уборке картошки, на которой познакомились первокурсники Слава и Дима, об экстравагантном, но не имеющем ничего общего с действительностью способе размножения моллюска Nautilus pompilius и многословные рассуждения о глубоком смысле «Взгляда с экрана» и «Скованных». Некоторые молодежки тупо перепечатывали материалы «Московского комсомольца» и

«Советской молодежи», но большинство ведущих музыкальных рубрик старались блеснуть эксклюзивным мнением.

«Мне кажется, что лет 6 назад нынешний репертуар «Наутилуса» имел бы шансы и на Британских островах, а «Я хочу быть с тобой» вполне уместилась бы и в сегодняшнем хит-параде» (В. Лучников, «Комсомолец Удмуртии», 04.06.1988). «В узком галифе, с глухим воротничком и темными глазницами на бледном строгом лице предстает перед нами солист… "Наутилус Помпилиус" работает в стиле попс: с одной стороны, это предельная мелодизация музыки, с другой — шокирующее содержание текстов. В песнях свердловской рок-группы поднимаются извечные темы, но у "Наутилуса" они подаются с приставкой "супер" — это значит не просто любовь, ненависть и социальная несправедливость, а суперлюбовь, суперненависть и супернесправедливость» (Марина Левыкина, «Вперед» (Мариинск) 30.07.1988).

К середине года в информационную канонаду включились и центральные издания. «Крестьянка» и «Работница», «Пионер» и «Пионерская правда», «Комсомольская жизнь» и «Новое время», идя навстречу письмам читателей, писали о «Наутилусе». В стороне от общего ажиотажа остались, казалось, только журналы «Проблемы мира и социализма», «Свиноводство» и «Веселые картинки». Музыковед Татьяна Диденко на страницах «Музыкальной жизни» рассуждала «об опоре "НП" на традиции российского бытового музицирования», а «Комсомольская правда» (09.04.1989) объясняла В. Серову из Иркутска, «кто такая Казанова».

Подключилось и телевидение. Концертные съемки «Наутилуса» появлялись чуть ли не в каждом выпуске сверхпопулярного «Взгляда». 21 мая «Я хочу быть с тобой» показала респектабельная программа «До и после полуночи»: вся страна смотрела, как под пение Бутусова утирают слезы Пугачева и Макаревич.

Интересна реакция на всесоюзную славу «Наутилуса» свердловского ресторанно-музыкального сообщества. Ветеран уральских ресторанных ансамблей Валерий Костюков вспоминает: «Я включаю телевизор, вижу, как Бутусов поет "Гудбай, Америку", и понимаю, что схожу с ума. Телевизор, Первый канал, а человек поет абсолютно мимо нот, по соседям… Крамола! Я вижу, что король голый, но кругом говорят, что это здорово! Мы все за голову схватились. Пусть он артист номер один в стране, но его бы не взяли на работу в самый плохой кабак самого захудалого города, да еще и морду бы набили! Начали в ресторанах заказывать песни "Наутилуса". Мы взяли запись,

послушали, и кто-то произнес: "Не, чуваки, я это играть не буду…" И несмотря на то, что в свердловских кабаках был закон "Мы сыграем все, что вы закажете", ансамбли из разных ресторанов города, не сговариваясь, долго отказывались исполнять песни "НП".

Кто знает, чего больше было в этом отказе — профессиональной спеси или этакой зависти к удачливому соседу? Престиж «Наутилуса» спасло только появление «Ласкового мая», чьи песенки тоже стали активно заказывать в ресторанах. Прослушав шатуновское блеяние, кабацкие профи решили, что на этом фоне «Наутилус» — шедевр. И на ресторанных подмостках пошли рваться «ремни, стянувшие слабую грудь». Впрочем, белые розы там тоже быстро заколосились: клиент всегда прав, даже в своих неприхотливых музыкальных вкусах.

Алексей Хоменко, поработавший во всех мыслимых сферах, где советский музыкант мог приложить свои таланты и умения, объясняет сложные эстрадно-кабацко-рокерские отношения так: «У профессиональных музыкантов не укладывалось в голове, как его, играющего на басу слэпом один в один как Пасториус, не знает никто, а Диму Умецкого, который в мажоре берет минорную терцию, знает вся страна! Этого же не должно было быть! В самой глубине души профессиональные музыканты ненавидят рокеров. Не может человек, получивший специальное музыкальное образование, простить Славе Бутусову, который поет по бумажке, забывая слова, что его реально знает весь мир. Сам-то он может и под Кипелова, и под "Аббу" спеть, а его знают только те, кто приходит в ресторан набухаться! Это простить нельзя на подсознательном уровне. Это просто разные типы людей — Хомо профессионалиус и Хомо креативиус!»

13

Концертные залы не вмещали всех желающих увидеть уральское чудо. «Я никак не мог понять, почему от нашей музыки стадионы сходят с ума. Но скоро это стало восприниматься как что-то естественное. Уж если нас Алла Борисовна в гости пригласила, значит, в этом что-то есть», — вспоминает Могилевский. Билеты на концерты раскупались загодя и за считанные часы. Перекупщики задирали цену в несколько раз, но не прогорали — поклонники были готовы платить любые деньги. «…Фанаты группы своей многочисленностью и несокрушимой преданностью не уступят приверженцам "Модерн Токинг". На концертах мальчики все время кричат, не в силах сдержать чувства, а девочки, как водится, плачут…» — писала газета «Тихоокеанский комсомолец» (23.07.1988).

Бутусов относился к безумству поклонниц с усталой иронией: «Девушкам, кто выкрикивает из зала "Хочу ребенка от тебя!", мы помочь ничем не сможем. Я не считаю, что шумная реакция одобрения — нужная реакция. Знаю по себе: если мне что-то нравится, я никогда не буду реагировать так, как некоторые наши зрители. Может, это от возраста. А может, оттого, что мы поем уже знакомые им песни, и никому не интересно слушать, о чем поется, а интересно продемонстрировать свое отношение к происходящему?» Ему вторил Кормильцев: «Есть такие ситуации, когда люди заняты не музыкой, а самими собой: смотрите, какие мы забавные, какие мы фанатики. Это глупо, дурно, свидетельствует об отсутствии такта. Саморазгул, глупость, показуха проявляются по-разному. В Сочи фанаты перевернули автобус с участниками концерта. Очень часто после концерта приходится выбираться из зала при помощи милиции. Такое впечатление, что перед тобой толпа дикарей: аборигены с острова Пасхи празднуют свои великие ритуальные жертвоприношения! Самое же неприятное — это те люди, которые приходят после концерта пообщаться. Человек, который уважает артиста, никогда не будет заниматься такими глупостями. Он никогда не встанет у дверей гостиницы и не будет ловить человека, возвращающегося с работы» [Цитируется по интервью в журнале «Уральский следопыт», № 12, 1988.].

Более уравновешенные поклонники объединились в фан-клуб «Нау», организованный Александром Турчаниновым в ДК Ленинского района Свердловска. На первое заседание, состоявшееся 1 апреля, пришли три человека, на второе — девять, на третье — 69! Через полгода в списках Фан-клуба числились

115 человек, хотя активистов было всего 25–30. Мальчики и девочки подошли к делу серьезно: приняли Устав, выпускали стенгазету «Подводник», вели обширную переписку с коллегами по обожанию со всей страны. Летом в маленькую комнатку на Сурикова, 31 приезжали гости из других городов, самый дальний путь проделала юная наутилусоманка из Кушки.

В фан-клубе «Наутилуса Помпилиуса», Свердловск,1988 год

Сами музыканты отнеслись к созданию фан-клуба настороженно. «Существование такого клуба меня вначале испугало, — говорил Бутусов. — Но когда увидел, что там нормальные люди, успокоился. Правда, я не знаю, имеем ли мы какое-то значение для существования этого клуба, там важнее общение друг с другом». Кормильцев хотел, чтобы «фан-клуб взял на себя часть ноши. Хотя бы письма… Отвечать самим — нереально, а не отвечать — неудобно. Мы бы, со своей стороны, могли снабжать их фотоматериалом о группе, значками» [Там же.]. Отношения между группой и «Нау» быстро наладились, музыканты не раз распивали чаи и распевали свои песни вместе со свердловскими фанатами. В конце осени Саша Турчанинов

уволился из ДК, и деятельность клуба постепенно сошла на нет.

Кстати, о фотографиях. Кустарным образом размноженные плакаты, календарики и портреты группы пользовались бешеным спросом во всех концах СССР. В Москве, на Арбате, черно-белую фотографию Бутусова продавали за рубль, цветную — за трешку. В беседе с рок-дилетантом Александром Житинским Слава хвастался, что и сам как-то прибарахлился на Арбате: «Я купил майку совершенно потрясную — гадкого темно-синего цвета, трикотажную. На ней написано: "Наутилус Помпилиус", а ниже: "Я хочу быть с тобой". Если бы из такого трикотажа еще трусы сделать, это был бы потрясающий интернатский стиль…» [Цитируется по: Житинский А. «Путешествие рок-дилетанта», 1990.].

«Наутилус Помпилиус», весна 1988 года

Пока музыковеды искали истоки творчества «Наутилуса» в русском городском фольклоре, песни «НП» сами становились фольклором. Душным сочинским вечером по дороге в гостиницу Белкин как-то доказывал Бутусову, что они играют попсу и что никто никогда не будет просто петь под гитару, например, «Алена Делона». Как по заказу, из ближайших кустов, где сидела пьяная компания, донеслись вопли под гитару «Ален Делон не пьет одеколон». Белкин примолк и больше вопросов о народности творчества «Наутилуса» не поднимал.

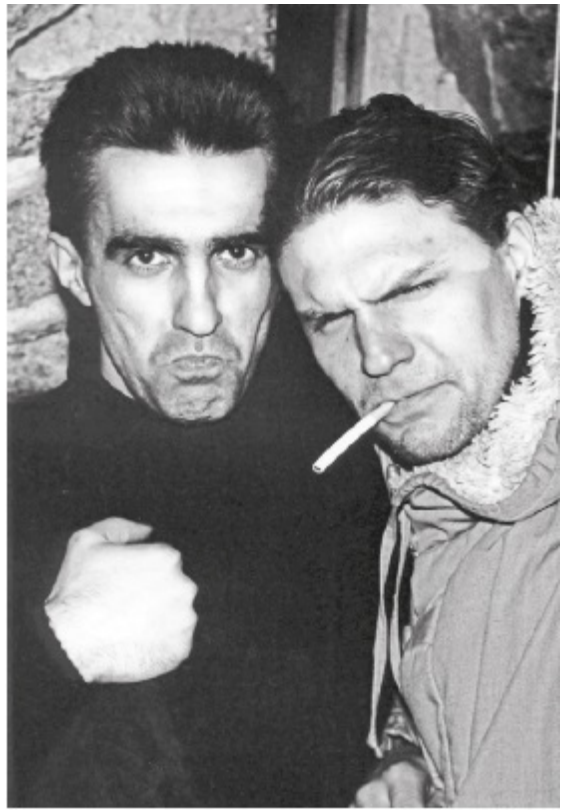
Против такой народности не смог устоять даже «Музыкальный Олимп ТАСС». Этот рейтинг популярности тоже составлялся по читательским письмам, но был гораздо более репрезентативен, чем хит-парады молодежных газет, — за артистов каждый месяц голосовали 20–25 тысяч человек — от Прибалтики до Камчатки. Их вкусы отличались большим консерватизмом, чем пристрастия столичной молодежи, а сам

рейтинг из-за массовости был довольно неповоротлив. «Наутилус» появился в конце «горячей десятки» «Музыкального Олимпа» в середине 1988 года, к декабрю достиг четвертой строчки. Только в марте следующего года он занимал вторую позицию сразу после «Ласкового мая», а к середине 1989-го съехал в самый низ десятки. «Наутилус» оказался группой больших городов. Провинциальные меломаны свердловским архитекторам предпочитали оренбургских сироток с их «Белыми розами»…

14

В мае Бутусов решил, что группе нужен еще один гитарист. Им стал Егор Белкин: «Мой приход в "Наутилус" был слегка болезненным, потому что так называемые "битлы" не видели никакой нужды в появлении рядом с ними, такими крутыми профессионалами, какого-то чувака, который консерваторий не заканчивал. Но они рвались в тур зарабатывать деньги, а Слава им выкатил очень сложный материал: "Ворота, откуда я вышел", "Чужой"… Мы сели и в недельный срок всю эту программу подготовили. Тогда "битлы" сказали: "Если Славе нужен собутыльник, пусть будет". Вот в каком качестве меня взяли. Мне было немного обидно, потому что программу-то мы сделали и весь тур проехали».

Появление седьмого музыканта общее звучание «Наутилуса» почти не изменило. А атмосфера в группе уж точно не улучшилась. Шли изматывающие гастроли. Приходилось выступать в одних программах с «Миражом», «Маркизой», юмористами и натуральными клоунами. Нервы у музыкантов были на пределе. Один раз «НП» согласились даже спеть под фонограмму. Случилось это в Новороссийске, и первый опыт оказался крайне неудачным. На магнитофон поставили пленку с «фанерой», но, когда включили освещение на сцене, напряжение в сети упало, и звук страшно поплыл. Славе пришлось «петь» на два тона ниже, каждая песня продолжалась в полтора раза дольше. Самое смешное, что публика даже не обратила внимания на необычный голос Бутусова — кажется, она была бы в угаре, даже если бы он спел по-буратиночьи звонко. Зато музыканты после этого случая во все райдеры вставляли обязательный пункт о концертах только с «живым» звуком.



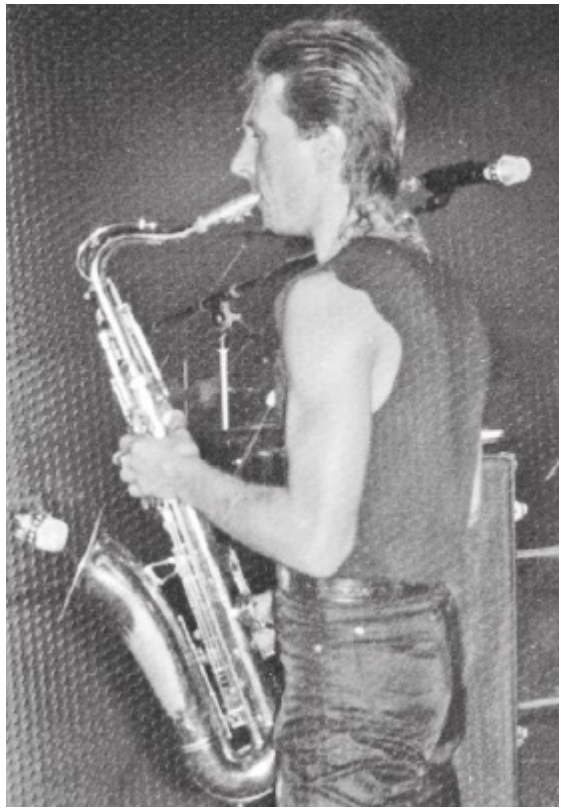
Вячеслав Бутусов и Егор Белкин. Фото Александра Шишкина

Елизаров как ди-джей управлялся с пультом, и «Нау» всегда звучал очень хорошо. Саундчеков или вообще не требовалось, или группа все-таки выходила, делала общий «блямс!», и этого было достаточно. «На концерте во Дворце спорта «Крылья Советов», — рассказывает Владимир Назимов, — бегал какой-то низенький мужичок поперек себя шире и кричал: "Никому не подходить к пульту!" У нас было два концерта с "Миражом". Первый мы отыграли на таком отличном звуке, что в перерыве мужичок бегал и кричал: "Никому не подходить к пульту, кроме Владимира Петровича Елизарова!" А потом он так доверительно шепнул Володе: "Что-то «Мираж» не очень строит…" и попросил помочь. Мы все чуть не попадали. "Мираж"-то играл под фонограмму».

Все, кроме «битлов», снимали напряжение спиртным. По утрам Бутусов экспериментировал: пытался избавить других от похмельного синдрома не традиционным пивом, а при помощи композиций шведской поп-группы «Ace of Base». Получалось плохо, пиво помогало лучше. Случались срывы. Могилевский перед концертом в Сочи послал Бориса Агреста по громкой связи

на все четыре стороны. Агрест оскорбился и предложил на несколько концертов отстранить Могилевского от выступления и, соответственно, лишить гонорара. Коллектив директора поддержал, а его непьющая часть даже поаплодировала. Первый раз Алексей смотрел выступление «НП» из зала. Зрелище было не очень: его клавишную партию разделили между собой Пифа и Хоменко, а саксофон отсутствовал вовсе. После второго такого концерта Леха вымолил у Бутусова прощение, пообещав, что больше никогда не будет себя плохо вести и вообще зашьется. И зашился. В первый раз. После этого он, отягощенный комплексом вины, вел себя тише воды, ниже травы, но все равно считался потенциальным «накосячником». «У меня просто прорывался бунтарский дух, — объясняет Могилевский. — Только он был направлен на разрушение самого себя и всего того, что движется рядом. Поэтому мои акции к концу 1988 года очень упали».

В родном городе за 1988 год «помпилиусы» отыграли шесть раз. Четыре выступления состоялись за одни августовские сутки. В ночь на субботу «НП» принял участие в премьере «Зеркала для героя» в «Космосе». Днем группа исполнила две песни на Центральном стадионе перед программой Аллы Пугачевой, затем дала сольный концерт в ДК УЗТМ, а потом успела на стадион на вечернее шоу Аллы Борисовны. Трудно сказать, кого свердловская публика приветствовала восторженней: Примадонну, находившуюся тогда в самом расцвете сил, или земляков.



Алексей Могилевский, 1988 год

«Наутилус», несмотря на любые романы со столичными концертными организациями, продолжал оставаться группой Свердловского рок-клуба. Отношение к собственным суперзвездам в СРК было двойственное. Алексей Хоменко вспоминает: «Мы с "наутилусами" приезжаем с гастролей, а нас в рок-клубе встречают лозунгами примерно такого содержания: "Долой «НП» из рок-клуба. Они зарабатывают деньги на кристальной рок-н-ролльной идее!"» Чего больше было в этих «приветствиях» — искренности, с младых ногтей воспитанной классовой ненависти или банальной зависти, сегодня трудно сказать…

Однако, по мнению администратора рок-клуба Рудольфа Стерхова, «классовая ненависть не была массовым явлением. Скорее, наблюдалась некая растерянность: "Наутилус" ушел в большое плавание, оторвался от родной почвы, а как же мы без нашего хедлайнера?» Как бы то ни было, в большинстве публикаций об «НП» упоминался и Свердловский рок-клуб, и его группы. Бутусов и сам в интервью рассказывал о своих товарищах:

«Из наших мне больше всех нравится "Настя", "Апрельский марш" нравится. Но больше всех мне нравится группа "Водопад имени Вахтанга Кикабидзе"! Это для меня что-то недосягаемое. Я так никогда не смогу. Поэтому я им просто завидую. Они так отвязываются!» «Голожаберный моллюск», словно ледокол, плыл по морю шоу-бизнеса, расчищая путь для земляков.

15

В сентябре «Наутилус» прокатился по Финляндии. Слава побывал в стране озер еще в июне, на премьере фильма «Серп и гитара», снятого финской документалисткой Марьяной Мюккянен: «В композициях лучших советских рок-групп больше мысли, чем во всем западном роке, вместе взятом, кроме, пожалуй, песен Боба Дилана. Советские музыканты создают песни острые, саркастичные, которым не чужды в одно и то же время и аналитичность, и поэтичность», — заявила режиссер в интервью газете «Helsingin Sanomat» после премьеры своей работы на кинофестивале в городе Соданкюля весной 1988 года. Почетным гостем этого фестиваля был Вячеслав Бутусов, пространные интервью с которым, снятые на прокуренных кухнях московских квартир, занимают добрую треть фильма. Концертные фрагменты снимали на столичной «Рок-панораме-87». В фильм вошла музыка нескольких советских групп, но именно «Наутилус» и лично Бутусов так восхитили Марьяну Мюккянен, что она помогла организовать их мини-тур по Финляндии.

Еще летом «наутилусы» собирались ехать в США на «Марш мира». Но все испортил «Черный кофе», гитарист которого «выбрал свободу» и после гастролей в Испании остался там. С туром по США поехала проверенная «Машина времени», а каких-то непонятных сибиряков завернули. С трудом вырвались в Финляндию.

Уральская группа дала 12 концертов в девяти городах Суоми. Выступали в маленьких клубах и кинотеатрах перед фильмом о русском роке «Серп и гитара» с участием самих «НП». Только заключительный концерт в Хельсинки прошел в большом зале. Все суточные «наутилусы» почти сразу спустили на подарки родственникам, поэтому постоянно хотели есть. Режиссер фильма Марьяна Мюккянен, сопровождавшая «НП», искала любой повод бесплатно угостить музыкантов и даже выучила русское слово для таких случаев — «халява».

За кулисами концертного зала в Хельсинки голодным уральцам попался аппарат с пепси-колой, чипсами и сладостями, который, на удивление, принимал за финские марки советские пятнадчики. Его моментально опустошили. Вот обрадовались финны, открыв монетоприемник. На сытый желудок Пифа с

Могилевским чуть не разбогатели — неподалеку стояли «однорукие бандиты». Новичкам везло — поначалу вывалилась куча монет, но азартные счастливчики спустили весь выигрыш в тот же автомат.

Аппарат на последний концерт выставили мощный, зал аж гудел. Финские зрители от переизбытка чувств нарезались. И один пьяный меломан умудрился заснуть, засунув голову в динамик. Наверное, до сих пор в его оглохших ушах слышится «Марш, марш левой!»

К осени «Наутилус Помпилиус» окончательно перестал быть единым целым. Сработал стандартный прием московских шоу-бизнесменов, ласково, но твердо отделивших фронтмена от остальной команды. В октябре Слава на вопрос об интересах группы уже отвечал: «Большинство из них понимает свою задачу как подыгрывание мне». Наверное, раскол коллектива не был целью менеджеров, просто так удобнее работать, легче гнуть свою линию, легче управлять. Впрочем, конечное слово все равно оставалось за Бутусовым.

За 1988 год «Наутилус» дал примерно 300 концертов. Все здорово устали. На концертах в Ленинграде в начале октября Слава выглядел просто изможденным. Свидетель этого выступления Андрей Радин писал: «Казалось, что толпы фанатов, ажиотаж выбивают его из колеи. Такое чувство, что нет у него радости от того, что весь зал вместе с ним поет, … что в проходах зала молодежь танцует…» [«Молодой коммунар» (Тула), 28.01.1989.] За кулисами Слава пожаловался писателю Александру Житинскому: «Я сторонник играть концерты, когда хочется, когда есть настроение. Цикличный образ жизни — от концерта до концерта — он отбивает всякое желание. Хочется вообще ничего не делать. Просто ничего».

В середине октября планировался III фестиваль Свердловского рок-клуба, который никто не мог представить без участия «Наутилуса». Но «НП» заартачился: группа была вымотана гастролями. По словам Грахова, «в октябре 1988 года случился единственный конфликт правления рок-клуба с "Наутилусом". Когда они отказались выступать на фестивале, все посчитали, что они зазнались». «НП» все-таки удалось уломать. Одним из аргументов стал день рождения Бутусова, пришедшийся как раз на разгар фестиваля. Возможностью справить его в кругу семьи Слава пренебречь не смог.

Вечером в субботу 15 октября Дворец молодежи чуть не лопнул — выступал «Наутилус». Да, в расписании значились три группы, но народ ломился именно на «НП». Поговаривали, что рисование фальшивых пригласительных в архитектурном

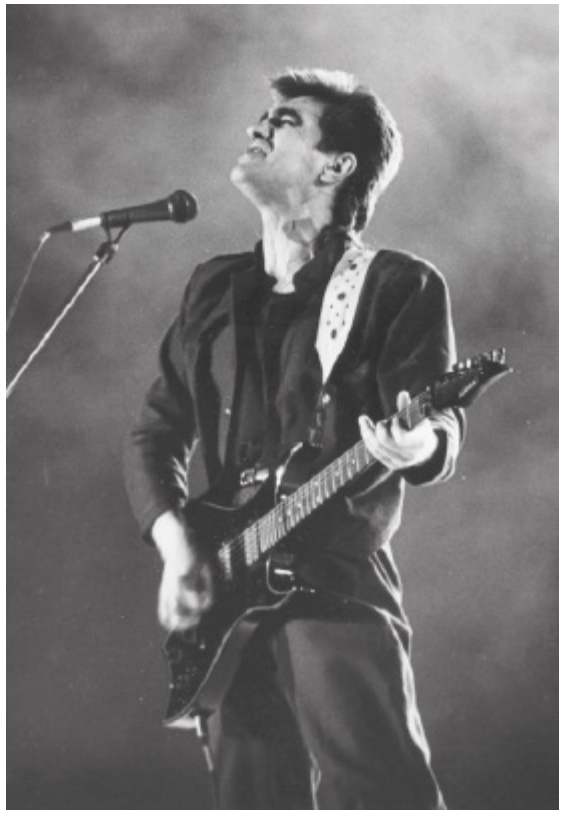
институте поставили на поток, в результате чего на каждое кресло в зале претендовали не менее трех зрителей.

«Отражению» и «Солярису» пришлось нелегко, их воспринимали как неизбежный киножурнал перед желанным фильмом. Это мобилизовало обе группы, и они отыграли замечательно, на что, правда, не все фаны «Наутилуса» обратили внимание.

Когда Бутусова под конвоем милиции провожали в зал, зрелище напоминало огромный корабль, разрезавший толпу маленьких лодочек. Кто-то совал ему в лицо микрофоны, задавая вопросы, девочки просили автографы… А индифферентный Слава шел, никого не замечая. Картина называлась «Звезда на родине».

Милиция заняла позиции прямо за колонками, чтобы не пустить самых экзальтированных поклонниц на сцену. Калужский объявил «Наутилус Помпилиус», зал облегченно взревел. Бутусов в черном сильно приталенном костюме подошел к микрофону, завязал глаза черной повязкой, начал «Бриллиантовые дороги». Зал млел. Над головами заколыхались несколько огромных букетов, которые Бутусов не видел… Он, хотя и снял повязку через пять минут, но глаза во время пения не открывал.

Звучали новые песни и сильно переаранжированные старые. Мало кто обращал внимание, что инструментальный фон так перегружен разнообразными красивостями, что порой просто разваливается на вычурно разрисованные куски. Особенно это было заметно в старых хитах. В «Князе тишины» неожиданно появился элемент, остро напоминавший милицейскую сирену (наверняка стражи порядка кайфанули), да еще мощный хор в «Гороховых зернах» вызвал ассоциации с ансамблем песни и пляски МВД. Контраст с прежними вариантами песен, записанными тремя-четырьмя музыкантами, делал нынешний сверхсостав еще более монструозным. Великолепная семерка старалась вовсю, доказывая необходимость каждого инструменталиста. При этом белкинские гитарные соло иногда казались просто лишними, а некоторые хоменковские клавишные выверты вызывали улыбку и сострадание. Но залу было пофиг. Он хотел смотреть и слушать только Славу.



Вячеслав Бутусов, 1988 год

После бисового «Я хочу быть с тобой» ведущий поздравил Славу с днем рождения и подарил ему будильник. Скандирование «Слава! Слава!» перешло в «По-здра-вля-ем!». Публика долго не успокаивалась.

Еще во время фестиваля Слава признался: «Похоже, со мной происходит то, что принято называть творческим кризисом. Думаю, "Наутилус" не скоро появится на сцене» («Красный боец», 19.02.1989). Команда готовилась к отпуску. Агрест напоследок договорился о туре по Белоруссии — 20 стадионов. Музыканты стали подсчитывать свои отпускные, но Слава вдруг уперся: он устал, и ему это не надо. Борис рвал на себе волосы, он уже чуть ли не аванс взял, афиши напечатал, но Бутусов — ни в какую. Последними выступлениями «золотого состава» стали ломовые концерты в Ташкенте. Лидера группа почти не видела — он появлялся за десять минут до выхода на сцену, отрабатывал и уезжал в гостиницу. Из Узбекистана музыканты вернулись домой, а Слава улетел в Москву…

16

Еще после гастролей по Финляндии Белкин предложил Бутусову вернуть Умецкого: «Для всех, кто знал историю "Наутилуса", Дима был одним из двух создателей группы, половинкой творческого дуэта вроде Леннона — Маккартни. Слава ответил: "Я согласен, но поеду к нему я один". Прекрасно!» В середине ноября в свердловской квартире Белкина появился Умецкий и заявил, что Егор уволен. «Дима, — возразил тот, — ну не ты же меня на эту работу принимал, не тебе и увольнять». Тогда они пришли уже вдвоем. Бутусов, правда, не произнес ни звука, а Умецкий безо всяких объяснений повторил те же слова, и Белкин понял: все. «Обиды не было — мне постоянно давали понять, что я не "наутилусовский", что я "урфинджюсовский", что я здесь только коньяку со Славой попить зашел».

Остальных музыкантов уволили через директора. 22 ноября домой к Пифе пришел Борис Агрест и объявил Виктору и гостившему у него Земе, что все уволены. И он тоже. «Помимо чисто материальных неудобств, срыва планов, была и просто человеческая обида, — вспоминает Комаров. — Все делали вместе, а тут вдруг Слава один взял и всех уволил». Назимов был готов к новости — за два часа до этого его предупредил Алавацкий, но удар все равно был тяжелым: «Мне помогли две больших пачки чая, банка кофе и блок сигарет. Я двое суток сидел на кухне, смотрел на улицу, пил чай с кофе и курил. А потом пошел к Могилевскому, и мы начали делать новую программу — "Ассоциации"».

«Ситуация с увольнением была настолько невнятная и непонятная, что мою реакцию можно описать даже не словом "обида", а словом "досада", — говорит Могилевский. — Я сижу дома, раздается звонок. Назимов с порога сообщает: "Леха, нас уволили!" и исполняет чечеточное па. Я отвечаю: "Ну, умерла, так умерла". Наконец-то появилась хоть какая-то определенность».

Хоменко чувства обиды не испытывал: «Я — человек свободный и пошел по жизни своим путем. "Наутилус" — это просто одна из страниц моей биографии. Время тогда было лихое, и ко мне приходили знакомые с предложениями вернуть Славу насильно: "Он на коленях из Москвы приползет и будет делать все, что скажешь…" Зачем: он должен летать, а они предлагали ему крылья-ласты завернуть. А кому нужен творец без крыльев? Он даже самому себе не нужен».

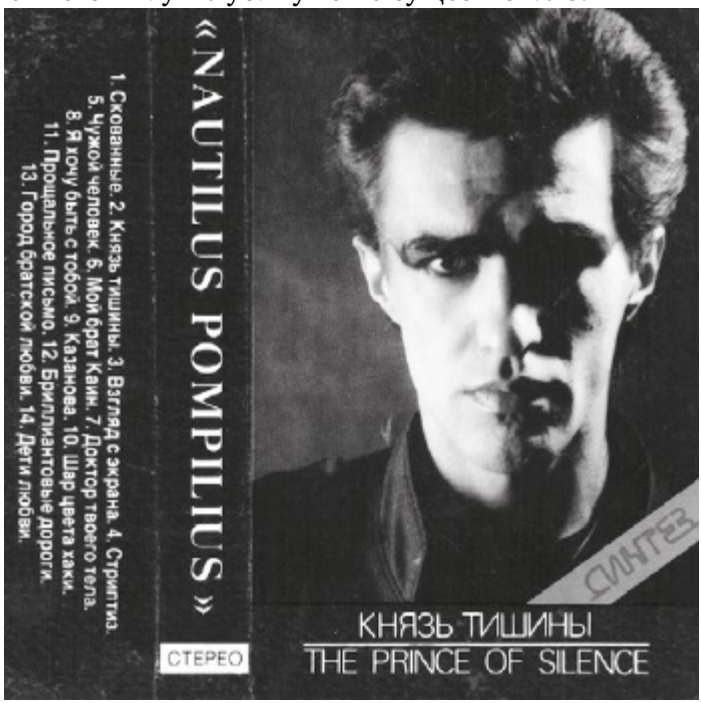
Вячеслав Бутусов в Алма-Ате, 1988 год

Сам лидер «Наутилуса» вспоминает конец 1988 года несколько иначе: «Часть группы, настроенная решительно и революционно, бунтовала, не хотела терпеть этого гастрольного чеса. Я этому удивлялся, потому что самым не приспособленным к чесу был я. Поэтому и нормально воспринял такое сопротивление, в душе эти гастроли меня тоже не очень устраивали. Были терзания, но никакого распускания коллектива не было. Я ничего не обрубал. Просто тот взлет был слишком неожиданным для нас. Мне кажется, что я не был готов к этому. Возникло желание сделать остановку. Повлияло и то, что мы называем возрастом, изменением шкалы ценностей».

В итоговом хит-параде «Московского комсомольца» за 1988 год (06.01.1989) «Наутилус Помпилиус» прочно оккупировал первые строки: «Лучшая группа», «Лучшая пластинка» («Наутилус Помпилиус/Бригада С»), «Лучшая фонограмма» (все та же «Разлука» плюс на девятой строчке их же «Лучшие песни»), «Песня года» («Я хочу быть с тобой» — 97 % голосов). Бутусов — второй певец (после Кузьмина), второй композитор (после Кузьмина) и восьмой поэт-песенник. Кормильцев занял в этой же категории третью строчку (после Кузьмина и Гребенщикова). Кстати, четвертой по популярности певицей года читатели «МК» вдруг назвали Настю Полеву — ледокол «Наутилуса» работал!

Год «наутилусомании» закончился. Его отзвук прошелестел

через полгода: «Мелодия» расщедрилась на выпуск студийного альбома «Князь тишины». Он состоял из песен 1988 года и нескольких перезаписанных заново хитов прошлых лет. Работа над альбомом проходила еще прошлой весной, и к моменту выхода он несколько подустарел. Причиной задержки стало бодание «Мелодии» с потенциальными конкурентами — кооперативами «Синтез» и «Тон-сервис». Эти структуры организовывали и финансировали процесс записи. Сначала они хотели выпустить диск самостоятельно, но пробить брешь в монополии «Мелодии» им не удалось. Гигант грамзаписи согласился издать «кооперативную продукцию» только через год, когда прежнего «Наутилуса» уже не существовало.


«NAUTILUS POMPILIUS»
1. Скованные. 2. Князь тишины. 3. Взгляд с экрана. 4. Стриптиз. 5. Чужой человек. 6. Мой брат Каин. 7. Доктор твоего тела. 8. Я хочу быть с тобой. 9. Казанова. 10. Шар цвета хаки. 11. Прощальное письмо. 12. Бриллиантовые дороги. 13. Город братской любви. 14. Дети любви.
СТЕРЕО
СИНТЕЗ
КНЯЗЬ ТИШИНЫ
THE PRINCE OF SILENCE

Оформление М. Афанасьева

Далеко не все поклонники «Наутилуса» остались довольны альбомом. Но сам факт выпуска первой полностью легальной пластинки «НП» не мог не радовать. «Мелодия» штамповала «Князя тишины» и в 1989-м, и в 1990-м десятками тысяч экземпляров. Общий тираж альбома, как и других релизов советского монополиста, установить, скорее всего, невозможно.

17

Неповоротливые издания еще весной 1989 года писали о «золотом составе» как о действующей группе, безутешные фанатки быстро утешились и переключились на другие объекты обожания, а «Наутилус Помпилиус», резко вильнув в сторону, лег на новый курс.

Воссоединившаяся пара Бутусов — Умецкий задумала глобальный киномузыкальный проект, вроде «пинкфлойдовской» «Стены». Родился сюжет о мальчике, который с самого рождения преодолевает череду искушений и испытаний и в конечном итоге приходит к Богу. Несколько стихов Кормильцева идеально легли в концепцию. Алена Аникина сумела заинтересовать этой идеей режиссера Виктора Титова, прославившегося фильмом «Здравствуйте, я ваша тетя». «Необходимо было предоставить полноценный концептуально и музыкально выстроенный материал, чтобы продолжить в дальнейшем работу с профессиональным композитором Виктором Кисиным (он писал музыку к нескольким фильмам Титова). Именно поэтому мы со Славой и решили призвать на помощь Пантыкина. Он же профи!» — вспоминает Дмитрий.

В январе 1989 года на подмосковной даче началась работа над новым альбомом — «Человек без имени». «Славе было очень кайфово со мной работать, — вспоминает Пантыкин. — Я практически сделал этот альбом. Но Дима услышал в этой работе "Урфин Джюс". Там действительно было много от "УД" — меня же не переделать. А Славе это нравилось. Но когда я уехал, они все переписали. Они выжгли меня. Ни одной песни в моем варианте не осталось. Мой "Человек без имени" был очень динамичным, насыщенным и позитивным. Диме не нравилось, что у меня все кругом заливали солнце и свет».

«Фонограмма была забракована Титовым, — утверждает Умецкий. — Именно ему не нужен был "Урфин Джюс", а нужен был "Наутилус". Он не почувствовал в записи необходимого драматизма. Запись показалась Виктору "бездушно бодрой". Я был с ним абсолютно согласен».

«Насколько я помню, на тех демозаписях были клавишные аранжировки с использованием большого количества инструментов, такой симфо-рок, — описывает результат сотрудничества Бутусов. — Пантыкина мы пригласили как композитора, исполнителя и соучастника, как члена какой-то предполагаемой супергруппы. Но Саша так активно взялся за аранжировки новых песен, что мы с Димой просто не успевали

соображать — правильно это или нет. Саша садился и предлагал готовый вариант, а мы тоже хотели участвовать. Он человек самостоятельный и делал все очень быстро. Нам казалось, что мы не у дел, что мы не у руля. В результате — мы толкались, толкались у этого руля… Взаимодействия не получилось».

Спустя месяц «Наутилус» от услуг Пантыкина отказался. К тому времени пресса уже строила самые нелепые версии о судьбе самой популярной группы прошлого года. Весной музыкальный руководитель «Наутилуса» Вячеслав Бутусов и художественный руководитель «Помпилиуса» Дмитрий Умецкий дали несколько интервью, в которых прояснили ситуацию в группе на текущий момент и ее перспективы.

Бутусов: «В ближайшие наши планы входит выпуск альбома. Магнитофонного или какого-то другого — это не важно. Пластинка — это не принципиально, годовой срок ее выпуска нас не устраивает. Новый материал должен выходить своевременно».

Умецкий: «Мы отказались от концертов как от средства зарабатывания денег, а у нас в стране нет организации, способной взять группу на баланс и обеспечить всем необходимым. Поэтому мы решили попробовать завязать отношения с объединением "Ладья" на студии имени Горького и перейти в систему кино. Не для того, чтобы сняться в фильме, а для того, чтобы ощутить себя в другой обстановке. Первоначальные переговоры проведены, и с осени будет запущен полнометражный фильм».

Бутусов: «В студии музыкальная стилистика каждой конкретной вещи будет диктовать состав исполнителей. Каждый раз зачислять приглашаемых музыкантов в состав группы вряд ли реально».

Дима со Славой с головой погрузились в мир кинематографа, в будущий кинопроект «Человек без имени». Режиссер Виктор Титов видел картину набором песен, объединенных общим сюжетом. Окончательный сценарий написала Алена Аникина. В эфире телевизионной программы «А» промелькнул фрагмент клипа «Боксер» — наброска будущего фильма.

Работа переместилась в Ленинград. В гостинице «Россия» появились на свет демонстрационные записи, которые Бутусов считает наиболее близкими по духу к своему замыслу. Умецкий утверждал, что это был полуфабрикат: «Мы думали о работе с симфоническим оркестром». Окончательный вариант записи стали делать на студии «Ленфильм», куда пригласили в помощники гитариста «Телевизора» Александра Беляева и барабанщика «ДДТ» Игоря Доценко. Для жилья и репетиций купили заброшенный дом в питерском районе со странным названием Коломяги.

Кадр из телепрограммы «Чертово колесо», 1989 год

В Свердловске, куда Слава с Димой в середине октября приезжали как гости рок-клубовского фестиваля, они попросили возглавить процесс звукозаписи Полковника, с которым работали еще шесть лет назад над «Переездом». Саша согласился, хотя надолго покидать свою собственную группу «Кабинет» не планировал.

Писали альбом на «Ленфильме», в огромной студии, совсем не приспособленной для записи рок-групп. Лишь магнитофон и пульт были хорошие. Часть микрофонов и аппаратуры Полковник привез с собой. Ленфильмовские звукоинженеры косяками ходили смотреть на то, как работают уральцы, а одна из них даже зарисовывала положение ручек на пульте — наверное, сама хотела рок продюсировать.

Александр «Полковник» Гноевых. Фото Дмитрия Константинова

В конце октября прогремела новость о присуждении «Наутилусу Помпилиусу» премии ЦК ВЛКСМ. На самом деле это была давняя задумка инструктора Свердловского обкома комсомола куратора и друга рок-клуба Марата Файрушина: «Когда в 1987 году я согласовывал участие "Наутилуса" на фестивале "Рок-панорама", над залитованными в Свердловске текстами долго смеялись эстеты из ЦК ВЛКСМ. Их не очень интересовал общий смысл. Музыку они вообще не слушали. Цеплялись к отдельным фразам, царапавшим их художественный вкус, вроде "Ален Делон не пьет одеколон". Я убеждал их оценить песню целиком, но поддавались они на мои уговоры с трудом. Именно тогда мне пришла в голову мысль выдвинуть "Наутилус Помпилиус" на премию Ленинского комсомола. Казалось логичным, что группе-лауреату будет легче пробиваться на концерты любого уровня». Прямо в самолете из Москвы Марат начал накидывать черновик документов по выдвижению «НП» на премию.

В Свердловском обкоме комсомола эту идею одобрили: все считали, что «Наутилус» вполне достоин такой премии. Документы были согласованы и ушли в ЦК, где больше года бродили по разным инстанциям. За этот год в жизни «НП» изменилось практически все, но тем не менее в 1989 году

премией ЦК ВЛКСМ наградили Бутусова, Умецкого и Кормильцева.

Комсомольская пресса ликовала по поводу высокого признания истинных героев молодежи, но через месяц бабахнула еще одна новость: 29 ноября Илья Кормильцев направил в ЦК письмо с отказом от премии. «У ЦК ВЛКСМ нет морального права награждать нас чем бы то ни было, — заявил он в интервью газете «Уральский рабочий» (30.11.1989). — Это просто рекламный трюк, игра на политической конъюнктуре… Если это не конъюнктура, то что? Беспринципность? Лицемерие?»

Илья подчеркивал, что «к нынешнему составу Свердловского обкома ВЛКСМ я отношусь с симпатией», и утверждал, что «если бы премию мне дали они, я бы от нее не отказался». Тем не менее первый секретарь обкома Андрей Королев, по его собственным словам, был ошарашен известием: «Конечно, я разочарован… Мы приложили столько усилий, чтобы "Наутилус" получил эту премию. И вот теперь это не только оказалось бесполезным, но и вышло нам боком». Скандала никто не ожидал еще и потому, что, по словам Умецкого, «до присуждения премии Свердловский обком ВЛКСМ направил официальные запросы всем трем номинантам. Получил согласие от всех троих. И только после этого инициировалась процедура присуждения». В результате Умецкий с Бутусовым премию получили. Слава свои 700 рублей перечислил в один из детских домов Свердловска, а Дима свою часть потратил на создание документального фильма о Нюрнбергском процессе.

Альбом был практически закончен. Саша Беляев отвел душу, записывая по пять гитарных партий в каждой вещи. «Это музыка на любой вкус», — рассказывал он про новые песни «Наутилуса»… Вдруг между руководящим дуэтом произошел раздрай. Еще вечером музыканты ушли из студии как ни в чем не бывало, а наутро узнали, что Умецкий покинул проект и забрал с собой фонограмму. «Разрыв с Димой был эмоциональным. Было много интриг, много обсуждений около да вокруг. Атмосфера накалялась, напрягалась, и в результате все друг на друга обиделись, — рассказывает Бутусов. — Наше расставание напоминало бракоразводный процесс, и, поскольку такое в моей жизни уже было, это — единственная аналогия, которую я могу провести. Мы были знакомы с Димой десять лет и просто устали, видимо, друг от друга. Оба явились конденсаторами отрицательных эмоций. Это чисто человеческий конфликт».

Умецкий считал разрыв 1989 года повторением ситуации 1987-го, только сложнее: «Были задействованы деньги и огромное количество людей. Титов отказался продолжать работу над

фильмом. Жаль — эксперимент обещал быть интересным».

Альбом «Человек без имени» увидел свет только в 1995 году. Непонятно, что он представляет из себя: полуфабрикат, 3/4-фабриката или готовый продукт. В любом случае, появившись на CD, он безнадежно устарел. «Наутилус» за 6 лет ушел далеко вперед, и «ЧБИ» смотрелся рядом с «Крыльями», как «Лада Калина» рядом с «Мерседесом».

Видимо, Бутусову было жалко пропавшего материала, и часть песен из «Человека без имени» он включил в альбом «Родившийся в эту ночь», записанный год спустя новым гитарным составом «НП». Из тех песен, что остались невостребованными, самая удачная — веселенькая «Непорочное зачатие».

18

В январе 1990 года Бутусов набрал новый состав «Наутилуса». Беляев получил официальное приглашение присоединиться к «НП» еще в октябре. Чуть позже барабанщиком по рекомендации Кинчева пригласили Игоря Джавад-Заде из московского «Арсенала». Беляев привел басиста Игоря «Гогу» Копылова из «Петли Нестерова». После месячного перерыва в Коломягах снова начались репетиции. В феврале перед поездкой в Восточный Берлин на фестиваль «Голубой воробей» Бутусов предложил Полковнику немножко поработать с ними на концертах. «Кабинет» к тому времени распался, и Саша остался с «Наутилусом» до 1997 года. Сумбурное берлинское выступление трудно считать полноценным дебютом.

Боевое крещение гитарный состав «Наутилуса» принял 14 марта на четвертом дне рождения Свердловского рок-клуба. Новое звучание родного «НП» уральскую публику огорошило. Игорь Джавад- Заде начал выступление с длинного соло на мощной ударной установке и специально привезенных «громыхающих прибамбасах». После отрокотавшей увертюры Бутусов запел старую песню «Отход на север», но она изменилась до неузнаваемости, превратившись в жесткий гитарный боевик. Зрители поначалу восприняли новую версию как прикол. К третьей песне до всех дошло, что это всерьез. Ошарашенный зал, ожидавший более традиционного «НП», издал несколько сдавленных хлопков. Только после лирической «Джульетты» публика отмерла, и ее реакция стала более адекватной. В перерыве все спорили, в хорошую или в плохую сторону изменился «Наутилус». Некоторым понравилось, некоторые возмущались, большинство недоумевало. «Самый яростный отпор мы получили в Свердловске, — вспоминает Бутусов. — Столь негативной реакции я не ожидал, хотя мы, в принципе, были готовы к тому, что народ воспримет увиденное болезненно. А мы просто пришли к выводу, что ранний период — павлинизации, боевой раскраски, эпатажа — прошел. С возрастом захотелось быть естественнее, проще. Мы стали куда менее напряженными и "надутыми" чем 3–4 года назад».

Игорь Джавад-Заде, Вячеслав Бутусов, Александр Беляев и Игорь «Гога» Копылов, 1990 год. Фото Александра Шишкина

Один из зрителей смотрел тот концерт с блокнотом в руках. Слава попросил Белкина оценить звучание и поделиться впечатлениями. Ремарок у Егора набралось на каждую песню, о чем он и сообщил главному «помпилиусу». Через месяц Бутусов позвонил Белкину и предложил присоединиться к группе. С хрустом и треском Егор нашел свое место в уже сложившемся коллективе. Они с Сашей Беляевым, который к тому времени придумал для «НП» уже много гитарных ходов, подолгу увязывали свои партии. Увязали, и группа начала потихоньку гастролировать…

«Это были самые кровавые гастроли, — вспоминает Белкин. — Концертов много, а денег мало. Песни были хороши, но не "Я хочу быть с тобой". Зрители ждали совсем другого. Слава держался молодцом. Однажды на сцене что-то случилось, я не смог до него докричаться и потрогал его за локоть. Рука у него была каменная. На сцене он страшно напряжен, он вообще не любит сцену». Читатели газеты «Московский комсомолец» по итогам 1990-го назвали «НП» «разочарованием года».

Александр Беляев и Егор Белкин, 1993 год

Летом 1990-го «Наутилус Помпилиус» все-таки попал в Америку, которой Бутусов пять лет назад навсегда говорил «Goodbye». 23 июля выступлением свердловско-ленинградской группы завершился ежегодный международный музыкальный семинар, проходивший в Нью-Йорке. Рокеры из Советского Союза впервые участвовали в семинаре, собравшем музыкантов из 30 стран.

«Несмотря на все проблемы, которые пришлось преодолеть нашей группе на пути в Новый Свет, поездка была чрезвычайно полезной, — заявил в интервью корреспонденту ТАСС Вячеслав Бутусов. — Хотя в последнее время у нас появилось больше возможностей узнать о том, что происходит на зарубежной сцене, ничто не может заменить живого общения. Мы все еще чувствуем себя отрезанными от основных направлений музыкальной жизни Запада, и это, наряду с языковым барьером, является одним из основных препятствий на пути к успеху у зарубежной аудитории».

Корреспонденту ТАСС, удивлявшемуся, почему «НП» не поет по-английски, Слава объяснил, что «петь надо на своем языке и о своих проблемах, а то, насколько это будет принято зарубежной аудиторией, зависит, прежде всего, от мастерства исполнителей. Язык музыки интернационален». Слова своего лидера «Наутилус Помпилиус» подтвердил, добившись аплодисментов на концертах в паре нью-йоркских клубов. Вопреки ожиданиям, «Последнее

письмо» на концертах в США Слава не спел: «Мы вообще не собирались играть эту песню в новом составе. Да и посчитали кощунством петь "Гудбай, Америка", находясь в Нью-Йорке. Публика, кстати, там очень доброжелательная, и если со сцены идет энергетика, то она хорошо реагирует, независимо оттого, знает эту музыку или нет».

Весь следующий год «НП» много выступал в Германии и даже записывался там. Это происходило благодаря контракту, который группа заключила с немецкой фирмой «LRO Music».

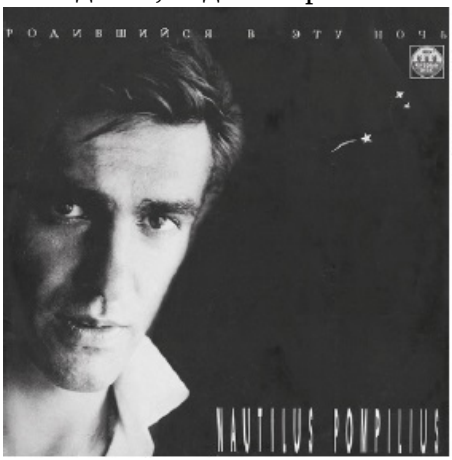
Весной 1991 года обновленный «Наутилус» готовился к гастролям в Японии. Илья Кормильцев решил, что туда надо предварительно забросить какой-нибудь клип. И так как японцы русского не понимают, то он должен иллюстрировать понятную им мелодически песню — распевную, «несколько русскую». Олег Ракович и Саша Коротич, к которым Илья обратился за помощью, выбрали «Прогулки по воде», тогда еще не записанную. Александр нарисовал «библейскую» мультипликацию, а Олег занялся киносъемками и монтажом. Эффект мелькающих на экране линий обязан своим появлением печальному факту — Ракович сломал ногу и, сидя в гипсе, две недели процарапывал рисунки прямо на пленке. «Это был мой последний клип, снятый кинокамерой. В нем оригинальная звуковая дорожка с более гитарной версией песни. На пластинке потом вышла "флейтовая" аранжировка».

Интересно, что вскоре на ту же песню появился другой клип, игровой. История о маленьком влюбленном чистильщике обуви, который покрасил Бутусову ботинки в разный цвет, была курсовой работой студента ВГИКа Анатолия Берсенева. Видеоряд совершенно не связан ни с содержанием, ни с настроением «Прогулок», но Ракович даже обрадовался, когда увидел эту версию: «Появилась нормальная конкуренция».

Сам Бутусов считал «Прогулки по воде» очень важной для себя песней: «Это притча на библейские темы. Но мы не собирались напрямую цитировать Библию. Тем более что не считаем себя достаточно компетентными в вопросах взаимоотношения космоса и человека. Лично я верю в какую-то невероятную высшую инстанцию, к которой можно обратиться за помощью и поддержкой. Она обязательно должна как-то отреагировать. Что это такое и как выглядит, я даже не собираюсь об этом думать. Такими вещами нужно заниматься серьезно».

Первый альбом гитарного состава «Наутилуса» «Родившийся в эту ночь» в 1991 году выпустил «Русский диск», дочерняя фирма «Мелодии». Видимо, Москва смогла предложить музыкантам лучшие условия, чем Ленинград. Официальный тираж, стоящий

на обложке, — солидные 100 000 экземпляров. Можно предположить, что эта цифра не совсем соответствовала реальности. За «Русским диском» так же, как и за материнской «Мелодией», водился грешок — невыполнение договоренностей.



Оформление Ильдара Зиганшина

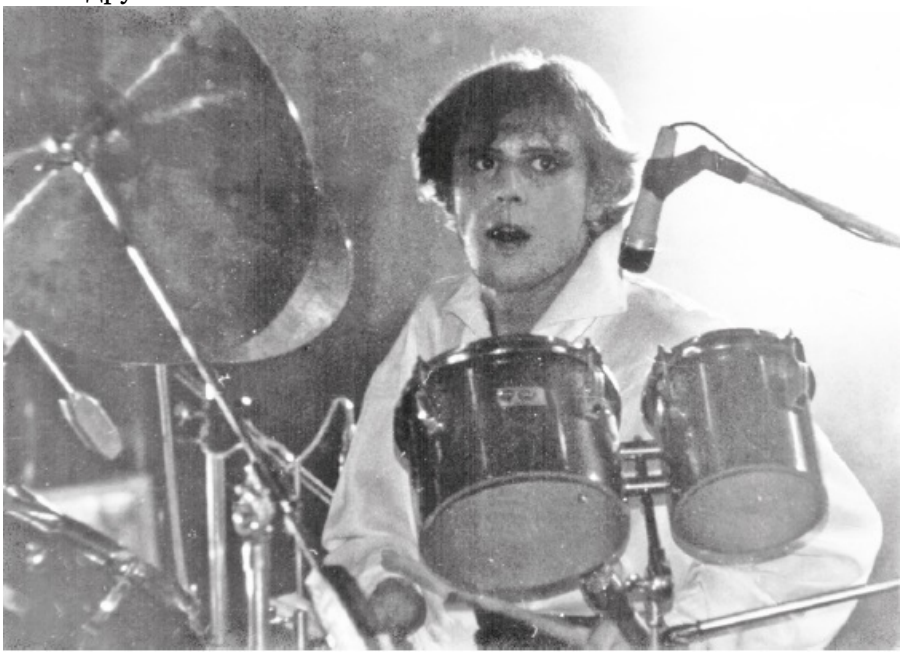
Эта пластинка появилась в продаже практически одновременно с «Разлукой», вышедшей на виниле спустя пять лет после записи. Многие покупали оба диска вместе, и сравнения были неизбежны.

Клавиши и саксофон заменили гитары — это первое, что бросается в уши. Вокал Бутусова на их фоне стал гораздо беззащитней. Кажется, что острые гитарные звуки больно ранят обнаженный голос. Из-за этого песни «Наутилуса», и раньше особым оптимизмом и бодрячеством не отличавшиеся, теперь звучат гораздо депрессивнее. «Черные птицы» и «Падший ангел» способны вогнать в тоску любого весельчака.

Мелодии угловаты, спеть их невозможно, поэтому на большинстве треков звучит просто речитатив. Кажется, что Славе труднее стало натягивать мелодии на кормильцевские стихи, что он хочет быстрее протараторить не очень внятную текстовую сумятицу и отдышаться на долгом проигрыше. Там, где Бутусову есть что петь, он поет. Причем поет так, что сама собой выводится проверенная временем формула: «Наутилус Помпилиус» = Бутусов + любое количество переменных величин.

Сами музыканты тоже остались не в восторге. «Пластинкой "Родившийся в эту ночь" мы очень недовольны, — говорил Бутусов. — Писали мы ее по контракту с немцами, и работа по сведению альбома от нас не зависела. Они все делали сами. У меня сложилось впечатление, что они на нашей базе решили

поэкспериментировать. У нас было одно представление о звуке, у них — другое».



Альберт Потапкин. Фото Дмитрия Константинова

Еще до выхода пластинки Джавад собрался уходить, заранее предупредив об этом. Егор напомнил Славе, что Алик Потапкин недавно расстался с «Агатой Кристи». В феврале 1991-го ночью домой к Потапкину дозвонился Бутусов и предложил снова поработать с «Наутилусом». Договорились, что Алик приедет в Пермь на «смотрины» — у «НП» там как раз намечались гастроли… После трех-четырех репетиций в Питере «Наутилус» с новым/старым ударником отправились в тур — 14 концертов по Сибири. Алику запомнился первый город — Омск, в котором публика в зале устроила оргию, ничуть не меньшую, чем во время концертов клавишного «Наутилуса».

«Когда я вернулся в группу, я столкнулся с новой, совершенно не знакомой для меня эстетикой, — рассказывает Потапкин. — Почти ничего не напоминало о 1987 годе. Даже Славин голос звучал как-то по-другому. Я тогда плохо знал гитарную музыку, пришлось срочно с ней знакомиться. Мне очень сильно помог Егор. И музыкально, и чисто по-человечески. Было заметно, что Слава за три с половиной года стал звездой и немного дистанцировался от всех. Держался дружески, но на расстоянии».

Теперь Бутусов считал гитарный состав «Наутилуса»

полностью устоявшимся: «Период формирования занял два года, и сейчас группа выгладят так: Альберт Потапкин — барабаны, Игорь Копылов — бас-гитара, Егор Белкин — гитара, Саша Беляев — гитара и я — пятый. Еще мы приглашаем Олега Сакмарова, он в основном работает с Борисом Гребенщиковым, играет на флейте».

Игорь «Гога» Копылов, Вячеслав Бутусов, Альберт Потапкин, Александр Беляев и Егор Белкин, 1991 год

«Наутилус» стал единственной группой за всю историю советского рока, которая собирала полные дворцы спорта, играя при этом жесткую гитарную волну. Ее в России просто не знали, соответственно, и не любили. В 1991 году народ валил не на музыку, а на название «Наутилус», желая увидеть прежнего Славу. Одни разочаровывались, не услышав старых красивостей, другим было все равно, что бы Слава ни пел, третьи (но таких находилось относительно немного) действительно врубались в гитарный звук и наслаждались программой. Залы меньшего объема начались с зимы 1992 года: организаторы концертов начали опасаться, что больше публики группа уже не соберет.

В конце 1991 года «Наутилус» засел за запись альбома «Чужая земля». Предыдущая пластинка, «Родившийся в эту ночь», ажиотажа у публики не вызвала, поэтому старались вовсю. Песню «Морской змей» Полковник подверг обработке в духе аудио-театрализации. В конце этой композиции появились звуки, которые он называл «сосульками, падающими в колодец». Объясняя Бутусову необходимость этих и других эффектов, Саша описывал свой замысел примерно так: «Этот звук должен выглядеть как тень, пытающаяся оторваться от человека. Вот есть звук, а есть послезвучие. Мы это послезвучие немного исказим, и оно как тень будет пытаться оторваться от героя песни…» Слава хватался за голову: «Ну что ты, Полковник, тут напридумывал? Хорош свою звуковую фантазию разворачивать. Сделай простой дилэй» (затухание звука).

Когда Слава принес набросок «На берегу безымянной реки», он сказал, что видит эту песню какой-то «тропической». Этот образ всех сгенерировал, композицию сделали за два часа. Гитарную тему написали Белкин и Беляев вместе. Все получилось с полтычка. Сами музыканты называли эту песню просто «Ламбада».

«Чужая земля» удалась. Всем было ясно, что записала ее гитарно-заматеревшая группа. К текстам вопросов было больше, чем к музыке. На обвинения в злоупотреблении мистицизмом Кормильцев отвечал: «Бесовщина у нас всегда была, возможно,

выраженная другими словами. Песни "Нау" были о соблазнах, искушениях. Чтобы знать, что есть белое, надо хотя бы один раз видеть черное. Творческий человек всегда находится в искушениях. И каждый творец одновременно напоминает как Господа — создает то, чего до него не было, — так и Сатану, который претендует на то, что сделает лучше…» «Мистика — это скорее часть нашей жизни, — вторил поэту Бутусов. — Впрочем, нас справедливо упрекают за обилие в песнях всяких мышей, змей, воронов, бесов. Наверное, от этого нужно избавляться. Так что с бесовщиной для нас пока покончено».

Претензии к полной аполитичности альбома, к отсутствию на нем песен протеста оба автора также считали несостоятельными. «Жизнь — она сама по себе протест смерти, — рассуждал Кормильцев. — Мы все, как парашютисты, выброшенные без парашютов — летим и знаем, что разобьемся. Можно делать вид, что летишь, а можно протестовать против такого положения вещей, уходя в творчество, внутренний мир». «Если раньше одной из главных проблем была "подпольность" рока, и мы играли наперекор запретам, то сегодня понимаешь, насколько мала и ничтожна была эта беда, — поддерживал соавтора Слава. — Теперь другие проблемы, более глобальные, заставляют нас петь… например, о недостижимости гармонии существования».

Оформление Александра Коротича

В 1993 году «Наутилус» шумно отметил десятилетие. По этому случаю в Екатеринбурге выпустили первый в России трибьют «Отчет 1983–1993», на котором песни «НП» исполнили «Ассоциация», «Чайф», «Настя», «Агата Кристи», «Апрельский марш», «Отражение», Александр Пантыкин и «Аквариум». День рождения группа справила трижды: большими концертами в Москве, Питере и Екатеринбурге.

Но к этому времени гитарный состав зашел в тупик. У Славы для него закончились идеи. «Когда он принес "Колеса любви", я каким-то третьим чувством понял, что он уже не видит их в гитарном звучании, — рассказывает Потапкин. — И это несмотря на то, что два последних концерта в Калининграде мы сыграли до невозможности круто. Я абсолютно уверен, что Славе стало тесно в гитарном составе. Ему захотелось вернуть клавиши, хотя он об этом никогда и не говорил».

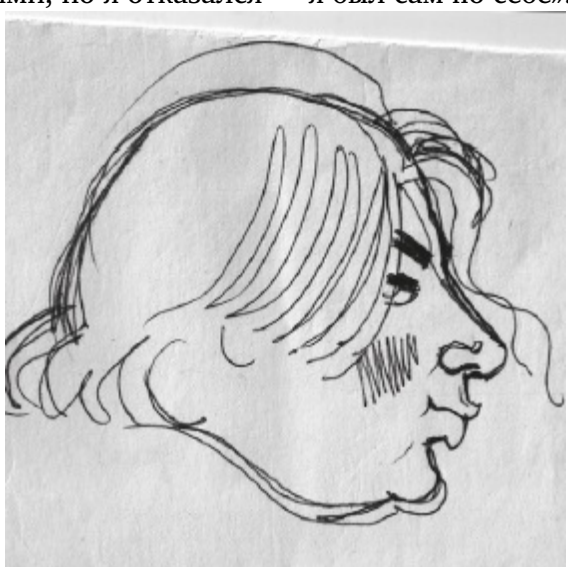
Финал концерта в ДК Горбунова, Москва, 1993 год. Фото Александра Шишкина

Егору Слава дал пачку песен, которые впоследствии стали «Титаником», и попросил аранжировать их. «Справившись, я вдруг через третьих лиц узнал, что в Екатеринбурге группа без меня трудится над записью. Я обиделся — зачем же мне было работу поручать? Уже потом я вспомнил, как высказывал вслух недовольство по поводу одинаковых зарплат Бутусова и

Кормильцева. Я действительно считал это несправедливым: Слава не только автор музыки, он и репетировал, и на гастроли ездил, а Илья только тексты писал». Озвученные сомнения в целесообразности уравнительной системы оплаты труда стоили Егору места. Заодно из «Наутилуса» исчез и ни в чем не повинный Саша Беляев. В общем, убрали весь гитарный корпус.

Неоднократные кардинальные смены состава сам Бутусов объясняет исключительно творческими исканиями: «Мне часто хотелось видоизменять музыку. Отсюда и резкие повороты. Мы не могли себе позволить играть в понедельник одним составом, а во вторник — другим. Это всегда длительный и болезненный процесс. Он должен быть естественным, а значит — занимать много времени. Это же не продюсерский проект, где можно скомандовать людям: "А теперь вы будете играть так"».

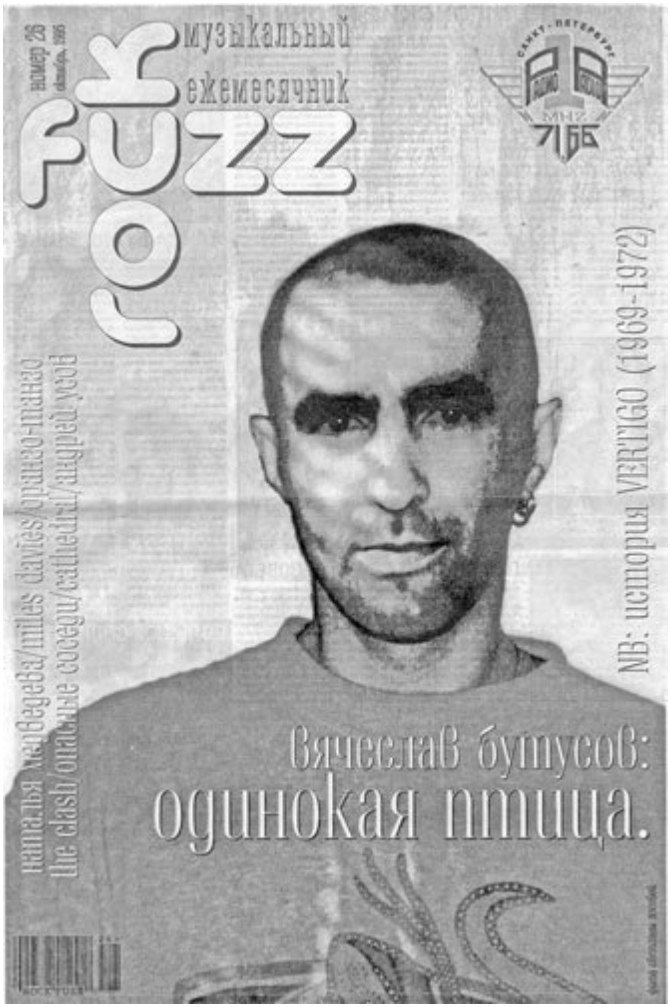
Альбом «Титаник» «Наутилус» записывал в Екатеринбурге при помощи лидера «Агаты Кристи» Вадима Самойлова. Он же придумывал и гитарные партии. «Я сначала помог с альбомом, а потом — с организацией концертного варианта "Титаника". Там была куча дополнительных музыкантов, целые хоры, группа барабанщиц, и я всей этой толпой рулил. Бутусов предлагал мне остаться с ними, но я отказался — я был сам по себе».



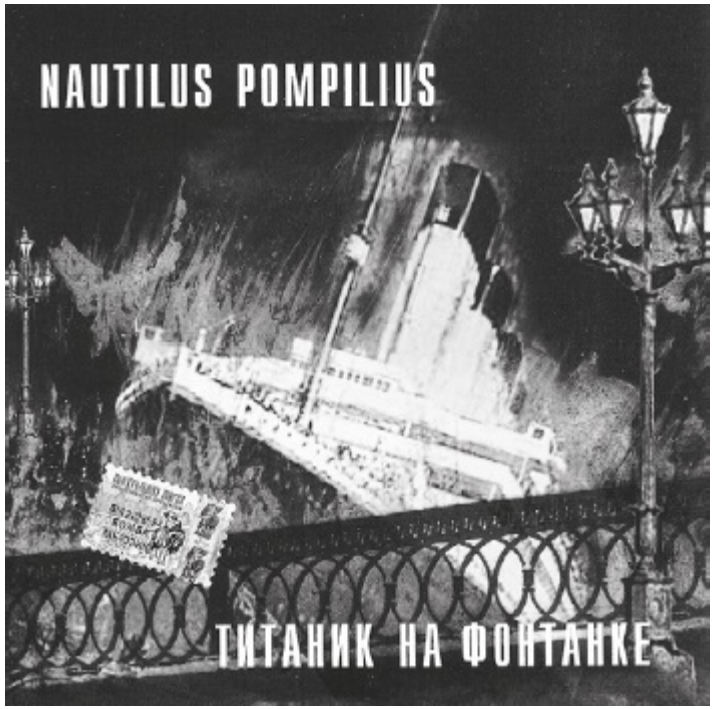
Вадим Самойлов, 1994 год. Рисунок Александра Коротича

Критика встретила новую работу «Наутилуса» без особого восторга. «В «Титанике» врожденный пессимизм Бутусова и К достиг своей кульминации, своего апогея. При оценке новых песен их так и подмывает сравнить с композициями "Чужой земли". Что ж, в отличие от предыдущего диска, полного энергии и драйва, "Титаник" напрочь лишен мощи и силы. Конечно, здесь есть своя энергия, но уж очень она расплывчата и слабовата», —

писал рецензент журнала «Fuzz» Александр Малькевич.



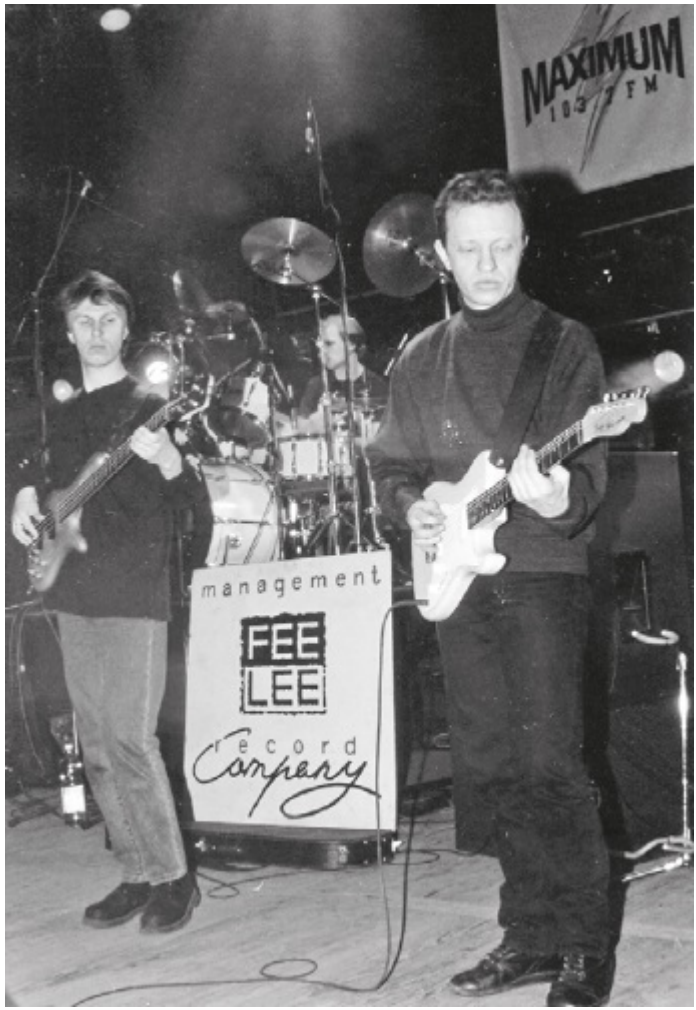
К моменту выхода альбома «Титаник» в феврале 1994-го в составе «Наутилуса» опять числился Могилевский: «Мне позвонил Илья и спросил, не вернусь ли я. Я ни минуты не раздумывал: "Конечно, вернусь!" Я моментально переехал в Питер». Могилевский привел в группу Николая Петрова, своего старого партнера по «Ассоциации». У Вадика Самойлова пошли в гору дела в «Агате», и он собрался уходить. Обсудил эту проблему с Алексеем, и оба пришли к выводу, что, кроме Петрова, гитаристом в «НП» никого не видят. Бутусова фактически поставили перед фактом. Но Коля так блестяще отыграл свой дебютный концерт в Киеве, что Слава тут же согласился с ним работать.



Оформление «DANA Music»

Петров основательно подготовился. Специально для него записали репетицию. На кассете в одном наушнике шла гитарная партия Самойлова, которую Коле как профессионалу не представляло труда снять, а в другом звучала вся остальная группа. Во время записи этого демо группа сделала перерыв, после которого Полковник забыл включить второй канал, и у песни «Джульетта» записалась только гитара. Петров добросовестно разучил сложное соло, даже не представляя, как выглядит вся песня. После концерта он признавался, что ему было очень интересно играть именно «Джульетту», о которой он узнал много нового. Но никто даже не заметил его удивления — все звучало, как крепко отрепетированный материал.

Альбом «Титаник» и концерты в его поддержку опять вернули «Наутилус» на верхние строчки хит-парадов, но это было началом конца великой группы. Последний состав «Наутилуса» называют «серебряным». Кроме ленинградца Копылова, в него входили только уральцы. Свердловчан, приехавших в Питер, сначала поселили в гостинице, а затем сняли две квартиры в разных концах города. Ежедневно все собирались на студии «Леннаучфильм». Приезжали даже те, кто в этот день не был непосредственно занят. Все общались на равных.



Игорь «Гога» Копылов и Николай Петров

«Все всегда начиналось хорошо, и заканчивалось одинаково, — рассказывает Могилевский. — В 1994 году мы все работали дружно. На гастролях мы жили примерно в одинаковых номерах. После репетиций все вместе в баре пили, кто кофе, кто пиво, обсуждали планы грядущих гастролей — абсолютно нормальный коллектив. Все начало накрываться медным тазом с работы над альбомом «Крылья». Слава принес какие-то самодельные демки, и каждый музыкант придумывал собственную партию самостоятельно. Вместе определяли только тональность и темп. Почти не собирались всей группой».

Бутусов определил главную тему нового альбома как «ипохондрическую». Кормильцев на пресс-конференциях огорошивал журналистов пессимистическим прогнозом: «Альбом

неизбежно отразит естественное старение участников коллектива за прошедшие с момента создания группы 12 лет». После таких настроений создателей можно удивляться, что «Крылья» раскупались любителями «Наутилуса» совсем неплохо.

Илья Кормильцев. Фото Юрия Гаврилова

В это время главную роль в коллективе стал играть Илья Кормильцев. На разных этапах истории группы его влияние и даже просто присутствие ощущались по-разному. В Свердловске он был хорошим поэтом, приносившим отличные тексты, на которые идеально ложилась музыка. С ростом популярности «Наутилуса» росла и известность Ильи. Он раздавал интервью от имени группы, печатал свои стихи в газетах не просто как поэт, а именно как поэт «Наутилуса».

«Кормильцев дал очень сильный толчок к "всплытию"

"Наутилуса", — рассказывает Виктор Комаров. — Он умел превращать конкретные истории из жизни в стихи, близкие всем и каждому. Слава их так пел, а мы их так облекали, что получалась конфетка. В 1988 году влияние Кормильцева заметно усилилось. Мы понимали, что двигаемся куда-то не туда, проще говоря — хитов не было. Может, Слава не те тексты выбирал — Илья приносил по чемодану стихов».

Илья очень крепко держался за Бутусова, но кто в этой паре кого поддерживал, многие трактовали по-разному. «Кормильцев испытывал к Славе какую-то любовь. Возможно, это был в хорошем смысле слова латентный гомосексуализм, — утверждает Алексей Хоменко. — Кормильцев трактовал так: "Наутилус" — это то, что у меня и Славы в голове. Остальные появляются по необходимости и исчезают после… "Наутилус" не мог быть для Ильи всем. Он был лишь частью его огромного мира. Может быть, самой публичной его частью, но точно не самой важной».

Во времена гитарного состава Илья появлялся редко и относился к происходящему в группе очень оппозиционно. Ему многое не нравилось и в звучании, и в атмосфере. По словам Потапкина, «тогда мнение Ильи точно не было решающим. Он был отдельной планетой, живущей по собственным законам».

Николай Петров, Алексей Могилевский, Вячеслав Бутусов, Альберт Потапкин и Игорь «Гога» Копылов, 1995 год. Фото Сергея Борисова

Влияние Кормильцева в «Наутилусе» заметно усилилось с 1995 года. По мнению Могилевского, «роль Ильи была деструктивной. Он вообразил себя гигантом шоу-бизнеса, изучил все, что мог, про лейблы, продвижение, авторские права, бренды… У него голова лопалась от идей. Илья убивал "Наутилус", активно толкая его в рынок. Он превращал его в заводик по выпеканию хитов, клипов и другой разнообразной продукции. Постоянно что-то перепродавалось, переуступалось, крутились какие-то деньги. Илья как минимум два раза, а может, и больше, продал каталог "Наутилуса"».

Презентация альбома «Крылья» в Московском Дворце Молодежи, 1995 год

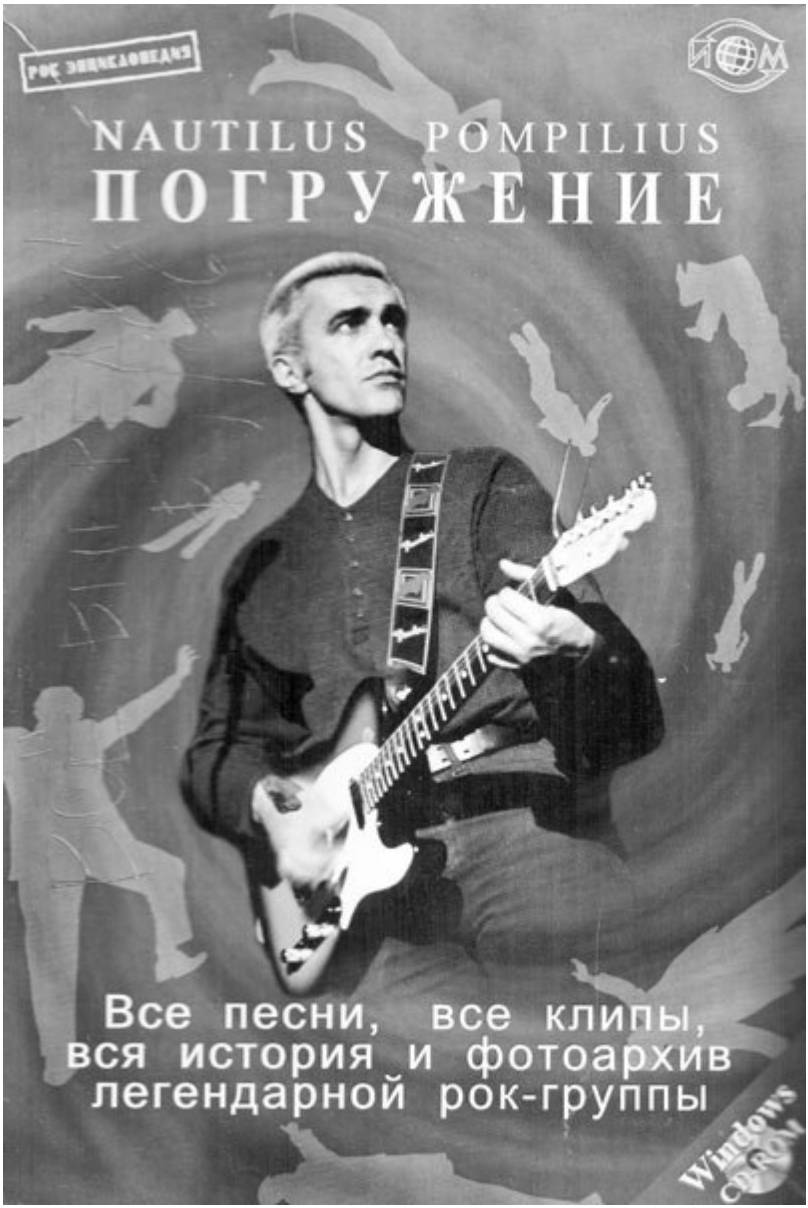
Влияние шоу-бизнеса опять пагубно сказалось на отношениях в группе. В «НП» началось имущественное расслоение. В гитарном составе музыканты получали 100 %, а Слава — 125. Это было чем-то вроде роялти, и всеми воспринималось нормально. В середине 1990-х Илья решил, что правом на бренд «Наутилус Помпилиус» обладают только два человека — он и Бутусов. Все остальные музыканты тут же превратились в наемных рабочих. По свидетельству Могилевского, они стали получать в среднем по 250–300 долларов за концерт. А Слава — в разы больше.

20

В конце 1996 года возникла история с записью альбома «Яблокитай». Илья нашел студию в Англии и замечательного английского музыканта Билла Нельсона. Кормильцев обещал вывезти туда лучших представителей «НП» — Могилевского и Потапкина. «Мы поверили, ведь мы это действительно заслужили, и засунули в задницы языки, перестали ворчать по поводу новых порядков», — говорит Алексей. Но в Англию поехали только Слава с Ильей, а все инструментальные партии записал один Нельсон.

«Я первый раз работал с продюсером, а в особенности с таким, — рассказывал об английской сессии Слава. — Я написал всю музыку, Илья Кормильцев — все тексты. А Билл Нельсон аранжировал, дополнил и довел до ума, именно как продюсер. Для меня он выступал как независимый эксперт, которому можно довериться абсолютно спокойно, так как он ничьи интересы не защищает, в том числе в тех случаях, когда возникают конфликты. Последние полмесяца я сидел на диване в студии и читал подаренную мне Борей Гребенщиковым Агату Кристи, и совершенно спокойно при этом себя чувствовал».

Реакция критики на увидевшую свет в начале 1997 года английскую работу бывшей уральской группы оказалась разгромной. «Слушать "Яблокитай" так тоскливо, что поневоле вспоминается "Нау" прошлых лет, и эти сравнения совсем не в пользу данного альбома. Печальный и тягостный финал некогда бурной истории. Похоже, многоуважаемый г-н Билл Нельсон из Лондона, который организовал процесс записи и сыграл на множестве инструментов, определил эстетику "Яблокитая" соответственно своим личным пристрастиям. Что ж, хозяин — барин, спорить не приходится, но вдвойне печально, что творение Нельсона зачеркивает целую эпоху отечественной культуры… Подобного пролета я даже не могу припомнить… Тексты Ильи Кормильцева очень и очень профессиональные, других же достоинств в них обнаружить невозможно. На мой взгляд, Кормильцев давно и весьма последовательно приближался к такой вот отшлифованной, "ниочемной" поэтике. После "Яблокитая" хочется на время забыть о музыке. Я даже старую и добрую "Разлуку" не скоро смогу теперь слушать! Ну, а о нюансах думать и размышлять не хочется, какие там могут быть нюансы в скучной музыке?» — писал в «Fuzz'е» Анатолий Гуницкий, извиняясь за «агрессивный субъективизм».



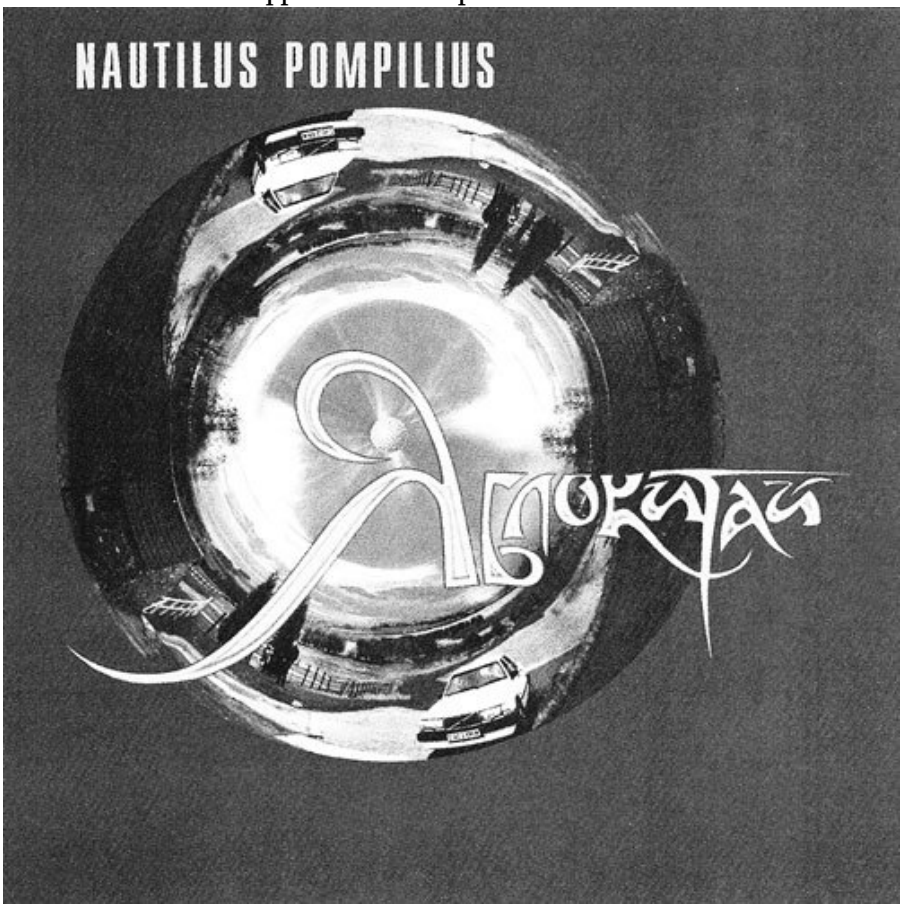
В начале 1997 года на сайте группы Кормильцев объявил о переводе «Наутилуса» в иное состояние: «Группы в прежнем ее виде, материальном, не существует. 32 декабря 1996 года она полностью перешла в виртуальное пространство. При этом в будущем, возможно, группа будет появляться в довиртуальном состоянии на глаза той части публики, которая мыслит еще не достаточно виртуально (спонсоры, устроители концертов, главы звукозаписывающих кампаний и просто зрители)». Виртуальность

виртуальностью, но люди-то в ней состояли живые, и эти люди должны были есть. Музыканты очень не хотели, чтобы «Наутилус» распадался. Они надеялись, что Слава одумается. После «Яблокитая» нужен был тур в его поддержку. Только в мае 1997 года Кормильцев, по его собственным словам, «выбил прощальный тур».

Музыкантам раздали демодиски, и они, хотя и не принимали участия в записи, сидя в гостиничных номерах, добросовестно разучили полагавшиеся им партии. Репетировали этот материал на базе оркестра Олега Лундстрема на «Бауманской» — примерно в том же районе, откуда «Наутилус» в 1988 году начинал завоевывать Москву. В результате напряженных репетиций получилась очень вкусная программа. Песни «Яблокитая» заиграли новыми красками — их исполняли на сцене живые люди, русские парни сделали свой вариант ирландских аранжировок. «Наутилус» репетировал без Славы. Лидер приехал на последний прогон. Прослушал все и сказал: «Офигенно». Группа выдохнула — значит, снова будем работать. Эту программу поиграли совсем немного. Проехали по нескольким городам, дали три концерта в Москве.

К концу этого мини-тура никто из музыкантов уже не строил иллюзий. Объявление о последнем издыхании «Наутилуса» уже прозвучало. «"Яблокитай" стал для меня переходом к полной творческой свободе. Я считаю, что дальше смысла нет продолжать историю "Наутилуса", — заявил Бутусов еще в марте. — Было несколько ипостасей у этой группы. Я не буду говорить, плохая она или хорошая. У меня с ней связаны определенные переживания, и поэтому для меня этот период что-то значит. Я очень благодарен всему, что было, но когда посмотрел на цифру 16 лет, подумал, что этого вполне достаточно. У Кобо Абэ есть образ жука, который собственные экскременты ел, крутился вокруг своей оси и ему больше ничего не надо было… Я не вижу смысла продолжать так жить. Кроме того, мне очень не нравится гастролировать. Когда ты должен ехать по нашей великой и необъятной Родине и окучивать ее, как картошку, — это очень скучное занятие. Во-первых, я не турист по натуре. Во-вторых, я не такого типа человек как, например, Костя Кинчев. Он кайф ловит от концертов и правильно делает. Я — не могу. У меня другая природа, другой темперамент и другая система переживаний. И потом, шестнадцать-то лет я этим отзанимался — имею право попросить у общества отпустить меня в другую сферу службы. Думаю, что больше пользы будет, если я займусь какими-то другими творческими проектами. А так я все время смотрю в календарь, где отмечены черными кружочками даты концертов. Я

устал носиться с кофрами от гитар по вокзалам…»



Оформление Александра Коротича

Кормильцев переложил всю тяжесть вины за кончину «Наутилуса» на Славины плечи: «"Наутилус" как рок-группа в прежнем понимании безусловно мертв, потому что ни один из авторов песенного материала на заинтересован в дальнейшей работе в этом жанре. Как явление "Наутилус", возможно, будет существовать и выпускать пластинки, но уже с другой музыкой. Это зависит от личного желания Славы Бутусова. Если он придет в себя, закончит со своими духовными метаниями, тогда это все начнет приобретать другие очертания».

Официально последнее выступление состоялось в Екатеринбурге 12 июня, в зале стадиона «Юность». Это было настоящее эхохранилище — каждый звук отражался многократно, подиум шатался. Виктор Комаров посетил этот концерт: «Я зашел в гримерку. Напряженность там висела в воздухе, только обувью друг в друга не кидались. Я стоял у сцены и видел, что играют они, как наказание отбывают. До конца я не дослушал, ушел, мне

было неприятно на это смотреть. Да и народ стал с середины расходиться. На старом «Наутилусе» никто раньше конца не уходил».

Но был еще один концерт. Он состоялся в августе на закрытой базе отдыха «Онэксим-банка». Один деятель шоу-бизнеса попал в сложную ситуацию, и те, кто согласился ему помочь, попросили устроить концерт распавшегося уже «Наутилуса». Человек бросился в ноги к Славе, и тот поддался. Заведение было очень навороченное. Шел проливной дождь, но над каждым из музыкантов по дороге от машины человек в строгом черном костюме нес огромный английский зонт. В зрительном зале стояли столики, публика расслаблялась. «Наутилусы» начали настраиваться за закрытым занавесом, но в щель просунулась чья-то голова и шикнула: «Тихо вы там». Время, отведенное на настройку, музыканты просидели в тишине, Бутусов только хмыкнул: «Театр Карабаса-Барабаса». Сыграли три песни: «Гудбай, Америка» и еще пару. Им вежливо похлопали… После этого все кончилось. Группу никто официально не увольнял. Распустили на неопределенное время, пока Слава не решит, что дальше. Никто ничего не решил…

Черту под историей «Наутилуса» подвел сборник неизданных ранее песен «Атлантида» — альбом с очень мутной историей. Кормильцев подписал договор с лейблом на выпуск трех альбомов и получил авансом деньги. Выпустил он только «Яблокитай». Лейбл резонно поинтересовался, а где еще два, и тогда Илья забегал (деньги-то были уже проедены). Собрал скрупулезно сохраненные Полковником треки, не вошедшие в прежние работы, и из них слепили «Атлантиду». Денег за этот альбом другие музыканты не получили.

Все разошлись, как в море кораблики обыкновенные (по-латыни — Nautilus pompilius). Могилевский, Петров и Полковник вернулись на Урал. Бутусов занялся сольной карьерой и в 2001 году собрал группу «Ю-Питер». Потапкин работал с «Аквариумом», «Ночными снайперами», «Настей». В «Ночных снайперах» отметился и Гога Копылов. Кормильцев погрузился в книгоиздательский бизнес.

«Наутилус» восставал из пепла еще несколько раз. 13 января 2003 года группу умудрился собрать на екатеринбургский фестиваль «Старый Новый Рок» Евгений Горенбург. В зале сидел программный директор «Нашего радио» Михаил Козырев, который загорелся повторить камбек на своем фестивале «Нашествие». В 2004 году Козырев разрешил «Ю-Питеру» выступать только при условии, что Бутусов будет участвовать в реюнионе «Наутилуса». «НП» стал главным хедлайнером фестиваля, закрывавшим последний концерт 8 августа.

Репетировали неделю. Слава приехал только на последнюю репетицию. Планировали исполнить больше двадцати песен, но фестивальная программа разъезжалась. Все участники играли минут на пять дольше, чем надо, а грандиозный фейерверк был запланирован на точное время. В результате «Наутилус Помпилиус» успел исполнить всего девять песен.

Фото Александра «Ежа» Осипова

«На "Нашествии" я увидел, как наши песни распевают и зрители старше нас, и их дети, и даже внуки, — вспоминает Пифа. — Отдача от толпы была такой мощной, что физически чувствовалась на сцене. Тогда рубились сразу два махровых барабанщика — Потапкин и Назимов. Это был такой

пердимонокль. Ломались палки, бились тарелки, рвались струны — такой драйв!» Ровно в 23:00 начался салют, и про «Наутилус» просто забыли.

Еще одно воссоединение, причем троекратное, случилось в 2014 году в честь 30-летия «Наутилуса». Сначала в Питере вышел на сцену гитарный состав в полном комплекте. Затем в столице условно-московская сборная исполнила «Казанову». За барабанами сидел Джавад, на саксофоне играл Могилевский, на клавишах — Пантыкин. Вадик Самойлов взял бас. Даже Саша Коротич потряс какой-то погремушкой.

В Екатеринбурге на сцену вышли те «наутилусы», что сегодня живут на Урале: гитарист Андрей Саднов, клавишники Алексей Хоменко и Виктор Комаров, басист Виктор Алавацкий и барабанщик Владимир Назимов. Выступлением с ними на сцене киноконцертного театра «Космос» Вячеслав Бутусов завершил празднование юбилея своей группы.

Извилистой истории «Наутилуса Помпилиуса» хватило бы на несколько команд. На еще большее количество групп хватило бы хитов и славы легендарного свердловского коллектива.

P. S. Весной 2017 года Вячеслав Бутусов объявил о реновации «Наутилуса Помпилиуса». Под несколько обветшавшие знамена он призвал гитариста Славу Суори, басиста Руслана Гаджиева и барабанщика Дениса Маринкина. Успевший посотрудничать с Земфирой и группой «Моя Мишель» Денис родился в 1981 году — он всего на два года старше коллектива, в котором сейчас барабанит. Остальные новички родились уже в период расцвета «НП». Судя по первым выступлениям, новый состав играет старые песни. Удастся ли молодежи вдуть новую жизнь в высохшую раковину древнего моллюска, покажет время.

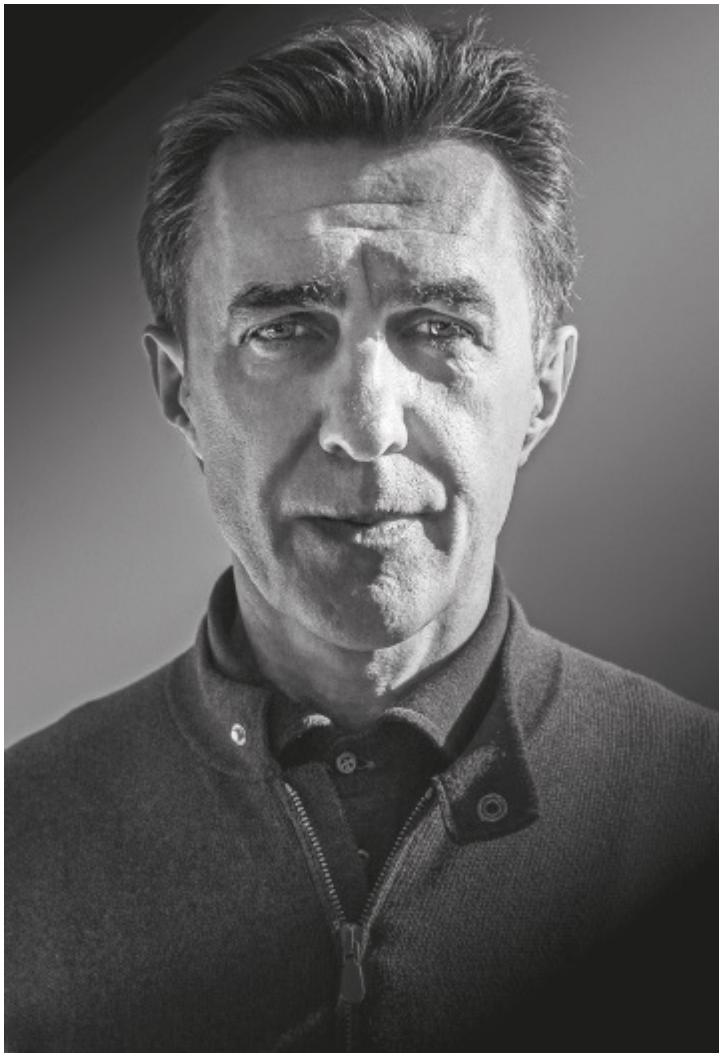


Фото Александра «Ежа» Осипова

Дискография

«Али-Баба и сорок разбойников» (1982 — M)
«Переезд» (1983 — M, 1994 — CD, 2013 — LP)
«Невидимка» (1985 — M, 1994 — CD, 2013 — LP)
«Разлука» (1986 — M, 1991— LP, 1993 — CD)
«Князь тишины» (1989 — LP, 1994 — CD)
«Родившийся в эту ночь» (1991 — LP)
«Чужая земля» (1992 — LP, 1993 — CD)
«Титаник» (1994 — CD, 2013 — LP)
«Наугад» (1994 — CD, 2014 — LP, запись 1990)
«Человек без имени» (1995 — CD, 2014 — LP, запись 1989)
«Крылья» (1996 — CD, 2013 — LP)
«Яблокитай» (1997 — CD, 2013 — LP)
«Атлантида» (1997 — CD, 2013 — LP, записи 1994–1997)

Концертные альбомы

«Нау и Бригада С» (1988 — LP, запись 1987)
«Отбой» (1992 — LP, 1994 — CD, запись 1988)
«Ни кому ни кабельность» (1994 — CD, записи 1987–1988)
«Титаник Live» (1994 — CD)
«Акустика (Лучшие Песни)» (1996 — CD, 2013 — LP)
«Раскол» (1996 — CD, запись 1988)
«Титаник на Фонтанке» (1996 — CD)
«Подъем» (1997 — CD, запись 1987)

Сборники

«Легенды Русского Рока» (1996 — CD)
«Золотой век. Лучшие песни 1986–1989» (1999 — CD)
«Лучшие песни» (1999 — CD)
«Серебряный век. Лучшие песни 1991–1997» (1999 — CD)
«Grand Collection» (2001 — CD)
«Звездная серия» (2001 — CD)
«Когда умолкнут все песни: Лучшие хиты» (2003 — CD)
«Grand Collection часть II» (2006 — CD)
«Лучшие песни. Новая коллекция» (2007 — CD)
«Платиновая коллекция» (2007 — CD)
«Лучшее» (2011 — CD)
«Лучшая коллекция» (2012 — CD)

«Super Hits Collection. Коллекция супер-хитов» (2013 — CD)
«Лучшие песни» (2015 — LP)

Леонид Порохня
Илюша
(Книжка про Кормильцева)

Илья Кормильцев на Свердловской киностудии во время записи альбома «15» группы «Урфин Джюс», весна 1982 года

1

Когда Илюша понял, что здоровье может подкинуть ему совсем уж неприятный фортель, он озаботился книгой. Как истый книгочей, он знал: что не издано, того не было. А для «рукописи не горят» был недостаточно романтичен.

К будущей книге он относился очень серьезно. Долго ее «выкладывал», выбросил целые циклы — сказал «не вписывается». Озаботился названием. Позвонил: «Ты у нас спец по названиям — придумай мне». Я послонялся, послонялся и вспомнил его строчки:

Смотрите на меня я почти Герострат
Со свечкой и босиком <…>
Я иду поджигать свой дом…

И во время очередных посиделок с рюмочкой я сообщил, что придумал название. Илья покосился поверх очков с явным подозрением и сказал: «Ну?»… «Почти Герострат!» — выложил я. Он хмыкнул, буркнул: «Хорошо»… Я понял, что мой вариант «не проканал».

Признаю, в моем названии был крупный минус — слово «почти». Это «почти» было для Ильи унизительно. Если бы он мог с достаточным основанием именовать себя просто Геростратом, он бы согласился. В любом случае, ему бы понравилось.

«Почти» все испортило. Это было не для Ильи словечко. В его жизни не было ничего, к чему можно было бы прилепить слово «почти».

2

В первый раз написать книжку про Илюшу мне предложили через полгода после его смерти. Потом — еще несколько раз. Я отказывался. В том числе и потому, что поспешность так или иначе отдавала бы танцами на костях. Но не только.

Я не знал, что это должна быть за книжка. Какая? О чем писать, как ее выстраивать?.. Брать интервью? Приводить чужие мнения? Уточнять даты биографии героя?.. Так я писал предыдущие истории про рок-н-ролл, но в случае с Ильей все это вызвало недоумение.

Я знал, что должен ее написать, но не знал, как ее писать. Было ясно: эта книжка должна быть «не такой». А какой?

Он был человек публичный, и память, которая после него останется (или не останется), его беспокоила. И предчувствия на сей счет были у него не слишком оптимистичные.

Когда-то мы с Кушниром написали книжку про «Наутилус», она была без финала. Считалось, «Наутилуса» еще надолго хватит, однако книжка вышла как раз после того, как он доблестно скончался. Прошло года три, Илья обеспокоился финалом. Говорил: «Напиши! Надо ее переиздать. А то пройдет еще пять лет, эта группа вообще никому будет на хер не нужна!»… Другой эпизод — когда за месяц до смерти он позвонил Саше Орлову и поставил задачу распиарить его болезнь и — а он это знал — скорую смерть, Илья сказал: «Сделай, а то сдохну тут, никто и не заметит»…

Заметили, но в общем-то он был прав. Орлов сделал все, что просил Илья, и шуму было много. На этом фоне Илюше даже вручили (посмертно, разумеется) премию «Большая книга». В чем была своя издевка, поскольку собственных книг у него за всю жизнь было две — крошечная тетрадочка со Славиными рисунками (теперь — полный раритет) и «Никто из ниоткуда», которую он сам с друзьями издал перед смертью. Ну, вручили и вручили. Дальше наступила тишина. Какое-то время его не трогали. Но нелишне вспомнить его же строчки:

А где-то там вдали Сарматия Марцелл
Страна где мертвых зарывают в землю
Смешав с навозом сеют как ячмень
И ждут когда взойдут…

Они подождали. И образ Ильи начал прорастать. Сперва — тихонечко, потом все сильней… По мере роста изменяясь и изменяясь. Многие радуются. Да и сам Илья бы порадовался — он любил, когда о нем говорили, и зачастую ему было, в общем-то, наплевать, что именно о нем говорят.

На примере Ильи я впервые наблюдаю воочию, как формируется миф. Вынужден признать — все идет «как по нотам». Вещи, для мифа малосущественные, включая подлинный образ прототипа, отбрасываются; главным становится определяющее свойство мифа — функциональность.

Миф всегда (в обязательном порядке) «отстраивается» от собственной функции. Он создается в полнейшей зависимости от того, куда и как его собираются приспособить мифотворцы. От того, в какой функции будет выступать мифологический герой, полностью зависит образ, который из него слепят.

С Ильей происходит именно эта история. Из него лепят эдакий образок гениального поэта, который сидит себе на стеночке в рамочке и улыбается. Он мудр, прозорлив, со всеми добр, любой бред принимает благосклонно и… не огрызается.

Стоп! Это Кормильцев-то не огрызается?!. Да вы с ума сошли!

Февраль 1999 года. Фото Александра Коротича

Но — увы! Содержание мифа полностью зависит от его

функции. Какова функция того образа, который сейчас лепят из Ильи? По-русски прозвучит не очень благозвучно, но точно — удобность. Удобство (так хуже, неточно). С неким особым отзвуком — по-английски точнее было бы не «comfortable», а «suitable».

Это Илья-то — suitable? Помилуйте! Кормильцев мог быть каким угодно, но он никогда не был удобен! Никогда и ни для кого! И сам для себя — в первую очередь. Да-да, Кормильцев сам себе был страшно неудобен. И всю жизнь сам с собой мыкался. Но он ушел, и сейчас из него делают нечто прямо противоположное тому, каким он был. Увы, для мифологии такой процесс типичен. Нормативен. Нормален. И кому есть дело до того, что сам Илья был нетипичен и ненормален?..

Зато как теперь удобен… Не завизжит, не заорет, не будет брызгать слюной в крайней степени возбуждения… Премийку дали, а он не откажется… Вот сейчас бы ему заново втюрить это самое… «Имени Ленинского комсомола»… Уже не отмажется!..

И что поделаешь? Покойники — самые удобные люди. С ними можно делать все, что угодно. Как написала одна его приятельница:

> Так жены любят хоронить своих мужей —
> Клобук вдовы почетен и развратен…

И никуда тут не денешься — мифология работает по своим законам. Мифотворцы подчиняются им. Не стану никого обвинять — нет в том никакого злоумышления; более того, никто из мифотворящих наверняка даже и не задумывается о том, что и зачем он делает. Просто Илья был для всех слишком неудобен. И теперь, когда его нет, а время прошло, все подзабылось, его стараются довести до «желаемого» ими состояния.

Это я все еще рассказываю, почему сел писать эти строчки. Уж не знаю, насколько понятно, но стараюсь… «Внести свою лепту», как говорится. Лепта — это мелкая монета в Древней Греции. По-русски будет: «свою копеечку». Свой грошик…

3

И тут немедленно нарисовалась подлянка. То, что пишут и говорят о нем другие, тебе может не нравиться, а что ты сам можешь написать?.. Какой образ будем рисовать?

У Ильи были тысячи образов! И даже больше, потому что он создавал новый образ для каждого, с кем как-то пересекался. Всегда новый — Кормильцев не любил повторяться. Создание собственных образов было одним из любимейших его занятий. Почему? Ему так было интересней жить.

Илья жил в причудливом мире, который придумал он сам. Он и был этот мир. И он был жертвой многих образов, которые сам создавал…

Он был не просто актер — он был Актер Актерыч, а с годами стал «матерый актерище»! Который для каждого знакомого создавал особый, индивидуальный образ! Когда во время пьянки в компании появлялся новый персонаж, Илья сбивался — он только что играл одну роль, а теперь нужно играть другую, и роли эти могли никак не перекликаться. Могли быть настолько разные, что для каждой нужна была своя мимика, своя пластика… А за столом сидели уже двое — одного он только что «окучивал» своим ангелоподобием, а для другого нужно было мгновенно превратиться в какой-нибудь «меч карающий»… И как все это вместе сыграть?!

А как это описать, если у каждого, с кем когда-то общался Кормильцев, сложился свой собственный образ, который сам Илья ему некогда «втюхивал»? И он, этот каждый, имеет полное право, читая любые строки об Илье, возмутиться и заявить что-нибудь вроде: «Да как же так, товарищи?! Не таков он был!»… И это будет совершенно верно и столь же совершенно справедливо.

Это обстоятельство меня долго останавливало — если не писать «объективность», то что? Субъективностей слишком много — и как их свести воедино?.. Останавливало до тех пор, пока я не понял: про Илью можно писать только то, что ты сам видел. Что ты сам слышал от него лично. Остальное — опять мифология.

И только тогда стало ясно, что писать. То, что было в моем, как минимум, присутствии. Или то, что он мне говорил. Лично. Нужна, как говорят киношники, «субъективная камера».

Тут встала другая проблемка — я всегда старался о себе не писать. В книжках про рок-н-ролл обходился «абстрактным третьим лицом», когда описывал события, в которых сам участвовал. Но тут так не получится! И я решил плюнуть. Я пишу только то, в чем сам участвовал, посему придется поминать и

себя. Не скромно? Может быть. Но я не понимаю, как иначе.

На Свердловской киностудии во время записи альбома «15» группы «Урфин Джюс», весна 1982 года. Фото Олега Раковича

Это просто память. Отдельные эпизоды, куски, фрагменты… Они так и написаны — кусочно и фрагментарно. «Странички». Листочки. Илья писал стихи на листочках. Казалось бы, что мешает поэту взять приличный лист формата «А4» и размашисто изобразить на нем что-нибудь поэтическое? Илюша писал на каких-то шмоточках бумаги, крошечных, не то выдранных из блокнота, не то разорванных на части тетрадных листах… Они были маленькие, почерк у него был убористый — одного листочка хватало на стихотворение.

Все, что ниже, — это листочки. Вырванные из памяти.

4

Ну, что? «Рвем из памяти»? Что б такое вырвать-то?..

Год, наверное, 2004-й. Иду по делу к нему в Васнецовский. Звоню, он просит зайти чуть позже — у него разговор. Ладно, помотался по Самотеке полчасика, захожу. Илья нервный, взвинченный, недовольный. Первая реплика (громко):

— Ну почему я не старый гомосексуалист?!.

От этой реплики я шалею. Илья пристально смотрит поверх очков и ждет, что я отвечать теперь буду.

В общении с ним был один нюанс, не слишком заметный, но существенный. Было в Кормильцеве нечто, роднящее его с представителями всех европейских царствующих домов. Согласно церемониалу, с монархом никто не имеет права заговорить первым, нужно ждать, когда монарх сам что-нибудь спросит или произнесет. Стой, молчи, жди. Кто-то из Романовых писал, что все недовольство последней императрицей Александрой Федоровной родилось из того, что она не умела заговаривать. Стояла, молчала, вокруг топтались подданные… Понятно, что рано или поздно ее должны были возненавидеть…

Илья не любил, когда кто-то начинал разговор раньше, чем начнет его он сам. Тогда не он задаст тему и интонацию — такие штуки его заметно раздражали, и дальнейшее общение окрашивалось в легкий негатив. Зато сам он умел заговаривать… Ну и…

— Ну почему я не старый гомосексуалист?!

И ждет, что я скажу. А откуда я знаю, что тут говорить? Я ж не в курсе, кто у него только что был, кто его разозлил и по какому поводу… И я начинаю нести какую-то «пургу» про то, что «может, так и лучше»… Что у старых гомосексуалистов жизнь довольно несладкая. Кроме тех, конечно, у кого слишком много денег…

Илья слушает, глядя поверх очков. И молчит. Я понимаю, что несу полную чушь, но я уже запутался во всем этом гомосексуализме, а как из него выбраться, не знаю. Илья наблюдает… Я понимаю, что помощи от него не дождешься, так что пора кончать, и финиширую какой-то дурацкой фразой о превратностях бытия старых гомосексуалистов. На чем и

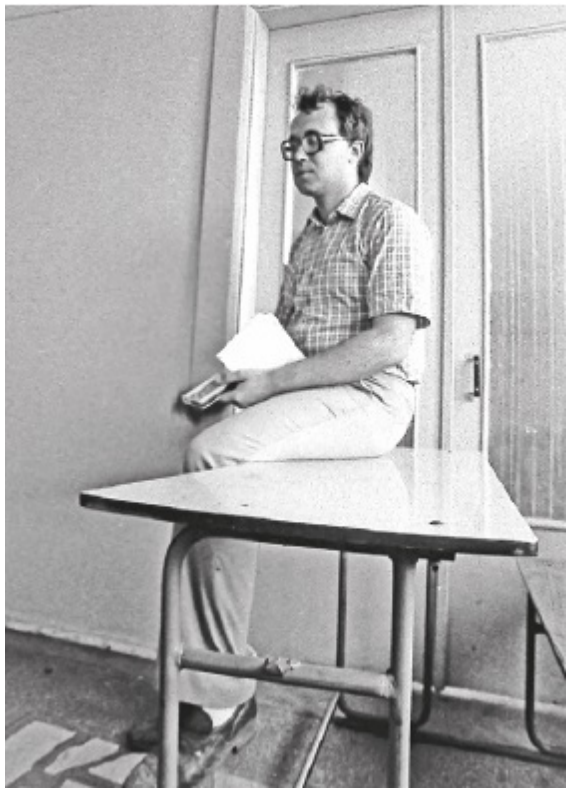
затыкаюсь.

Илья выжидает еще чуточку, чтобы убедиться, что я выдохся окончательно, затем почти выкрикивает, при этом кривляясь:

— Да-а!!! Зато никто не придет и не скажет: «Папа, дай денег!»…

5

Илья был скандалистом. Это позднее он стал «поэт, переводчик и издатель», но было время, когда Кормильцев был известен не стихами (их никто не знал); не причастностью к клану «рокеров» (о том, что они — рокеры, знали только сами рокеры); не переводами (он еще не переводил), а страшной скандальностью. Он взрывался самопроизвольно и по любом поводу. Разругаться он мог с кем угодно по делу, не по делу и безо всякого дела.



25 апреля 1985 года. Фото Дмитрия Константинова

Есть фотография Димы Константинова (если не ошибаюсь), на которой Илья «схвачен» именно в такой момент — после моментального взрывного скандала. Там ему двадцать пять, он сидит на институтском хилом столике в коридоре Горного института, в руке — лист бумаги и компакт-кассета. Смотрит вполоборота «в никуда». И страшная «бурчливая» обида на лице.

Смотрел он в стенку, а за этой стенкой сидел с десяток

перепуганных музыкантов и технарей. Они ждали, что будет… В тот момент писали «Около радио» Егора Белкина; Илья ходил, ходил — нервничал. Потом сказал: «А мне не нравится!» — одним нажатием выдернул из «Соньки» обе кассеты — писалось с одной на другую с наложением — и, уходя, выкрикнул: «Все! Я их в окно выбрасываю!»… Перед этим писались уже дней десять в условиях, скажем так, сложных, альбом шел к концу, а получался он так, как получался. И вот Илья анонсировал, что все результаты этих трудов сейчас вылетят в окошко.

Музыканты поверили. Кто-то даже ходил к двери в коридор, проверял, есть ли еще кассеты в руках у Кормильцева… Оказалось, что есть. Он сидел там долго — минут тридцать. А все участники записи сидели и ждали — что будет. Потом дверь распахнулась, Илья молча грохнул кассетами по столу и ушел домой. А музыканты стали пытаться продолжить запись. Не помню, что там вышло в тот день…

«Что это было?» Интересный вопрос. А что было все остальное?.. Я в то время работал в конторе под названием ТСО (Отдел технических средств обучения) в Уральском университете. Это был длинный подвал, с двух сторон огороженный железной решеткой. Начальником служил Григорий Залманович Вайсман; по крови — рафинированный еврей, по воспитанию — визовская шпана; такой причудливый «микс». Человек замечательный и тоже изрядно реактивный. Когда впервые появился Кормильцев, они разлаялись моментально, и Гриша запретил Илье заходить за решетку, чтобы попасть ко мне в звукарскую.

Илья делал следующее: прижимался лицом к решетке и злобно орал: «Порохня! Порохня!»… Очень противно орал. Приходил часто. Гриша Вайсман терпел — орать-то он Кормильцеву не запретил, так что все было «по понятиям». Но Кормильцев приходил очень часто. По пацанским привычкам Гриша «сдавать назад» не мог. Но в какой-то момент отозвал меня в сторону и сказал: «Ты сообщи этому… Пусть заходит. Только пусть не орет больше!»… И Кормильцев стал входить внутрь свободно. Но с Вайсманом они уже никогда не здоровались.

Старые знакомые, впервые повидав Илью, тихонечко спрашивали: «Как ты с ним общаешься? Это ж невозможно!»… Моя первая жена года полтора после его появления ультимативно требовала: «Чтоб этого у нас дома не было!»… И она была не одинока. Вторая теща Ильи ненавидела его с пронзительной искренностью. Скандалила при всех. Илья участвовал. А потом едва заметно ухмылялся…

Но касалось это не только общения, касалось такое отношение практически всего, что бы он ни делал. Любое дело, за

которое он брался, начинало «биться и колотиться». Даже если оно двигалось с максимальной скоростью, Илье было мало. И в каждом деле он пытался сделать все сам. Невзирая, так сказать, ни на что. И ни на кого невзирая. С криками, со скандалом… Но на тысячу процентов — не иначе!

Почему? Ответ может быть неожидан.

6

Илья был поэт. Родился таким. И был им всю жизнь. Поэтом.

Поэт — это отдельная разновидность человека.

Вопрос: почему громкие окололитературные скандалы по большей части происходили с поэтами? Жили ж рядом какие-то-нибудь прозаики или, скажем прямо, публицисты, и ничего, с ними все происходило как-то относительно мирно. А поэты постоянно вляпывались — то на эшафот, то в ссылку… Чего далеко ходить — Пушкин, например…

Жизнь — скандал на скандале. И я уж не говорю о его «терках» с разного рода правителями — мне больше нравится донос на Александра Сергеевича, поступивший от «бандерши» из публичного дома, куда поэт приходил, но «девушек не брал», а сидел с ними в общей комнате и «наставлял их в нравственности» — мол, надо бросить это блудилище, встать на «честную дорогу жизни», ну и т. д. От такой поэтической проповеди некоторые девушки пытались от хозяйки сбежать, о чем та в доносах с возмущением и сообщала… Вопрос: это что такое Александр Сергеевич делал?..

Чем вообще поэт отличается от всех прочих? Тем, что он в краткие несколько строчек умудряется «загнать» столько всего, что эти строчки остаются надолго. Иногда, навсегда. Как этого достичь? Очень просто. Для этого нужно максимально быстрое воображение, помноженное на сконцентрированное в минимальном отрезке времени бурное проживание объектов данного воображения.

Быстро, кратко и бурно. Вот и все.

У Эйзенштейна в его бесконечных «записочках» есть такая формула: «Шустрое воображение — это в искусстве хорошо. А в жизни — не очень». (Цитирую по памяти.)

В стихах у Пушкина было все очень хорошо, а в жизни… Об остальных не говорю…

С Ильей была та же история. Разговор без «бурного проживания» (сиречь без скандала) был ему пресен. «Сшибки» не хватало, столкновения, и он его провоцировал. Бури не хватало. И он устраивал ее вручную. И только когда разговор доходил почти до драки, его это устраивало. Природа такая. Он сам писал с ехидцей:

Какой ты есть таким и умрешь
Видать ты нужен такой

Небу которое смотрит на нас
С радостью и тоской…

Тут объяснение многим странностям Кормильцева. В любом столкновении с любым человеком ему нужна была буря. Когда брался за любое дело, ему нужно было с максимальным накалом сделать все и по возможности самому. Или заставить кого-нибудь его делать, но под пристальным Илюшиным наблюдением. Так, чтобы делалось оно на максимальном накале (можно, с криками). И, что забавно, результат в большинстве случаев был неплох. Но всегда скандален.

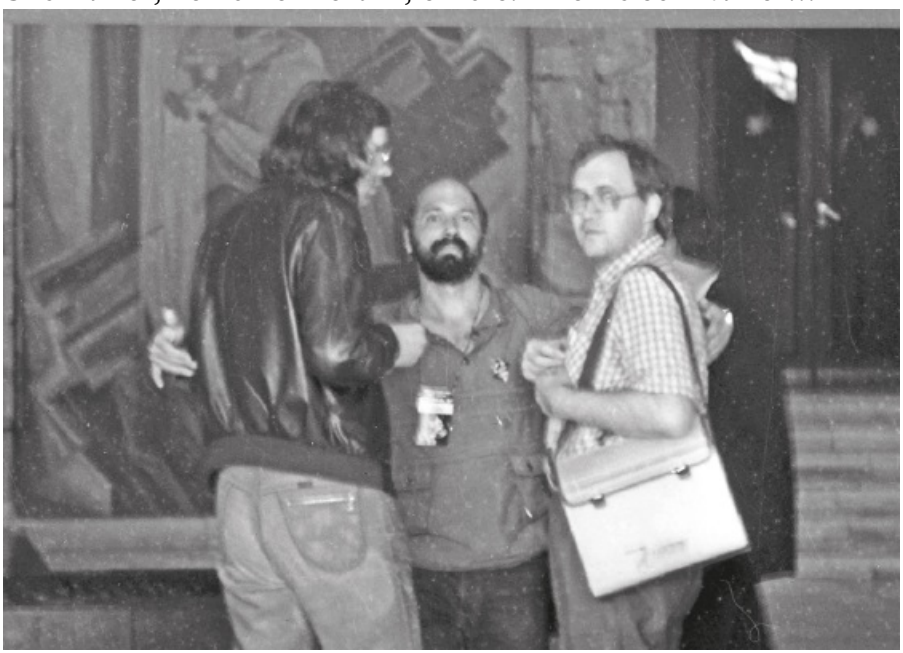
Скандалил он с упоением, однако и тут все было непросто. Аналитика он из себя вытравить не мог, и во время любого скандала в его единственном лице присутствовало два персонажа — сколь бы бурен ни был скандал, «поверх очков» всегда выглядывал холодный наблюдатель, который методично отслеживал движение скандала — «куда идет, как идет, далеко ли зашло, и не пора ли остановить». Он кричал, был красен лицом, брызгал слюной, но внутри у него всегда сидел предельно спокойный наблюдатель. Он очень хорошо знал все составные части скандала и умел заставить их работать так, как ему в данный момент хотелось. Он, кстати, научил меня «гасить» женские истерики — работало безотказно.

При том, что в тех случаях, когда ему это было нужно, он прекрасно умел держать себя в руках даже в таких ситуациях, когда казалось: «сейчас сорвется и точно кого- нибудь убьет». Ниши-ша. Слушал, думал, что-то выторговывал…

Но «старик Эйзен» был прав. Всякий плюс имеет свой минус. Бурная натура часто сказывалась странно. Илья не умел дружить. Совсем, принципиально не умел. Вместо того, чтобы подружиться, он влюблялся в человека. Влюблялся пылко и безоглядно — очень по-мальчишески. А потом носился с каждой влюбленностью, но считал ее дружбой.

Однако же Илья от аналитических своих способностей избавиться не мог ни при каких обстоятельствах. Он был влюблен, но подспудно рассматривал объект собственной влюбленности, «разбирал его на части», анализировал, как эти части устроены и каким образом сопрягаются. Аналитик он был отменный, и многие вещи, поначалу интригующе непонятные, скоро раскрывались ему. Человек становился понятен. А значит, неинтересен. Затем — неприятен. И тогда Илья рвал с ним

отношения — иногда «в лицо», чаще — втихаря. Начинал избегать, убегать, обо многих таких своих «объектах бывшей влюбленности» он впоследствии просто слышать не желал, обрывал любое упоминание. История была обоюдоострая — разочаровние — штука болезненная. Очень. И кто тут страдал сильней — вопрос. Скорей всего, упоминания эти были для него слишком болезненны. Да, при встрече с бывшим другом мог сдерживаться, вежливичал. А человек понимал, что их отношения изменились, но не мог понять, отчего. Многие обижались…



Николай Мейнерт, Андрей Матвеев и Илья Кормильцев, 31 мая 1987 года. Фото Всеволода Арашкевича

Однажды, уже незадолго до смерти, он грустно признался, что из людей, с которыми он тесно общается, нет никого, с кем он дружил бы больше трех лет. Что я мог сказать? Обычно его «дружбы» хватало на полтора года…

А уж если «раздруживался», то — да!!! Бывали у него такие «минутки пылкости»… Сказать мог, что угодно! И в глаза, и за глаза. По себе знаю — со мной он «раздруживался» не раз, и не десять раз. И мне «втихаря» сообщали люди доброжелательные, что он про меня говорил… Да и ладно, ребята! Это ж Илюша!.. Особенно, когда скандалит, на конкретные словечки обращать внимания не стоило.

О чем это я? О поэте и поэзии, разумеется. Когда Илья писал

стихи, в нем также сидело два Ильи — один поэт, другой — аналитик. Один вытворял все, что в данный момент взбрело в голову, другой за ним наблюдал, анализировал, контролировал… Он был сложносоставной поэт. Это в стихах видно.

7

Вообще-то, Илья не должен был стать деятелем Свердловского рока. Но мог стать деятелем рока Питерского. Со Свердловском он планировал проститься сразу после школы — так и было, уехал в Ленинград, поступил на химфак ЛГУ и назад не собирался. Но с Питером пришлось расстаться по причине дня рождения поэта Александра Блока.

Ноябрь, начало второго курса, день рождения поэта. Подготовились с друзьями из общаги «по-полной». В смысле, затарились. Приехали на Литераторские мостки, открыли бутылки и стали праздновать. Праздновали от души.

Кладбищенские сперва пытались их своими силами разогнать, но не вышло — отбились. Тогда кладбищенские вызвали милицию. С ней спорить было трудно; повязали всех.

Из Ленинградского государственного университета Илью вышибли. О чем он потом даже и не жалел. Каким-то «кривым» образом удалось оформить это дело «переводом» в Уральский государственный университет. Далее — известно.

8

Дальше был «Урфин Джюс».

Урфин Джюс в книжке Волкова был, помнится, «великий и ужасный». То есть, быть-то сей литературный герой таким не был, но старательно за такового себя выдавал. В группе, по причудливой случайности унаследовавшей его имя, занимались примерно тем же. Временами даже успешно. Они победили на паре фестивалей (Вильнюс и Баку). В городе Свердловске про них ходили почти легенды, но в очень узких кругах. В лицо их не знал никто.

Нет, нет! Безусловно, они были рок-звезды! Но только между собой. «А так — не-е-ет». Согласитесь — рок-звезда, которую в лицо никто знать не знает, это какая-то не совсем, чтобы рок-звезда. Но внутри у них кипела звездность, и это рождало много странных вывертов и последствий. Однако же самым странным из них было вот какое…

Классический состав «Урфина Джюса»: Егор Белкин,

Александр Пантыкин, Владимир «Зема» Назимов, 1982 год

Казалось бы, рокеры должны были рваться к публике, к концертам, т. е. к собственно «звездности». В реальности, сами того не сознавая, они рвались в обратную сторону. Что и понятно — у себя-то в головах они и так были суперзвезды. А публика… Черт ее разберет, эту публику… Посему Свердловский рок начала восьмидесятых был чрезвычайно замкнутой в себе структурой, чем-то напоминающей секту. Или спецслужбу. Почти идеально изолированной от внешнего мира. С запредельно высокой внутренней конкуренцией, что типично для замкнутых сообществ.

Но с настолько же интересной внутренней жизнью. То было время состава Пантыкин — Белкин — Назимов плюс примкнувший к ним Кормильцев. Почему «примкнувший»?

Один очень милый человек, который никогда не соприкасался с нашим роком, спросил однажды: «А каков был статус рок-поэта в рок-музыке?». Я набрал воздух, чтоб ответить, открыл рот, да так и завис. Я не знал, что ответить. Не было в рок-музыке у рок-поэта никакого статуса. Поэт был никем.

Выступление группы «Урфин Джюс» в школе № 33 в Верхней Пышме, 1983 год

Функция поэта сводилась к формуле «Дал стихи, и отваливай!». Рок-поэтов в Свердловске было не так уж много — я помню пятерых; и большинство поступало именно по этой

формуле. Кормильцев никогда не был большинством. Когда ему говорили: «Не лезь!» — он именно «лез». И до какого-то момента у него получалось.

То было время для «Урфина Джюса» почти идиллическое — они по чудесному стечению обстоятельств оказались почти владельцами Дома культуры фабрики детской игрушки «Радуга» — это была забавная фабрика, которая выпускала более чем забавные игрушки, о которых Илья много рассказывал — там производились детские машинки из железа с острыми, зазубренными углами, единственная функция которых была, кажется, в том, чтобы детишек как можно сильней изувечить. Даже если они не пытались друг друга этими машинками бить. А уж если били…

Дом культуры был построен по ранне-советским заводским правилам, когда большая его часть находится на территории завода, а помпезное крыльцо — снаружи; вход без пропусков и прочих глупостей; и входили туда многие. Юноши и девушки. С бутылками и без (это редко). И там проходили ежедневные, ничем не ограниченные репетиции, переходящие непосредственно в загул; в общем, местечко было замечательное. Но нервное.

Я уже писал об этом, но повторюсь: эти люди не должны были сойтись вместе. А ежли уж сойтись, то с одной целью — набить друг другу морды. А потом разбежаться. Кстати говоря, Белкин с Земой (Назимовым) учились в одной школе, Белкин был чуть старше и существенно мускулистей и, случалось, Зему бивал. О чем тот всегда помнил. Но был персонаж, на которого обращалась музыкантская ярость «в обобщенном виде», хоть чем-то их объединяя. То был поэт Кормильцев.

Его стихи не нравились всем. Но, как говорил товарищ Сталин, «других писателей у меня для вас нет». У Пантыкина не было другого поэта. Приходилось мириться с Ильей. Что было трудно. Илья тоже был «не сахар». Скажем честно, Илья и всегда-то любил поскандалить, но в те времена скандальность его перехлестывала все вообразимые пределы. Скандалил «по поводу» и без всякого повода — так, для удовольствия. Но яростно.

Скандалили они, в основном, с Белкиным. Егорушка Белкин (впоследствии лучший студент философского факультета) был шустроговорящ, по-мальчишески наивен и частенько нес совершенную ахинею. А Илья был недостаточно милостив, чтобы эту ахинею слушать или хотя бы просто не замечать. И начинался, как говорил Зема, «войдот» (диалект. — орать, кричать, громко жаловаться и т. п.). Вот именно оно и начиналось — орали, кричали и громко жаловались…

Егор Белкин и Илья Кормильцев, 1985 год. Фото Олега Раковича

При этом почти каждый день сходились в ДК «Радуга» не только затем, чтобы поорать. Репетировали, обсуждали, говорили, выстраивали «будущие» выступления — Илья участвовал во всем. Т. е. «лез». Тогда впервые проявилась его тяга к тому, чтобы преодолеть «никакой» статус рок-поэта. Но — как? И он лез во все. В световую партитуру, в изготовление декораций, придуманных Саней Коротичем (подчас, чудовищных, но ужасно смешных), в самопальную пиротехнику, во все. Теперь понятно, что он бился именно с фактом отсутствия у рок-поэта статуса. Нет, разумеется, не в виде формального оформления чего бы то ни было каким бы то ни было образом, но…

Он приносил смысл. И был никем.

К чему это я так долго про Урфин Джюс? Очевидно, чтобы больше к нему не возвращаться (по возможности).

На самом деле, к началу 84-го все поэтические контакты Ильи и «УД» закончились. Альбом «15» (шедевр — при всей своей сумбурности) был записан, тексты для следующего альбома («Жизнь В стиле Heavy Metal») написаны… И будущая жизнь поэта в этой группе становилась все эфемерней.

На Свердловской киностудии во время записи альбома «15» группы «Урфин Джюс», весна 1982 года. Фото Олега Раковича

Один момент (околопоэтический) стоит отметить. Пока группа, включая поэта, была сборищем слишком уж нестыкующихся персонажей, которые совсем друг друга не понимали, результат их деятельности был… скажем так, выдающимся (из общего ряда). Про музыку молчу, нас интересует поэтическо-певческая часть, и тут была странность показательная. Пели Пантыкин и Белкин. Оба стихи Ильи терпеть не могли, но в результате пропевали их с какой-то дикой интонацией, которая и была уникальна. Это — про материал «Пятнадчика». Материал для «Жизнь В стиле Heavy Metal» «оттачивали» куда как тщательней, текст считался «принятым», только если на бумажке стояли подписи всех членов группы, потому переделывался под их вкусы — переделывался, переделывался… Они привыкали и уже как-то не так, чтобы совсем эти тексты ненавидели… И петь начинали вяло. В игре тоже уходили в странный «стандарт», потому третий альбом группы был записан, но — Илье, во всяком случае — было ясно, что он провалился. Только что записанный. И с какого-то момента Илья упоминаний об «Урфине Джюсе» не любил. Никаких других рок-групп в тот момент не наблюдалось. И у Ильи возникло ощущение, что вся эта рок-история закончилась.

Хотя решающим обстоятельством того, что все это кончилось,

стало вот что — даже руководство членовредительской фабрики «Радуга» должно было рано или поздно задуматься, зачем им содержать в собственном Доме культуры весь этот шабаш? И оно задумалось. «Урфин Джюс» с «Радуги» вылетел. И сходиться стало негде. А где — не в подъезде же…

На этом рок-карьера Кормильцева завершилась. Никаких других вариантов не просматривалось. Ему было двадцать пять. Нужно было что-то делать.

Эпоха «Радуги» была для него неким подзатянувшимся этапом беззаботного студенчества. И вот она кончилась. Нужно было начинать «нормальную жизнь». Вынужденно — а куда деваться? Илья так и сделал. Второй раз женился. Сменил работу. Обложился книжками по языкознанию. Взялся за нормальную жизнь…

9

Был у меня знакомый, Давид Левин. Он был в Освенциме. Он ненавидел слово «нормально». Вскидывался и почти кричал: «Никогда не говори это слово!». Рассказывал, что в Освенциме у каждого была «норма». Кормили капустными листьями и брюквой. Все свежее и помытое. Немцы любили, чтобы все было планово — кому в газовую камеру, тому в камеру, но чтоб никаких эпидемий. Так вот, кто получал «норму», тот жил «нормально»…

У Ильи наставал время от времени момент, когда он начинал строить «нормальную» жизнь. То покупал дачу, то мебель в квартиру жены Маринки, где сам жить не собирался. То мечтал купить машину «Москвич». Потом все бросал. Как всегда — враз и насовсем.

С дачей было много историй. Находилась она в полутора часах томительной езды на медленном до невыносимости поезде от Свердловска. По пути была какая-то станция, там на плакате, рисованном очень самопальным художником, торчал Ленин с явными диспропорциями членов, тянул по направлению к Илюхиной даче рахитичную ручонку; ниже значилось: «Верной дорогой идете, товарищи».

1984 год. Фото Всеволода Арашкевича

Дача была в деревушке, у которой было два въезда и три названия. С одной стороны торчала табличка: «Коркодино», с другой — «Каркодино», а на бедном подобии станции была вывеска «Коркодин». Местечко это облюбовали когда-то свердловские художники-пейзажисты, и оно того стоило. Была в нем какая-то болезненная, вычурная красота. Причем, была во всем — в деревьях, в окружающих горках, в ручьях; плюс к тому, из Коркодина вытекают две речки — Уфа и Чусовая, одна течет на юг, другая — на север. Короче — такое место просто так не бывает.

Илья купил дом у какого-то художника. А с художниками там была история странная — покупали дома, рисовали и… помирали. Был еще писатель Филиппович, его дом стоял на отшибе, у железки. Илья, разумеется, тут же все, Филипповичем написанное, прочитал и говорил, что писатель был хороший. Но он к появлению Кормильцева тоже умер, полез в погреб и умер (так местные рассказывали). Илья купил дачу в виде замка. Странный домик, закрытый как бы галереями по кругу двор, как у

старообрядцев, мощные ворота — чистый замок.

Чуть дальше, если идти к станции, торчало из земли странное дерево — росло оно в два ствола из одного корня, но в разные стороны, как будто один ствол от другого шарахается. Илья долго раскручивал хозяина ближнего дома, почему так? И тот однажды раскололся. Дело было в войну. В Верхнем Уфалее, а он дальше по железке, был госпиталь. И однажды выписали из него двух вылечившихся, оба офицеры. В поезде они надрались, их и выкинули из вагона в Каркодине. Мужики были совсем в загуле, желали продолжать, потому вломились в первый дом, где свет горел, хозяев зашугали, сели пить дальше. Поругались. Один другого ткнул ножичком, тот успел выстрелить; хозяева охнули, а в доме образовались два трупа. И что с ними делать? Двое фронтовиков с наградами… Милицию звать — потом не отмажешься. А перед домом яма была выкопана для хозяйственных нужд, хозяин покойничков туда свалил, пока темно, и закопал. А для отмазки деревце посадил. Оно выросло. В два ствола. Оба друг от друга шарахаются — чуть не по земле стелются…

Илюха пытался играть в «нормальную жизнь», потому на дачу ездил упорно. Но не в одиночку — это он совсем не переносил. Но желающих ездить с ним становилось все меньше. Как-то само собой. Моя первая жена переночевала в домике одну ночь, за которую у нее случился мощный глюк из разряда «домовые и компания», и ездить в те края она резко отказалась. Не знаю, глючило ли жену Ильи Маринку, но и она отпала быстро. Дети были слишком мелкие, чтобы что-то решать. Так мы с ним и ездили вдвоем.

Повторюсь, Илья пытался играть в «нормальную» жизнь. Копал зачем-то огород, посадил картошку, которую, кажется, так и не убрал потом; выкладывал из камней какие-то дорожки по участку… Вечером жарили шашлыки на огороде, а за ним — низина, в ней течет исток реки Уфимки; и на закате оттуда начинало выпучиваться, клубясь и формируясь, страшноватое жужжащее облако, состоящее наполовину из тумана, наполовину из комаров; оно шевелилось, дыбилось, с первыми признаками темноты покрывало собой и низину, и огород, и Илюшин домик.

Должен признаться, комары меня любят. То есть как-то даже слишком любят. Илью комары не ели совсем. Говорят, когда человека слишком долго жрут комары, наступает момент, когда они его уже видеть не могут, не то что жрать. Илья был ребенок геологов, впервые «в поле» попал шестимесячным, видимо, комары его переели. Потому он с аппетитом трескал шашлык, а я

отмахивался от комаров, чем мешал ему есть и говорить, а мы только и делали, что говорили. Короче — я его раздражал, он ругался. Да и вообще, мы тогда слишком много времени проводили вместе на одной даче, так что не могли не расплеваться. Что и вышло. Я ездить перестал, и вот тут приключилась история, которую стоит вспомнить.

Перед Ильей встала проблема, кого затащить на дачу. И ему подвернулся Андрюша Матвеев. Матвеев был уральским писателем, который в тот момент бросил пить и немедленно погряз в собственном здоровье. Он все время стонал, вздыхал и жаловался, но Кормильцев сразу заявил, что все это «туфта», а на самом деле Матвеев здоровее многих. И, следовательно, может быть весьма полезен на даче. И вот Кормильцев его туда выцепил, а в то же время произошло еще одно событие — из какого-то закрытого института он по знакомству выудил какую-то особо секретную карту.

На ней так и было написано: «Особо секретно». Наверху несколько синих штампов, на полях и даже на обратной стороне оттиски о секретности. Илюше карта была ценна именно тем, что это была карта его дачи с деревней и окрестностями. И какого-то безумного разрешения, где отмечено буквально все. Ну — все! И в честь первой поездки в Коркодино Андрюши Матвеева Илья решил его не слишком сельским хозяйством грузить, а устроить турпоход. Так они и пошли — Кормильцев впереди с картой, Матвеев — за ним. Ходили, бродили, забрели в хилый лесок; Илья восхищался картой, а Матвеев оглядывался.

Андрей, надо сказать, хоть и изображает из себя всю жизнь рафинированного интеллигента, в лесу человек странно опытный. Гриб берет хорошо, много чего знает- понимает. И вот он оглядывался-оглядывался и говорит: «Илья, сейчас болото будет». Илья тут же припал к карте, на ней болото не значилось. «Нет тут никакого болота!» — говорит Илья. Матвеев опять огляделся и говорит: «Сейчас будет». У всех буквоедов на свете есть общая странность — они верят в печатное слово. Илья возмутился. На такой-то замечательной, совсекретной карте, которую достать удалось с таким-то чудовищным трудом, болота нет, а у Матвеева, понимаете ли, есть! Ну не бред ли? А Матвеев упирается и говорит, что не бред, еще сильней заводя Кормильцева.

А происходит это все на ходу. Идут и ругаются. Кормильцев — впереди. Издает очередной возмущенный вопль, делает шаг и проваливается по пояс. Натурально — болото. Что уж совсем выводит Илью из себя. А Илья, совсем вышедший из себя, орать мог очень даже неистово. Так сидит он по пояс в болоте и даже

слегка погружается, при этом поносит Матвеева «на чем свет стоит» по тому поводу, что на карте болота нет, а у Матвеева есть, хотя на карте его все равно нет. Матвеев вместо того, чтоб спор продолжить, бросился назад, нашел какую-то березку полуживую, выкорчевал, подполз к Кормильцеву поближе, протянул ему березкин ствол, чтобы Илья вцепился. А тот уже по грудь в болоте сидит. Вцепился, и Матвеев стал потихоньку его из болота тянуть.

Илья Кормильцев и Андрей Матвеев, 2005 год

И все время, пока Матвеев тянул Кормильцева из болота, Кормильцев срамил Матвеева за неуважение к карте.

Не знаю, что там у них еще в тот день произошло, но Матвеев больше на Илюхину дачу не ездил. А потом Илья обнаружил за горкой какой-то карьер и сказал, что теперь знает, почему там народ мрет, в деревеньке этой. И больше в Каркодине не появлялся. Уж не знаю, что он там нашел, но Илюше я верю. Химик, все-таки.

10

Тогда же у него прорезался дар кулинара. Прорезался как-то единомоментно — неделю назад он готовить совсем не умел, а тут — жарит, парит, запекает… Утверждал, что повар — самая бескорыстная профессия на свете — только повар получает удовольствие, наблюдая, как сжираются плоды трудов его… И чем быстрей они сжираются, тем ему приятней.

А ежели Кормильцев за что-то брался, об этом узнавали все. От него, разумеется. И вот на какой-то очередной из его работ Илье подарили овощерезку. Не знаю, как правильно называется — какой-то измельчитель для капусты. Илья притащил ее домой сразу с кочаном — попробовать. Кочан был большой. Илья радовался.

Водрузил овощерезку на стол и включил. Овощерезка заорала, завизжала и запрыгала — пришла в боевую готовность. Илья бросил в нее кочан. Овощерезка сказала: «Тьфу!» — и выплюнула весь кочан разом. Точнее, то, что от него осталось. Выплюнула с такой силой, что половина разлетелась по кухне.

Илья озадачился. Овощерезка перед ним орала и прыгала. Капусты больше не было. Илья сказал: «Я понял, это чтобы капусту солить в промышленных масштабах…» — подумал и добавил. — «И оно мне надо?!» — еще подумал и сказал: «Знаешь, я ее даже мыть не буду»…

Выключил овощерезку и засунул ее на шкаф. Она там и стояла много лет…

11

Он очень любил разгадывать кроссворды. И получал от этого огромное удовольствие, но для удовольствия было надо, чтобы кто-то при этом присутствовал. Желательно, двое. Или больше, чем двое, результат был всегда одинаковый. Делал он это так.

Брал кроссворд и читал вопрос вслух. Затем вопросительно смотрел на одного из присутствующих, затем — на второго (допустим, их двое). Смотрел «поверх очков», как он это обыкновенно и делал; так смотрят люди дальнозоркие, но у Ильи и здесь все обстояло не так, как у людей. Он читал в очках, а смотрел поверх оных, и при этом был близорук. Все наоборот!

Итак, он читал вопрос и смотрел на присутствующих с вопросом, но кратко, после чего молча записывал в соответствующие клеточки ответ. Вслух его не озвучивал. После чего громко читал следующий вопрос, смотрел туда, смотрел сюда, записывал ответ. Если кто-то что-то знал, он просто не успевал выговорить ответ, потому что Илья был в этом деле моментален. Он вопрошал и сам отвечал. Молча. И так до конца кроссворда. После чего без перерыва брался за следующий кроссворд, буде таковой оказывался под рукой.

Однажды мы сидели с ним и его второй женой Маринкой возле МДСТ — Межсоюзный дом самодеятельного творчества — была такая контора, она занималась самодеятельностью с целью регулирования и осовечивания. Это было забавное место, где собралась компания странных людей, которые занимались всем, кроме регулирования и осовечивания. Был там один дядька, который трудился над собирательством народных матерных частушек. Там были истинные шедевры — мы просто выли от восторга! Ну, самодеятельность же…

Так вот, Илья и там трудился. В тот момент мы ожидали конца его рабочего дня, чтобы он мог свалить, а пока, соответственно, сидели на лавочке на свежем воздухе, и он разгадывал кроссворды. Читал вопрос, смотрел на меня, на Маринку, записывал ответ. Не знаю, как у Маринки с кроссвордами (она все время молчала), но я этот вид интеллектуального досуга терпеть не могу и в жизни не разгадал ни одного кроссворда.

И меня все время дергало, когда Илья с глумливой улыбочкой поворачивался ко мне после очередного вопроса. Но в тот раз вышел у него облом. Под самый конец подвернулась ему какая-то страна, столицы которой он не знал. И страна-то, между нами говоря, — тьфу! Острова в океане — штук пять. В общем, не

страна, а липа, но и у этой липы есть какая-то столица, и вот ее надо было угадать. Он предположил. И произнес два названия, которые я не воспроизведу, потому как немедленно их забыл, разумеется. И оба они по клеточкам вписывались, что было уж совсем ни в какие ворота…

До конца его рабочего дня оставалось еще минут тридцать, но утерпеть Илья уже не мог, куда-то унесся, отпросился, и мы поехали к нему домой. Войдя в квартиру, Илья выдернул с полки какой-то том Большой советской энциклопедии и стал сосредоточенно его листать. Первый вариант оказался не тот, Илья отбросил том, выудил второй, листал, листал — и лицо его расплылось широченной улыбой.

Он был прав. Это оказалось одно из слов, которое он и предполагал. Он был доволен. Больше я при кроссвордах не присутствовал — сбегал сразу. Однако бывали моменты, когда сбежать от мощи его энциклопедизма было затруднительно. В лесу, например. Деваться там было некуда, а Илья был рядом. И начиналось…

Для меня деревья делятся на хвойные, лиственные и березу (ствол белый). А трава относится к большому классу растений, все до единого представители которого называются «трава». Илья знал их всех по латыни. Выдирал что-то такое с тычинками, пестиками, либо без оных, и спрашивал: «Знаешь, что такое?» Я не знал. И он начинал. Сперва на латыни, потом по-русски, затем повествовал подробнейше всякие примечательные и полезные свойства данного растения и прочую муру. Выговорившись, отшвыривал травинку и выдергивал следующую… Это мы грибы собирали… Рассказать, кто находил все грибы, а кто не нашел ни единого?..

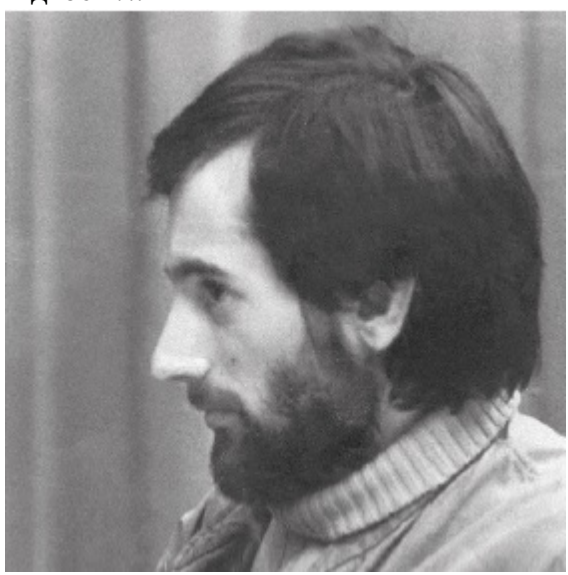
Иногда казалось, он знает все на свете. Большая советская энциклопедия была у него не только любимая книга, но и книга потертая. Многотомно потертая…

Мышление человека можно подразделить на два типа: феноменологическое и методологическое. Феноменолог мыслит явлениями, артефактами. Методолог мыслит аналогиями, выстраивая из них метод. В чистом виде и то и другое практически не встречается — в каждой башке сидит какое-то свое соотношение того и этого.

Илья был почти чистый феноменолог. Ему был интересен любой феномен, попавший в поле его зрения. Он накапливал их до бесконечности. Травинки по-латыни, иностранные слова. Я по типу сознания — почти чистый методолог. Мы мыслили не просто по-разному, а как бы «в разных мирах». В разных

измерениях. Мы никогда и ни в чем не могли согласиться друг с другом. Постоянно сшибались лбами, выкресая ими искры — и преизрядные. И так было по любому поводу. От тех, по которым стоило сшибаться лбами, до самых нестоящих.

Он питал странную любовь к Платону. Коего я, разумеется, не люблю, предпочитая Аристотеля. Платон, между нами говоря, фигура сомнительная — несостоявшийся трагик, первый социалист-утопист, логически-ущербный «отсыльщик» к Сократу и так далее… Но Илюше это все было лучше не говорить. В самую последнюю нашу встречу наедине мы зацепились за классическое определение идеологии, которое Илье страшно не понравилось, и он уже в чисто провокаторских целях принялся подкалывать меня Платоном. А я повелся. Разлаялись. Кто знал, что это последняя наша встреча вдвоем?..



Леонид Порохня. Фото Всеволода Арашкевича

Ну и от Платона «до наоборот»… Илья предпочитал брюнеток, я — блондинок. И это его раздражало. Иногда — очень. Я даже выработал метод «гасить» Кормильцева, когда он слишком увлекался какой-нибудь темой и не мог «с нее слезть». Если мы были на улице, я высматривал какую-нибудь блондиночку «поблондинистей» и восклицал: «Илюха, гляди какая девушка!». Илья реагировал мгновенно, напрочь забывая о том, чем был увлечен только что: «Где? Покажи!» Я показывал. Он тут же раздражался и начинал поносить меня за дурновкусицу, потому что человек с минимальным вкусом — с его тогдашней точки зрения — блондинкой восхититься не мог даже под угрозой

расстрела.

Чем кончилось, догадаться нетрудно. Я женился на брюнетке, Илюша — на блондинке.

Мы не сходились никогда и ни в чем. Разумеется, разлаивались. Бывало, что со скандалом. Разбегались. Порой — на дни, а то и на месяцы. Один раз — на несколько лет. Потом судьба сводила вновь. Или не судьба?

Мне было безумно интересно, как он говорит, что говорит, как думает. Было ли ему интересно со мной? Может быть. А может, и нет. Не знаю. Я вообще на этом листочке как-то слишком много говорю о себе… Но не в этом дело. Это не про себя.

Как же его не хватает-то, а?!.

12

Так вот, рок-н-ролл для Ильи вроде как кончился, сидеть без дела он не мог, тогда-то и взялся за изучение иностранных языков. В школе он учил английский и имел по нему твердую троечку. Но учить английский дальше не имело смысла, ибо его некуда было применить, да и знатоков английского было вокруг предостаточно — в городе был целый ИнЯз в пединституте, где английский был одной из специализаций. Илья поступил наособицу — как и большинство «яростных гуманитариев», он всегда выбирал направления деятельности из соображений вполне утилитарных. Сейчас ему предстояло «жить нормальной жизнью», а он еще и во второй раз женился, ожидалось пополнение; потому следовало найти какой-то способ зарабатывания денег. Желательно, с потенциалом. Он решил стать переводчиком-синхронистом. Это сулило…

Сейчас трудно представить, каким лакомым в те времена казался этот удел!.. Во-первых, не надо ходить на работу (Илья это очень не любил). Или ты дома что-то такое переводишь, или «тусуешь» с иностранцами… Лакомо казалось, лакомо… Илья «изучил рынок» и выбрал итальянский язык. На весь Свердловск, как выяснилось, специалист по итальянскому был один — преподаватель в консерватории. Певцов, которых она учила, конкурентами можно было не считать, поле деятельности представлялось перспективным.

Что делает нормальный человек, когда берется изучать иностранный язык? Он изучает иностранный язык. Что делал Кормильцев в аналогичной ситуации? Он обложился книгами. Учебники по сравнительному языкознанию, учебники по историческому языкознанию, анатомические атласы, в которых Илья черпал нужные знания о строении носоглотки, необходимые для выработки нужного для правильного произношения резонанса… Он довольно быстро научился произношению почти на всех романских (плюс английский и, впоследствии, западнославянские) и затем говорил на них практически без акцента.

Несколько позднее, в начале 90-х, Илья был переводчиком у спелеологов; сидели они в Итальянских Альпах, спелеологи его в пещеры не брали, так что экспедиция ушла куда-то под землю, а Илья остался «на хозяйстве» — обед варил. И туда, на гору, взобрался итальянский крестьянин, которому стало известно, что тут русские. И крестьянин решил на русских посмотреть. Влез на гору, а там Кормильцев кашу варит. Крестьянин спросил, где русские, Илья ответил: по пещерам лазят. Крестьянин, уставший

от подъема, решил отдохнуть — мол, вдруг русские придут. Присел, разговорились с Ильей, посидели — нет русских. По поводу чего крестьянин посетовал, мол, так и не удалось ни одного русского повидать… И только тут Илья сообразил, что самого его крестьянин за русского не посчитал! Ох, как он этой историей потом гордился!..

Однако — итальянский. Что делает нормальный человек, который учит итальянский? Учит итальянский. Кормильцев учил латынь. Повторял, что латынь — праматерь всех романских, только очень сложная такая праматерь. И если с ней справиться, итальянский будет легче легкого. Что было правдой и в данном случае подтвердилось полностью. Латынь, сказать по чести, он выучил не настолько, чтобы античных авторов читать свободно, зато итальянский вскоре знал изрядно.

Ну и — карточки со словами — на одной стороне по-русски, на другой — по-итальянски! Карточки, карточки, карточки… Он вязал их резинками в пачечки, которые таскал с собой и при каждом удобном случае перелистывал. Мотал, мотал — очень быстро. Скоро появилось в этом перелистывании что-то наркоманское. Временами он хватался за очередную пачку в самое, казалось бы, не подходящее время и начинал их яростно листать. Может, это была уже какая-то форма релакса? Или ломка?.. Во всяком случае, познанию языка это явно способствовало. И разобравшись с итальянским, оторваться от привычки учить язык он уже не мог.

Постепенно изменился подход — если уж учить иностранные языки, так все скопом. Романские — это «чохом»; они из латинского «куста» сами лезут. Славянские он вообще почитал за один язык, но с местными особенностями. С немецким было проблематично, что-то он у Ильи не заладился, но общаться мог. Финский учил спецом перед Финляндией, и там потрясал местных, которые твердо знают, что их язык никто выучить не способен. Японский имеет структуру — можно, можно… Опять пошли карточки…

Ящики письменного стола у него были забиты карточками, на одной стороне — по-русски, на другой по… Он учил их везде — в трамвае, на работе, даже просто идя по улице. Если не читал — а у него была привычка читать на ходу. При том что ходил он быстро. И на ходу читал или листал карточки. Чтобы как-то ориентироваться, ходил вдоль стенки, если таковая случалась рядом. А если из стенки что-нибудь торчало, например, крюк от упавшей водопроводной трубы, Илья мог «впилиться» в него головой на полном ходу, потом приходил в себя на асфальте, а над ним голосили сердобольные старушки. Было такое. И не раз.

13

Зимой 85-го вдруг случился товарищеский матч по волейболу между командами «Уралочка» и юношеской сборной Португалии. Свердловск был город закрытый, переводчика с португальского не нашлось. Илья довольно прилично уже говорил по-итальянски, на него вышли какие-то специальные люди и задали вопрос: «Сможешь за пару ночей выучить португальский?»… Илья не был бы собой, если б не ухватился за это дело — просто так, из принципа. К утру он уже прилично «шэкал».

Встречали девочек со спортивной делегацией и куратором из КГБ. И тут выяснилось, что кому-то это спорт, а кому-то — секретная операция. Почти два десятка иностранцев в наглухо закрытом городе… Прокладывались маршруты, как везти девчонок, чтобы в поле зрения не попал ни один секретный завод, — а как, если секретные заводы через каждые двести метров понатыканы?.. Возили кругами — где нужно было ехать от силы десять минут, там ехали час… Конечно, это был совковый маразм, но маразм с долгой историей, маразм, оговоренный в инструкциях и указаниях, крепкий такой наш маразм, так что и удивляться было нечему.

Приехали португальские девочки — невысокие, некрасивые, но симпатичные. Илюше они сразу понравились, но тут же он понял, что дело их — труба. В чем убедился, когда девчонки вышли на площадку вместе с красотками из Уралочки. «Они им по соски!» — потом говорил Илья и показывал на себе рукой, где это; выходило чуть выше бровей. Ну и, разумеется, разгромили уралочки португалочек напрочь, отчего Илья искренне расстроился. Потом — то-се, ужин, повезли девчонок в гостиницу «Центральная», там еще какое-то культурное мероприятие, поздно ночью принялись разгонять португалок по номерам, а они — уставшие, но «в бодряке», идти не хотят… Кое-как справились.

Когда удалось, наконец, распихать последних волейболисток по спальным местам, Илья устал уже чудовищно. С трудом добрался до своего номера, который ему выделили на ночь, чтоб не отлучался. Вошел в полной готовности с наслаждением вырубиться, разделся, залез под одеяло, выключил свет — в дверь забарабанили. Выбирался он из койки с кромешным матом — за дверью стоял встрепанный куратор из КГБ: «Их нет! Ни одной!»…

Побежали по номерам — пусто. Пробежались по гостинице — нету. У куратора паника — он за это дело отвечал. Выскочили на

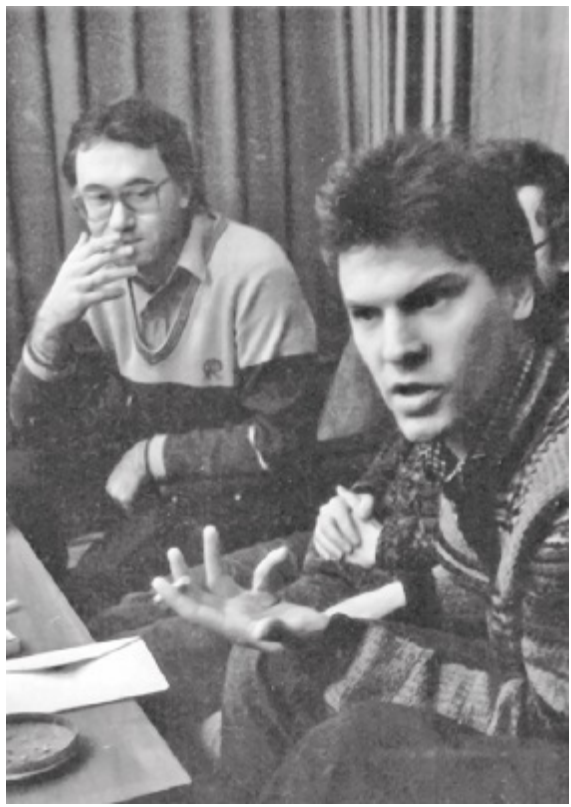
улицу — глубокая ночь, пустынные свердловские улицы, засыпанные снегом, и — никого. Куратор быстро объяснил Илюше, как «искать квадратами», как разбегаться и где встречаться; и оба «погнали» в разные стороны. Улица, другая, третья — нет девчонок. Ни на просмотр, ни на просвет. Сбегались, сообщали друг другу, что никого не нашли, опять разбегались. Обследовали уже чуть ни весь центр города — нету. Наконец, Илья устал и обреченно побрел назад, в сторону гостиницы. И, проходя по переулку, услышал девичий смех. Двинулся на звук. Девчонки — все до одной — набились в подворотню метрах в трехстах от гостиницы и с хохотом играли в снежки.

Илья стоял и смотрел. Прибежал куратор, тоже встал, осмотрелся, спросил: «Что они делают?». «В снежки играют,» — сказал Илья. — «У них снега-то нет»… Куратор тяжко вздохнул, но с места не тронулся. Так они стояли, смотрели, как юные португалки играют в снежки в подворотне. Ночью, в засекреченном городе…

14

Удивительней всего было то, что именно в это абсолютно глухое, казалось бы, время, он принялся с утроенной силой писать стихи. Зачем?

Илья не любил слово «текстовик», принятое среди рок-н-рольщиков. Но и поэтом в собственном смысле слова тогда себя не считал. Он писал стихи, подразумевая, что они станут песнями. Но писать песни на его стихи никто в тот момент не собирался. Просто некому было. На горизонте наблюдался один «Урфин Джюс», но факт, что никакого творческого продолжения у него не будет, подразумевался, что называется, «по умолчанию». Никто на тему эту не заикался, но все знали — так и будет. В 84-ом, кроме «Урфина», в городе был еще «Трек», но там был свой поэт Застырец, а Кормильцев с треками находится в состоянии холодной войны. И — все.



Собрание группы «Урфин Джюс», 1984 год. Фото Всеволода Арашкевича

Заходил, правда, к Илюше время от времени Слава Бутусов, но он трудился после Арха в какой-то проектной конторе, студенческая группа с невнятным названием осталась в прошлом, перспективы не просматривались.

Глушняк стоял полный! А Илья писал стихи. На листочках. Ближе к одиннадцати ночи его легко было обнаружить в подъезде — с сигаретой в руке (теща была профессором в мединституте, так что курение в доме не подразумевалось), с крошечным блокнотиком и в ночной пижамке — светленькой в полосочку. Илья сидел на ступеньках и писал. Осенью — зимой 84-го он написал почти половину будущих хитов раннего «Наутилуса». Зачем?

И еще одно деяние, смысл которого понять трудно — Илья купил портастудию «Sony». Знаменитую «Соньку». По тем временам для Свердловска аппарат невероятный: синяя стойка с двумя кассетными деками, примитивным микшером на четыре канала и цифровым реверберatором с унитазным звуком. Стоила эта аппаратина примерно столько же, сколько дача, которую он купил чуть позже.

Чтоб расплатиться, Илья заложил в ломбард все золото тещи — той самой, второй. Илью многие не любили, но как ненавидела его теща, представить трудно… Как в старом, пережеванном на сто раз анекдоте, только еще сильней. Трюк с золотишком был для истинного самоубийцы! Что, впрочем, Илью никогда не смущало.

Но золото надо было еще сдать в ломбард.

О, это было гнусное место! В самом центре города Свердловска, но как бы совсем на задворках — грязных, пахнущих мочой, изначально, казалось, предназначенных для дел нехороших и печальных. Там и собрались как-то утром рокеры и сочувствующие, чтобы золотишко сдавать. Дело в том, что сдать можно было какое-то ограниченное число вещичек, а их надо было сдать много. Занимали очередь до открытия, было холодно, на перилах сидел откуда-то взявшийся мрачный Шевчук — он в сдаче не участвовал, но почему-то там был.

Как-то сдали. В смысле, заложили. Но через месяц или полтора, точно не помню, все это добро нужно было перезаложить, т. е. выкупить и заложить заново. Илья носился по городу, на каждый перезаклад занимая деньги. И с каждым перезакладом эта процедура сжирала какую-то часть вложенного — оно пропадало в ломбарде. Рокеры и сочувствующие тоже начали уставать, их приходило все меньше, в какой-то момент

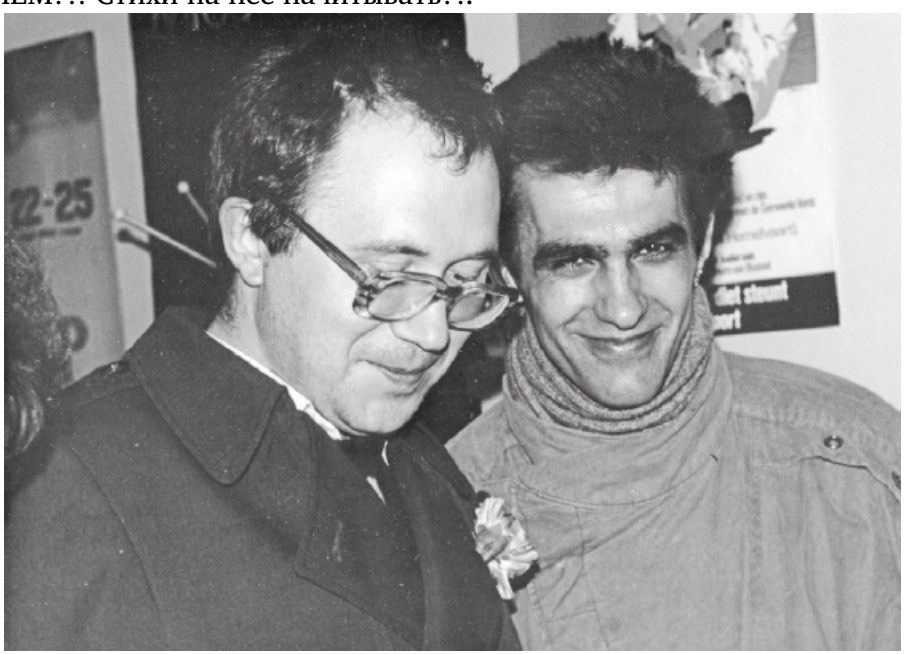
остались он да я. Потом и я «спрыгнул» — где-то через год, наверное… Илья продолжал биться с ломбардом, но всякая попытка узнать, как там идут дела, вызывала у него слишком злобную реакцию; что вернулось к теще, что — нет, я не знаю.

Но «Сонька» работала! На нее записывались самые разные люди. Бесплатно, кстати говоря. Илюше в голову бы не пришло брать за это деньги. В какой-то момент в городе просто не осталось групп, которые на его аппарат не записывались, о чем по сей день ходят легенды. Эта машинка сильно двинула Свердловский рок…

«Сонька», которую купил поэт…

Забавно, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-то из рассказывающих эту историю озадачился простым вопросом — а зачем поэт ее купил? Ну, на хрена?! Годик-то был 84-й, начало осени. Не было тогда никакого рок-н-ролла! Да если б и был, Илья-то тут причем?

И никаких перспектив не наблюдалось! В «Урфине Джюсе» он к тому времени разочаровался совершенно, никого другого вокруг не видел. Бутусов к Илье заходил, но чаю попить. Никакого «Наутилуса» тогда не было! И вот поэт, заложив золото собственной тещи, покупает безумно дорогую портастудию — ЗАЧЕМ?!! Стихи на нее начитывать?!.



Илья Кормильцев и Вячеслав Бутусов, 1988 год. Фото

Александра Шишкина

С одной стороны, поэт был, поверьте, не настолько глуп. С другой, это, пожалуй, самая дурацкая покупка на моей памяти. Да, «Сонька» потом очень пригодилась. Но не Илье. На нее много чего записывали самые разные люди, но не Илья. А позже ему потребовалось немало сил, чтоб от уже изрядно потрепанной «Соньки» небесплатно избавиться…

Впрочем, слова «Илья» и «зачем» вообще плохо стыкуются. А первый результат явления «Соньки» появился где-то через неделю. И первым, кто на нее записал сам себя, был Слава Бутусов.

15

Первой совместной песней Ильи со Славой (если не поминать довольно нелепый казус под названием «Снежная пыль» из 83-го года) считается речитатив из «Невидимки» «Где я? Кто я?». Это не совсем так. Опробовал «Соньку» первым именно Слава. И записал сам в одиночестве в три наложения «Никомунекабельность».

Ее потом перепевали несколько раз и, что забавно, только первый куплет. А их было три. Я помню второй — «по-блюзу»:

Я просыпаюсь поздно ночью
Я одеваюсь не спеша
Я чищу зубы гладко бреюсь
И оценив свой внешний вид
Считаю я себя вполне
Готовым к ядерной войне…

Третий куплет я не запомнил, потому что вскоре после записи сам же его и стер случайно, в чем после горько каялся. Его уже даже в письменном виде не восстановить, видимо. Два первых я долго хранил, потом пленку эту у меня «зачитал» один приятель. Так что в итоге вся запись пропала — копий, насколько я знаю, не было.

А запись была интересная хотя бы тем, что Слава тогда пытался понять, может он вообще петь или нет? И как именно может петь. И вот он пробовал. И пел в манере, к которой сам пришел только много позже, уже в эпоху зрелого Наутилуса. Как будто вырвался вперед настолько, что сам испугался. И опять за старое — к студенческим кривляниям…

«Никомунекабельность»… (Да-да! Именно так это пишется!)

Вот не удержусь, запишу первый куплет…

Я набрал телефонный номер
А там короткие гудки
Это мой телефонный номер
Значит я с кем-то уже говорю
Всегда-то мой номер кем-то занят
Когда бы себе я ни позвонил
Никому… Никому…

Ни для кого не кабельность…

Это и была первая песня «муз. Бутусова — сл. Кормильцева».

PS.: полез в сеть перепроверяться, там прочитал: «"Некоммуникабельность" — песня гр. Чайф, музыка И. Кормильцев, слова Е. Белкин»…

«Чудны крестьянские дети…» — как сказал таксист, проезжая мимо парочки проституток-трансвеститов у Казанского вокзала. Чудны сведения в интернете…

16

В это же время уходит корнями еще одна история. Не знаю, откуда взялась эта версия, но в интернете она тут и там возникает, с каждым повторением постепенно превращаясь в истину. Что Кормильцев услышал песню группы «Bananarama» «Robert DeNiro's Waiting» и сделал «вольный ее перевод» под названием «Взгляд с экрана» (потому что про Алена Делона). Это вряд ли. Попробую объяснить. Итак, аргумент первый.

Илья был чистоплюй редкостный. «Переписывать» более чем средненькую песенку малоизвестной «девчачей» группы он бы побрезговал. Он мог внутренне тягаться с Бродским, которого не любил. Но то — Бродский! Илья даже написал «в пику Бродскому» цикл «Эпистолы» (в интернете он есть, но не полностью). Бродский — это ему было «по плечу». «Бананарама»? Простите, но — нет.

Да и «установки поэта» были совсем иные. В то время Илья писал стихи сам для себя. Не было еще «Наутилуса», а остальные рокеры у него стихи уже не брали. Потому что в тот момент веры в поэта Кормильцева тоже не было. И чтобы для себя «содрать» чужой текст?.. Тогда же не за бабки бились. Бились-то за идею. За какую именно, сейчас уже не помню; помню, что — да, за идею. А за идею чужие тексты не воруют. Впрочем, эдакая интеллигентщина многим может показаться малодоказательной, так что перейдем к № 2.

Это, конечно, «бытовуха», но есть вопрос: где он мог эту песенку услышать?.. Видео (клипы) — не было; «Bananarama» по Совок-ТВ — импосибл; интернет — еще нет; пластинки ходили на толкучке, куда Илья уже несколько лет не ездил. Западные голоса по радио он не слушал — это из конца 70-х «развлекуха». Дискотеки не крутил после окончания универа. Пластинки слушали, но их передавали друг другу, и это была совсем другая музыка, поверьте. Вот, собственно, и все. «Бананараму» он тогда не слышал. Сейчас это покажется странным, но в те времена некоторые песни физически не могли добраться до твоих ушей.

Ну и — как бы это назвать?.. «Рок-шовинизм», если угодно.

Илья много лет провел на свердловской толкучке-дискоманке, которая у всякого участника воспитывала классовую ненависть к поп-музыке. Я однажды купил пластинку «Аббы» — группа только набирала популярность, и я решил послушать, что за зверь такой. Так вот, от знакомых ее приходилось прятать, ибо заметь у меня ее кто-нибудь, репутация была бы сильно подмочена.

После дискоманки был рок-н-ролл, а там среда в плане предпочтений была просто тоталитарная. Помнится, двое музыкантов, впоследствии весьма знаменитых, сидели и рассуждали о том, как «настанут времена», когда по ТВ и по радио играть будут только «Deep Purple» и Цеппелин. Это был не стеб, это не из песни Гребещикова, где «под страхом лишения рук и ног»! Это я слышал наяву. Я спросил: «Что, ничего больше не будет?»… За что был тут же оплеван и втоптан в землю.

Когда Слава Бутусов «подсел» на «Police» — ох, над ним и издевались!.. Да и сам Илья как-то обнаружил у меня в тумбе с винилом целую пачку джаза, дернулся и спросил очень серьезно: «Ты что, джаз слушаешь?!» Пришлось признаться, что — да, слушаю…

«Бананарама» — это была попса. Сегодня, когда все слилось в единую стихию поп-индустрии, это звучит странно, но тогда Илюше это было «поперек горла». Над чем он, кстати, впоследствии сам издевался, но позже.

Не знаю, чего я прицепился к этой «Бананараме»? Сам-то я совсем не против генетической связи между Де Ниро и Делоном… Правда, в случае с Ильей это была связь между Делоном и Бельмондо; хотя и в обратном порядке. «Киноактерских текстов» было два, и первый был про Жан-Поля.

Она снимает Бельмондо
Он здесь висел
Пыль на лице
Ведь время старит даже кинозвезд
Жан-Поль как ты выцвел…

А затем Илья эту актерскую темку «подраскрутил» до Алена Делона. Первый текст «ушел» Егору Белкину, песня называлась «Соня любит только Петю». И Белкин как раз где-то в 84-ом или в начале 85-го написал к ней музыку; летом 85-го она вошла в его альбом «Около радио», ее до сих пор поют Егор и Настя.

О том, что бутусовский вариант не слишком соответствовал ожиданиям Ильи, я уже писал; но и белкинский в плане соответствия ожиданиям был не лучше. Оба текста про актеров изначально были издевательские; у Бутусова вышло нечто трагическое, а у Белкина получилось елейное — «про любов». Песня Илюше, кстати, сразу понравилась, тем более, она странно перекликалась с «Love Me Tender» Пресли, которую Егор и Настя пели дуэтом на посиделках. Пели пронзительно по лиричности!

Но написано было иное.

Там Соня любит только Петю. Она устала любить портрет Бельмондо, который висит на стене, и… полюбила Петю. А какая ей разница — ей что Петя, что Бельмондо… А потом еще кого-нибудь полюбит — у Сони целая куча кавалеров вечно торчит под окном… В тексте были замечательно ернические строчки про этих кавалеров, сейчас помню только:

Они стоят как фрачный бамбук…

Белкин весь этот бамбук выкинул, остаток залил елеем.

Делон с Бельмондо срослись у меня в голове гораздо раньше появления «Бананарамы». Которая, если не ошибаюсь, и всплыла-то в Союзе только с перепевкой «Шизгары» («Venus»), но это уже 87-й, другие времена…

Есть еще одна «двойная песенка», про двойственность которой, наверное, следует рассказать. Два текста, которые тоже написаны были разом, и в какой-то мере один продолжает другой. Первый называется «Падал теплый снег». А второй — «Я хочу быть с тобой».

Настя Полева, Илья Кормильцев и Егор Белкин. Фото Александра Коротича

И это опять про несовпадение смыслов. «Я хочу быть с тобой» стала — во всяком случае, на время — воплощением «попсы» в стройных наутилусовских песенных рядах. И много была ругаема. Но текст написан не про то, о чем попса. И чтобы его понять, нужно рассматривать его именно как второй — по смыслу и по времени.

Илья тогда трудился переводчиком у итальянцев, которые строили кирпичный завод в городе Ревда. Маленький такой городок под Свердловском. Где все друг друга знают. И вышел там скандал с трагической окраской. В гараже нашли два трупа — парень и девушка. Умерли, занимаясь сексом в машине. При включенном двигателе и закрытых дверях гаража. Задохнулись. «Нас погубит твой мятный запах»…

Город маленький, «у нее был муж, у него была жена»… Ну и произошли по этому поводу всякие неприятные события, которые, как я понял, перекрыли «в общественном сознании» сам факт двойной смерти. Отсюда…

Они плыли по теченью
Оно их принесло
Нагими на холодный стол <…>
В комнате с белым потолком
С правом на надежду
В комнате с видом на огни
С верою в любовь…

Так оно сливается воедино. «Я хочу быть с тобой» — это про морг песенка. С его специфическим душком. Она, конечно, и про любовь, но это потом. Сперва — про смерть. Крик над телом мертвой возлюбленной. Отсюда все это «садо-мазо» — «ломал стекло, как шоколад в руке», «резал эти пальцы» и т. д… «Ромео и Джульетта», сцена в склепе.

И уж кстати. Где-то в начале девяностых Илья посчитал, сколько девушек претендует на роль прототипа лирической героини песни про «Я хочу быть с тобой». Получилось 64 или 74 (не помню точно, сколько десятков, но не меньше). Из сказанного не следует, что все они были любовницами, хотя подобное заявление самому Илье очень бы понравилось. Далеко не со всеми у него приключались романы — причины собственной «прототипичности» измышлялись девушками с удивительной извилистостью аргументации, однако же вывод всякий раз был один: «Это он мне посвятил». Девушек было много, Илья был

феноменолог и систематизатор, он составил список. При этом хихикал. Не без удовольствия. Подмигивал. Он знал, что я знаю.

Не очень понимаю, зачем это пишу, но я помню девушку, которая была прототипом.

Высокая, крупная, несколько мужиковатая. Некрасивая. Курила плохие сигареты и залихватски водила раздолбанный автомобиль «Москвич». Была одним из первых кооператоров в той самой Ревде. Роман случился короткий и бурный. Потом разлетелись. А песня осталась — ей написанная песня.

Я хочу быть с тобой…

Может, тут и не место, но еще один момент. Тексты Ильи я цитирую, что называется, «с авторской пунктуацией». Он никогда не ставил в поэтических текстах никаких знаков препинания. Что меня, приученного к точкам и запятым, раздражало. О чем я ему сообщал. Очевидно, с излишней регулярностью, потому что однажды он положил передо мной листочек с каким-то стихотворением и сказал: «Давай, расставь свои запятые». Я расставил запятые, добавил немного точек и даже какое-то — прости, Господи! — тире… Илья долго, с тяжким сомнением и некоторой даже брезгливостью разглядывал плод трудов моих, затем отбросил листок и сказал: «Нет, я так не буду».

В переводах и прозаических текстах он прекрасно разбирался с запятыми, ставил всякие точки и т. п., но в поэзии их чурался. В чем с точки зрения поэтики был совершенно прав. Я это понял много позже. Но это уже другая тема — не будем грязнуть в литературоведении.

17

Он многажды в разных интервью говорил, что не может читать стихи. Не свои — чужие. Что это слишком тяжелый для него труд, что они его изматывают. Так оно и было, но один род поэзии он читал и читал…

У Ильи было два поэтических столпа — Саша Черный и Алексей Константинович Толстой. Сашу Черного он читал без книжки — помнил наизусть. И хохотал заразительно. Даже над тем, что мне казалось несмешным. Он очень любил «Ошибку»:

Это было в провинции, в страшной глуши.
Я имел для души
Дантистку с телом белее известки и мела,
А для тела —
Модистку с удивительно нежной душой…

Ему нравился этот вертлявый «кубик Рубика». И выход:

У дантистки твоей,
У модистки твоей
Нет ни тела уже, ни души…

Хохот…

Четвертый том четырехтомника Алексея Константиновича Толстого, где стихи, был у него потертый, остальные — нет. Мрачновато-иронические абсурды Толстого повергали Илью в хохот и недоумение. Хохот — это понятно, а недоумение было вот от чего — Илья иногда останавливал чтение и говорил: «Никак не пойму, почему они это печатают?!»

Удивляться было чему. К примеру, в черновиках к «Порой веселой мая», в книжке, изданной в Москве (!) в 1963-ем году (!), черным по белому было отпечатано:

Они, вишь, коммунисты,
Честнейшие меж всеми,
И на руку нечисты

По строгой лишь системе…

Тут был повод для недоумения. И это только один пример, а у Толстого их там… Но однажды Илья сказал: «Я понял. Они печатают, потому что сами это не читают! И они уверены, что никто читать не будет!»…

К чему это я? Стихи Ильи обычно воспринимаются как нечто ожесточенно серьезное. А в них столько иронии — злой, издевательской, пронзительной. Юмор у Ильи был замечательный.

Не знаю, что по этому поводу думал Слава, человек и сам-то наделенный поразительным чувством юмора, но его интерпретации всегда несли в себе изрядную порцию стеба, но скрытого (хочется сказать, законспирированного). Который слушающими массами плоховато считывался.

Гораздо позже Илья написал, а Слава спел:

Правда всегда одна
Это сказал фараон
Он был очень умен
И за это его называли
Тутанхамон…

Народ, надо сказать, отнесся к этому утверждению как-то слишком уж серьезно. И время от времени кто-нибудь на сей счет заговаривал… После таких разговорчиков Илюша ржал, говорил: «Ну, как они не знают, а?! Тутанхамон был злобный имбицил! Так всех достал, что его и удавили в юном возрасте! Он был И-ДИ-ОТ!!!»…

Впрочем, дело-то обычное. Напиши про идиота, что он умен, так и войдет в историю… А где там ирония, «кто кому сарказм» — поди разберись…

18

Илья был пылкий юноша, а в библиотеке деда стоял Светоний 33 года издательства «Academia» в переводе Кончаловского с предисловием Адриана Пиотровского. Предисловие, впрочем, было аккуратно из книжки вырезано — враг народа написал…

Так вот, пылкий юноша и Светоний не могли не встретиться. Книжку юноша проштудировал «от и до» и не по разу. Любимым героем Светония у Ильи был Калигула. Странно? Нет.

Калигула — это чудовищных размеров всеримский балаган. Тот редчайший случай, когда фигуры Царя и Шута совместились в одном лице.

Илья обожал его шутки. И про «жаль, что у римского народа нет одной большой шеи, чтобы можно было отрубить одним ударом»… И при поглаживании женской шеи: «Какая славненькая шея… Захочу, ее отрубят»… Историю британского похода Калигулы, когда дошли до того, что потом стало Ламаншем, но переправляться не стали — «А зачем?»… Взяли в плен каких-то беглых британцев, двинулись обратно, а чтобы пленных, которых на триумф не хватало, было побольше, нахватали по дороге галлов. А чтобы галлы были похожи на британцев, почему-то перекрасили их в рыжих. Ну и отпраздновали триумф…

Илья Кормильцев, Александр Пантыкин, Андрей Макаревич. Фото Александра Шишкина

Одну шутку он повторял чаще прочих: Калигула возлежал за трапезой, а с двух сторон от него лежали два консула. И вдруг Калигула расхохотался. Консулы ждали — он хохотал. Они вежливо подхихикивали, но ничего не понимали, пока сам Калигула ни пояснил: «Вдруг представил — сейчас хлопну в ладоши, и вас обоих удавят»…

«Представляешь, что у них на физиономиях было?! — хохотал Илья. — Вот не зря его плебеи обожали! Вообще, плебс его считал немного сумасшедшим, но таким "хорошим сумасшедшим". Он же их не трогал, он патрициев резал — плебеи это любят»… Надо признать, плебеи больше Калигулы из ранних императоров любили только Нерона. Его Илья не очень жаловал. Наверное, за глухую рефлексирующую интеллигентщину, свойственную Нерону (меня, признаюсь, именно это к Нерону всегда и привлекало).

Калигула был ему близок именно перехлестом, «перебором» во всем, что этот император творил. Ну и потрясающим чувством юмора — не только проговариваемого, но реализуемого действием, что редкость. Пусть реализация была дикой и странной. Было, было здесь родство натур…

19

Библиотека деда была одним из главных достояний юного Ильи. И находилась она в самом, быть может, любимом в то время для Ильи месте — в квартире бабы Гали. Дед незадолго до того умер, Илья к его памяти относился почти с благоговением…

В квартиру бабы Гали Илья приходил только в то время, когда сама баба Галя была на даче. Приходил не один, с ним приходила толпа народа; на кухне открывали бутылки, в малой комнате на широкую старую кровать бабы Гали ставили палатку; пили, говорили, спорили; время от времени какая-нибудь парочка удалялась в эту палатку… И однажды баба Галя не совсем вовремя вернулась с дачи — в квартире посторонние, на кухне пьянство, в спальной на кровати палатка, где именно в тот момент кто-то занимался любовью… Кончилось весело; Илье вход был запрещен. Но он приходил. Правда, после этого нужно было тщательно скрывать следы посещения. А Илья приходить в эту квартиру любил очень.

Это была квартира деда. У которых с Ильей было взаимное обожание. Илюша родился слабеньким, потому дед завел дачу на Торфянике, такой поселок в самом подсвердловьи. Дачи в те времена были или государственные, или никаких не было, так что поступок деда был довольно-таки отчаянным — то были не «шесть соток», а настоящий дом в деревне, большая редкость. Там Илья рос. Забавно, но метрах в трехстах, на горке, стояла дача Шуры Пантыкина, который тоже там рос. Но до «Урфина Джюса» Илья с Шурой не встречались.

Так о квартире… Дед Ильи к описываемому времени уже скончался, но квартира была полна чудес, богатств и таинств. Богатства эти Илья очень любил. Там были книги… Старая библиотека с томиками «Academia», у которых были вырезаны страницы с предисловиями всяких Бухариных и Каменевых. Там была дореволюционная «Всеобщая история, обработанная "Сатириконом"»… Илья мог бесконечно перечитывать первую часть, писаную Тэффи, Аверченко почитывал, остальных недолюбливал. Там было…

Но лучше остановиться, а то погрязну в библиофилии. Книги Илья всегда обожал. Хотя позже пришел к идее: «Книги — тараканы интеллигенции». Говорил: «Где появляется интеллигент, там начинают размножаться книги; их нужно вовремя выбрасывать»… И верно: последние годы у него были только два шкафа с книгами. Состав полок постоянно мутировал,

но число книг в квартире оставалось постоянным. Но это позже, а тогда…

Еще были марки. Дед был филателистом. Среди марок были редкие, были очень редкие. Илья очень гордился парой марок, выпущенных правительством Врангеля в Крыму. Говорил, что стоят они целое состояние. Да и вообще, отношение к квартире бабы Гали было у него достаточно утилитарное. Там столько всего можно было продать! Особое благоговение вызывала «курица» — огромная, выше метра, газетница в виде фазана с распущенным хвостом, куда следовало засовывать газеты. Курица была из серебра. Целиком. В те времена все были нищие, так что «курица» искушала со страшной силой. Время от времени Илья начинал планировать, как он ее продаст. И марки. Да и книги — чего уж!.. А сама квартирка в центре города?.. А дача?!.

Одна была проблема — владела-то всем баба Галя! И унаследовать это все должен был отец Ильи. Или сам Илья?.. И тут была забавная интрига, потому что баба Галя все время переписывала завещание. То «квартира на Илью — дача на отца». То наоборот. То опять все менялось. Илья нервничал. На самом-то деле, баба Галя, уже очень пожилая женщина, пыталась этим крепче привязать к себе сына и внука. А они оба были странные.

Илья был мажор. Дед был довольно крупным партийно-хозяйственным деятелем, который знавал всяких «великих мира сего» (в смысле, «того» — советского). Один мой друг, ныне сам «старый еврей-экономист» (разумеется), в молодости работал под началом деда Ильи. И часто вспоминал, какой тот был замечательный руководитель. Передавал Илье, с которым знаком не был, приветы и предложения написать про деда книжку. Я передавал «дальше», Илья хмыкал. Не написал. Но тут есть забавная перекличка — однажды, уже в «нулевых», Илья вдруг сказал: «Хорошо бы кто-то написал честную книгу про старых советских руководителей — они же были совсем не такие, как теперь рисуется»…

Так вот, он был мажор. Отец — доктор геолого-минералогических наук, профессор. Илья и сам-то всю жизнь был странен, но отец, как мне помнится, переплевывал в этом сына, что называется, «на раз». Высокий, крепкий, когда приезжал на дачу в нашем присутствии, говорил: «Здравствуйте», — после чего брался за тачку или за лопату и работал. Молча, упорно, долго. Когда заканчивал, говорил: «До свидания», — и уезжал. Не помню, чтобы хоть раз он сказал что-нибудь сверх того. Сюда же подверстывается Женька.

Евгений Кормильцев. Любимый человек. Единокровный брат Ильи, то есть отец у них был один, а семьи разные. И между семьями какие-то сложности, так что братья друг с другом были до зрелых лет не очень-то знакомы. И вот начинается рок-клуб, и появляется Женька — поэт «Апрельского марша». Тексты пишет. Илья тоже пишет. И тексты эти многим похожи. «Нутром» похожи, стилистикой, тематикой… Хотя совсем разные. Илья начал злиться. Ему казалось, что Женька ему подражает. Или копирует… И ему это не нравилось. Они с Женькой сталкивались в те времена, но как-то нечасто и нервно.

И вот однажды пришел Илья. Задумчивый. Сел и сидит. И время от времени вскидывается: «Ну, блин, генетика»… «Вот, блин, генетика»… Я поинтересовался, чем ему генетика не угодила. Оказалось, он был в гостях у отца. И там впервые узнал, что отец, оказывается, тоже писал стихи. Которые и дал ему почитать. Чтение Илью просто расплющило. Стихи отца, стихи Женьки и его собственные встали в одну линейку — они были слишком похожи. Генетически похожи. Илья сидел и дулся — «Ну, блин, генетика»…

После этого они с Женькой сошлись моментально. Это было обоюдное обожание — как, наверное, с дедом. Но начал я о бабе Гале…

Наполовину немка (ее матушка звалась Маргарита Карловна Лемке). Высокая, статная блондинка, очень красивая. Я знал ее весьма пожилой, но ощущение красоты исходило от нее мощное. Красоты и строгости. При ней хотелось молчать. Ну, скажем так, «не вякать». Илья часто вспоминал фамилию Лемке и очень любил свою осьмушку немецкой крови. Остальная кровь была в нем русская, но время от времени немецкая осьмушка восставала, и он начинал играть в эдакого бюргера. Причем в Германии его по виду принимали за своего, чем он по приезде какое-то время гордился. Потом забывал, наступало время русской составляющей…

Сюда же знаменитый его пост в сети про русских. Там он много чего наговорил, но любому критику хочу сообщить: это написал русский. Пост, на самом-то деле, отчаянный. И это отчаяние было в нем, внутри. Это и о себе пост.

Но про бабу Галю и драгоценности ее квартиры… Умирала она тяжело и долго. Илья был далеко, ходила за бабой Галей его вторая жена Маринка. Куда делись книги, марки, «курица», не знаю… Илье до них дела уже не было — улеглись мальчишеские «страсти по курице». Илья не был жадным, не был стяжателем. Что было — прошло. Многое прошло…

20

Но — к исторической реальности. В начале 85-го произошло одно из главных событий в жизни Ильи. Кормильцев встретился с «Наутилусом».

Казалось бы — вот оно! Оркестр — тутти, тарелки — «Бздыщ»!!! Случилось! Произошло!..

Понятно, что на самом деле ничего не произошло. «Наутилус» еще не был «Помпилиусом», да и вообще, его еще не было. Слава с Димой Умецким решили сделать запись. И тут поучаствовал Илья, организовал интрижку. Мы с Димой Тариком значились тогда звукарями в «Урфине Джюсе», и вот Илья пригласил нас «чаю попить». В чем была изначально легкая подлянка — Илья с Тариком почти не общался, а тут эдак официально, мол, «вы оба, в восемь вечера, у меня дома»… Ладно, пришли, сели чай пить. Тоже странно — если уж пить, то не чай… Но пьем. Звонок в дверь. Илья вышел, переговорил с кем-то, вернулся: «Вас там ребята в подъезде ждут, поговорить хотят»… Я, грешным делом, дрогнул — если уж в подъезде ждут, то не говорить, а морды бить — как-то так было принято. Но деваться некуда, пошли в подъезд. Там стояли Слава с Димой. Оба длинные, худющие и какие-то испуганные. Про себя уже я сказал — был не шибко отважен; нормальным был, видимо, только Тарик, но у него по физиономии я никогда ничего понять не мог.

Леонид Порохня (на первом плане слева) и Дмитрий Тарик (справа), март 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

Они предложили записать их альбом. Мы согласились. Илья организовал встречу… Детектив какой-то, честное слово.

Альбом «Невидимка» интересен тем, что именно он создал «из ничего нечто». Не кто-то из участников записи создал «Нау», но альбом. До него не было ничего, и вдруг стало. Дитя получилось какое-то нежданное, может, даже незаконнорожденное, но оно было уже дитя. И никто не знал, как к нему относиться.

Однако мы не про «Нау», а про Илью. Его участие в этой истории ограничилось тремя деяниями: свел звукарей со Славой и Димой, сходу придумал «Помпилиус», потому что «Наутилусов» было много, но про моллюска знал только Илья. И дал текст «Кто я? Где я?». Вот и все. На записи я его не помню, он приходил, но был как-то непривычно незаметен. Впрочем, от той записи вообще мало чего в памяти осталось. Туман какой-то. Дней десять угара. По окончании я вернулся домой, где мне сообщили, что у жены за это время аппендикс вырезали, кроха-дочь лежит неухоженная — «Так где ж ты был»?!.

Вспоминая «Невидимку», следует, наверное, отметить вот что: «выстрелили» три песни: «Последнее письмо» («Гудбай Америка»), «Князь тишины» и, хотя и в узких кругах, «Кто я? Где я?». Первая — слова Умецкого, вторая — стихотворение венгра Эндре Ади; третья — слова Кормильцева. Ни одной Славиной песни. А их там было…

Я как-то в общеобразовательных целях пытался почитать одной весьма симпатичной девушке Славин текст про «гепард гоняет стадо». Отбиваться она принялась уже на втором куплете. На третьем это стало опасно для здоровья, текст я не дочитал. Там были странные тексты. Да и весь альбом был странен. Но «шороху» в Свердловске он навел изрядно. Только в Свердловске.

Вскоре после записи я поехал в Москву, остановился в общаге у общего архитектурно-рок-н-рольного друга, художника Сани Коротича, который тогда был в МАРХИ в аспирантуре. В общажной столовой шла дискотека, и Саня вознамерился во что бы то ни стало «крутануть "Невидимку" братьям архитекторам». Дождавшись паузы, Коротич сказал какие-то слова про новую рок-группу из Свердловска, которая очень архитектурная и обязательно всем понравится, затем поставили запись. Ответом было не просто «ничего», а «полное ничего». Ноль. Даже Коротич

растерялся. Что с ним редко случается…

«Невидимка» была для «внутреннего пользования». Ее обсуждали не с точки зрения материала или исполнительского мастерства, а в контексте «все-ж-таки-жив-наш-рок-н-ролл». И Кормильцев относился к ней довольно холодно. В тот момент он писал слова на рыбу Егора Белкина — будущее «Около радио». Казалось, это важней.

21

В то же время происходила примечательная активность, которую можно назвать параллельной рок-н-рольной жизнью. К музыке отношение она имела косвенное, но именно она вскоре привела к созданию Свердловского рок-клуба. Это были собрания и обсуждения. И почти все рокеры (реальные, потенциальные, а также сочувствующие) в них с большим энтузиазмом участвовали.

Есть милые такие фотографии, где свердловские рокеры топчутся то перед управлением культуры, то перед каким-то райкомом комсомола, потом заседают в просторной комнате — все улыбающиеся, почти счастливые. И обязательно кто-то «держит речь». То Андрюша Матвеев, то Илюша Кормильцев. А перед ними — рокерский народ. Счастливые — это видно. Все эти «собрания и обсуждения» продолжались года полтора, и весной 86-го произошло долгожданное открытие рок-клуба. А дальше все пошло не совсем так, как ожидали рокеры.

Рок-клуб, как ни крути, был некоей организацией, а значит, кто-то должен был ею руководить. Президентом стал Коля Грахов, но это закономерно — Коля задолго до того был рок-энтузиастом и рок-пропагандистом. Появились всякие инстанции вроде худсовета. И появились какие-то люди, которые к року отношения не имели никакого, кроме гуманитарного. Люди были славные — умницы, симпатичные. С ними дружили, с ними советовались, они что-то решали, потому что — это важно! — каждый из них, в отличие от рокеров, был «с правом голоса». Какого-нибудь, но голоса. А рокеры были без права оного.

Не требовалось большой прозорливости, чтобы понять, в какой конторе они работают. Точнее, «на какую контору». Впрочем, надо отдать им должное — они не шибко лезли и практически не мешали. А рокеры получили зал в шикарном Доме культуры им. Свердлова. В самом центре города — центрее не бывает! И возможность три-четыре раза в год устраивать нечто вроде фестиваля. Куда могли даже пригласить своих знакомых. Но! — строго по пригласительным.

«Урфин Джюс» на I фестивале Свердловского рок-клуба, 21 июня 1986 года. Фото Олега Раковича

Это была почти революция. Рок-революция. Но, как это всегда бывает после революции, руководить пришли люди, которые ее не совершали. А закончилось рок-движение в тот момент, когда эти люди стали исчезать один за другим. Не «вообще исчезать», а из рок-клуба. Году в 89-ом, когда Комитет государственной безопасности потерял к рок-музыке какой-либо интерес. Сперва исчезли эти симпатичные люди (я не иронизирую — я и до, и после дружил с некоторыми), затем исчезли некоторые «подпорки» — финансовые и организационные, на которых держался рок-клуб. И скоро стало ясно, что рокеры сами по себе ни организовать, ни профинансировать это все не могут. Рок-клуб как-то еще влачил свое существование, но это было уже «не то». И он сдох.

И это до сих пор жаль. Было много групп, которые могли существовать только в искусственных рок-клубовских условиях. Сами по себе они выжить не могли (по разным причинам). А группы были интересные. С исчезновением рок-клуба они должны были исчезнуть.

Вообще, самые талантливые часто оставались «за бортом». Выжили те, у кого хватало сил, желания и везения на то, чтобы рваться наверх.

Должен признать, присутствие КГБ в рокерских рядах ощущалось всегда. Однако было оно не таким, как теперь

представляется. Илья очень любил рассказывать историю о том, как появился в «Урфине Джюсе» один человек… Пересказываю, ибо сам свидетелем не был, хотя человека знавал впоследствии.

«Урфин Джюс» в лучшие годы был эдаким клубом по интересам — кто-то играл, кто-то стихи писал, а кроме них приходили и уходили люди многие. И паспорта у них не спрашивали, местами работы не интересовались… И появился симпатичный такой парень — грамотный, умница, вино пьет с удовольствием… Да и хорошо — пили с ним вместе. И однажды на пьянке кто-то что-то брякнул про Советскую власть. Просто так брякнул, для красного словца.

И этот парень говорит: «Ребята, послушайте, я из КГБ».

И настала пауза. До-о-олгая пауза… Парень объяснил.

Сказал, что узнал «на работе», что к группе «Урфин Джюс» собираются приставить специального человека. Могли приставить какого-нибудь дурака, которых и в этой конторе всегда было предостаточно, и стал бы этот дурак по любому поводу всякую ерунду писать; парень вызвался сам. Дальше он сказал: «Я же вижу, вам вся эта политика "по барабану", а от нечего делать не надо при мне ерунду говорить — я буду обязан об этом докладывать, а я не хочу».

И больше при нем никто ничего такого не говорил. Но пили вместе и дальше. Потом куда-то он пропал. Видимо, на другое место перекинули… И никто на него зла не держал — свидетельствую.

Рокеры не были антисоветчиками. Именно потому, что изначально не были «махрово-красными» — большинство истых антисоветчиков пришли на путь истого антисоветизма из махрово-красных, а не из западников. Рокеры были какими угодно, но никак не махрово-красными, и когда их обвиняют в антисоветизме — не покупайтесь на эту утку. Чего не было, того не было. Любить Совок — нет, не любили. Его никто не любил — от доярок до секретарей обкомов. Совок в те времена напоминал чем-то эдакого постылого сиротинушку — все его вроде как по головке гладят, да никто не любит. В каком-то смысле, это его и сгубило. Да и не за что его было любить. Но чтоб тельняшку на себе рвать, лезть с ним в драку?.. Не стоил он того.

Впрочем, если быть точным, нужно помянуть одного человека — единственного из свердловских рокеров, который схлестнулся с Совком нешутейно. Его звали Алекс. По фамилии Фикс-Шимель, хотя в начале 80-х он был по жене Мальцев. Из старых хиппи — длинный, волосатый, бородатый, улыбчивый, несколько наивный.

Эдакий прихиппованный Дон-Кихот. И был он старшим братом одной красотки с совершенно фантастическими ногами… (О чем это я? Ну, не мог не вспомнить — это ж какие ноги-то были!..) Алекс был свердловский, но жил в закрытом городке Снежинске («Челябинск с какой-то цифирью» — не помню точно). И там со своим приятелем — Игорь, кажется — они записали альбом под маркой «Бэд Бойз». «Гимн» назывался. Сейчас считается, что это был самый радикальный антисоветский альбом в истории советского рока (кому интересно, читайте «Александр Кушнир, "100 магнитоальбомов Советского рока"» — там все подробно сказано).

Что считали в КГБ, я не знаю, но разделались с ребятами тихо и жестко. Тихо, потому что старательно избегали скандала — замяли. И как-то там все очень сурово произошло, подробностей не знаю. Хотя — да, никто не сел, ничего такого чрезмерного не было. У Алекса как-то быстро случился канцер, он умер, но это позже. А в Свердловске после альбома от него шарахались.

Повторю еще раз — не было среди рокеров истых антисоветчиков. И никто не хотел, чтобы его в таковые записали. Признаюсь честно — я тоже шарахался. Алекс улыбался застенчиво и ничего не понимал. До сих пор стыдно, но — было, было… И хотя я в то время регулярно читал анонимки на самого себя и неплохо представлял, как нас пасут, это не оправдание. Все равно стыдно.

А время было совсем не вегетарианское — 85-й год.

Сейчас как-то «по умолчанию» считается, что в 85-ом началась Перестройка, тут же покатились всякие свободы, стала «расцветать» рок-музыка… В исторической реальности этого не чувствовалось. А даже и наоборот. Перестройка поначалу называлась «ускорением», ее объявили на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 85-го; 26 апреля рванул Чернобыль, а 7 мая вышло «Постановление о борьбе с пьянством и алкоголизмом», по прочтении которого один старый умник из философских сказал: «Все, конец, к власти пришли кретины».

Это было чудное постановление! Все о нем говорили, но немногие читали, а зря. Там была забота о том, чтобы всех мужичков, которым предстояло бросить пить, снабдить вместо стаканов столярным и слесарным инструментом, авто- и мотозапчастями, полуфабрикатами изделий культурно-бытового назначения, а также требовалось увеличить поставки «всевозможных некондиционных материалов, облагороженных и специально подготовленных деловых отходов промышленного производства, необходимых для занятий техническим и

художественным творчеством».

Перед глазами вставала картина: мужик отставляет стакан, берется за напильник и с невыразимым упорством начинает заниматься техническим творчеством (не путать с онанизмом!). Поразительно, но народ это нечитанное им безумие как-то даже одобрял поначалу. Из гуманитарных соображений… Кто ж знал, чем оно кончится?.. Впрочем, были и такие, кто это внимательно читал, им было ясно — дело опять пахнет керосином…

Но жить-то надо!

22

А жить хотелось комфортно. Разумеется, ни о какой жизни посредством рок-н-ролла думать не приходилось, и вот здесь впервые наметилась развилка, которая в жизни Ильи сыграет роль, быть может, самую важную. Во-многом, решающую.

С одной стороны, он писал стихи. На них кто-то время от времени писал песни, которые дальше как-то расходились по головам слушателей. Если присмотреться внимательно, весь процесс от начала до конца глубоко иррационален. Его нельзя спланировать, он происходит сам по себе, по каким-то своим законам.

С другой стороны, Кормильцев всегда был гедонистом, был трудоголиком и человеком глубоко рациональным. Он хотел жить, жить хорошо и хотел все это скрупулезно планировать. Нетрудно догадаться, что при любой попытке планирования стихи вместе с рок-н-роллом отбрасывались, а планируемая деятельность направлялась совсем в другую сторону.

И надо отдать Илюше должное — он умел ставить цели и добиваться их. Всего год произучав итальянский, он уже работал переводчиком-синхронистом на строительстве кирпичного завода. И подрабатывал техническим переводом. Зарабатывал по тем временам очень даже изрядно. Он вдруг стал состоятельным человеком! Это было лето 86-го.

И тут приключилась та самая развилка — «Наутилус» записал «Разлуку». Где большинство песен было на стихи Ильи. «Разлука» шарахнула не хуже бомбы. Все это еще не пахло деньгами, но ситуацию изменило удивительно. И жизнь его стала меняться совсем не рациональным образом.

Повторюсь, это было прекрасно, но не рационально. Что било по мозгам. И не только Илюшиным. Било серьезно. Один человек, близкий к Илье настолько, что имел право не просто советовать, а требовать, несколько позже, в самый разгар наутилусомании, требовал весьма категорично, чтобы Илья бросил этот рок-н-ролл и занимался только переводами. Потому что это надежный и приличный род занятий. А «Наутилус» — это «черт знает что»… Илья «Наутилус» не бросил, но на переводы налегал, как мог. Он тоже был не слишком уверен в «Наутилусе». Во всяком случае, тогда.

Эта развилка прошла через всю его жизнь. Он умел зарабатывать деньги, изрядные деньги — «Наутилус» приносил куда больше. Он умел писать прозу, драму, умел переводить, умел издавать — «Наутилус» перешибал все. Он всю жизнь

стремился к рациональности, но совершенно иррациональный от начала до конца рок-н-ролл был важнее, прибыльнее, значимее.

Временами Илью это бесило, временами — озадачивало, но сделать с этим он ничего не мог. Как ни старался…

23

Впрочем, я забегаю вперед. Перестройка вяло раскачивалась, с нею начались какие-то поездки, фестивали… В Ижевске мы с Ильей жили в одном номере. Это где-то 87-й, наверное.

Утро, Илья выходит из номера и сразу возвращается со словами: «Там один местный идет к Пантыкину с бутылкой "Рижского бальзама" — мы просто обязаны ее выпить! Приготовься!» И выскакивает из номера. Как именно и к чему следует приготовиться, я не понял. Но на всякий случай приосанился.

Илья вернулся через пару минут, за ним вошел какой-то парень. Вошел неохотно, как-то он мялся и пытался не слишком афишировать бутылку с бальзамом, но спрятать ее от наших глаз он объективно не мог. Илья был сама любезность, активно говорил, предлагал парню присесть — тот был вынужден согласиться, однако посматривал на дверь, всем видом показывая, что ему некогда.

Александр Пантыкин, 4 апреля 1985 года. Фото Дмитрия Константинова

Но Илья говорил и говорил. И посматривал на бутылку. Парень помялся-помялся и предложил нам отхлебнуть по чуть-чуть, а потом, он, мол, пойдет, у него дело есть. Илья согласился, мы отхлебнули, парень попытался уйти, но Кормильцев завел какую-то очень сложную логическую конструкцию, тянувшуюся и тянувшуюся. Парень сел обратно, чтобы не прерывать поэта. К

Илье он явно относился с уважением. Илья говорил и посматривал на бальзам. Парень вздыхал и наливал. Так мы «усидели» этот бальзам, после чего Илья хлопнул в ладоши и сказал, что нам пора на фестиваль. И предложил парню еще заходить, «если что»…

Как бы то ни было, до Пантыкина бальзам не дошел. Кормильцев был очень доволен.

Чуть раньше был фестиваль в Казани. Поехали «Урфин Джюс» и малоизвестный тогда «Наутилус». «Урфин» должен был выступать на второй день к вечеру. Утром Илья куда-то исчез и вернулся с тремя симпатичными местными парнями. И сухим вином в количестве двадцать одна бутылка. И мы сели это пить. Илья сказал: пока не допьем, из номера не выйдем. Жили мы втроем — Илья и мы с Димой Тариком, звукари «Урфина Джюса». В общем-то, десять с небольшим литров вина — не так уж много, но к началу концерта одна бутылка оставалась. Пошли на сцену, куда и попали с некоторыми перипетиями; там я обнес музыкантов — «по глоточку сухарика». При этом меня явно подматывало из стороны в сторону. И это заметили организаторы.

По некоторым свидетельствам, это был один из лучших концертов «Урфина Джюса», но к его окончанию организаторами уже было принято решение от свердловчан избавиться. Виноватыми были названы звукари «УД», с чем я не шибко согласен, но и спорить особо не буду. И обе группы выгнали из Казани «в двадцать четыре часа». С такой именно формулировкой. Это был первый «серьезный» выезд «Наутилуса», Дима со Славой очень волновались, и именно их концерт не состоялся. Каюсь, виновен. Нас с Тариком в поезде подвергли остракизму. Кормильцев ходил и ухмылялся — сколько бы он ни выпил, по нему никогда не было это видно, так что его в срыве концерта «Нау» никому и в голову не пришло обвинять…

Собираясь с Ильей в путешествие, нужно было приготовиться к тому, что что-нибудь обязательно произойдет. Какая-нибудь туча. Не буду приводить список — слишком долго получится. Илья обязательно во что-то вляпывался. У него постоянно воровали документы. В местах, для этого не очень подходящих. То в Фергане, а это была уже другая страна; то в Испании, то еще где-то… Я — зануда, стараюсь везде поспевать вовремя. С Ильей я опаздывал и на поезда, и на самолеты.

Однажды вошли в купе на Ярославском вокзале, а там юная мадонна с младенцем. Который очевидно будет орать всю дорогу. Илья сказал, что он так не может, нужно «перебить» билеты, а если уж перебивать, то с купе на СВ, потому как купейных

билетов уже точно нет, а дорогущие эсвешные можно оправдать тем, что с младенцем ехать невозможно… Понятно, что перебивать их отправился я, а времена были давние, в кассе дикая очередь; не стану описывать всю цепочку событий, но в итоге поезд тронулся, я бежал по перрону, за мной бежала кассирша, которая в суматохе, мной там устроенной, просчиталась на деньги и хотела вернуть недостачу; а из открытой двери вагона торчала голова Ильи, он с интересом наблюдал за происходящим. В руках он держал мою дорожную сумку, которую клятвенно обещал выкинуть, если я за поездом не угонюсь. Я успел. Кассирша — нет. Потом нас пытались арестовать, но это уже другая история…

И чтобы закончить с алкоголем в путешествиях, еще история, свидетелем которой сам я не был, но Илья очень любил ее рассказывать. «Урфин Джюс» на фестивале в Баку завоевал первое место. Год 81-й, наверное. Естественно, по дороге в гостиницу зашли в магазин и попросили «Агдама». Бутылок 30 или 40, не помню точно. Продавщица сказала, что здесь его никто не пьет, потому стоит он очень давно, так что осадка в бутылках больше, чем должно быть. И поэтому она не будет им продавать «Агдам». Для тех, кто помоложе, поясню: «Агдам» — это был такой ядреный портвейн, употреблявшийся люмпенами. Ну, и музыкантами «Урфина Джюса».

Ребята с продавщицей не согласились и продолжали требовать «Агдам». Продавщица продавать его отказывалась до тех пор, пока не пришел кто-то из местных, бакинцев, и сказал: «Это парни с Урала, им можно». «А!» — понимающе отозвалась продавщица и выдала парням с Урала не то тридцать, не то сорок бутылок «Агдама». В гостинице его выпили. Ночью было крупное землятресение. Его никто не заметил.

24

Однако к истории. Все-таки настал момент, и «Наутилус» рванул ввысь. Грохоча аккордами. Об этом я уже писал в жизнеописании «Нау», не буду повторяться — кто хочет, может почитать книжку. Здесь помяну вот что — это была страшная неожиданность. Для всех, но для участников — сильнее, чем для всех. Гораздо сильнее.

Как будто ребята залезли в ракету поиграться, а она взяла и полетела. С грохотом. Куда — неведомо. А выпрыгивать поздно. А никто ж не думал, что она летать-то умеет…

Нет, все правильно, они готовились, репетировали, мечтали о славе (каждый по-своему)… Но… никто ж не думал! Надо отдать им должное — внешне все держались неплохо. Внутри царили, да простится мне такая банальность, разброд и шатание. Происходили события, на которые никто не знал, как реагировать. И все было вызовом типа: «ну, хотели быть крутыми? — теперь вы крутые! — ну? — что дальше?»…

Встал вопрос: «Крутые — это как?». Ответ не знал никто. По всем раскладам выходило, что они, уже определенно ставшие звездами, должны бы стать какими-то совсем другими, а на поверку выходило, что они все те же, что и были. Что вносило в музыкантские души разлад страшный. Какова должна быть «крутизна звездная» никто не знал, приходилось искать пути какие-то знакомые, из прошлого, и удивительным образом на вчерашних мальчишек наваливалась «крутизна из подворотни», детский идеал. Они вдруг всем скопом стали хамить (за исключением Ильи — он и без всякой звездности хамил постоянно). Признаюсь, меня это ошарашивало. Еще вчера замечательные парни, с которыми три декалитра выпито, и вдруг…

Но это бы ладно, да и быстро прошло. Однако были другие проявления всей этой неожиданности, более серьезные по последствиям.

Концертный состав группы Егора Белкина. Казань, 1987 год

То был состав, который до сих пор именуют «золотым», но никто не знает, откуда взялось это наименование. С чего это он такой золотой? И самое интересное, что связано с этим составом, это скорость, с которой им самим происходящее разонравилось. Ракета только взлетела, но уже шли разговоры о том, что все плохо, что все надо менять, что «надоело»… Об этом говорили часто и страстно. Им не нравилось играть и не нравилось, как они играют. К публике относились почти с презрением. Друг к другу — еще хуже. Плелись какие-то интриги, устраивались заговоры, хотя интриги были мелкие, заговоры рассыпались сами собой сразу же после сговора о заговоре. Разумеется, Илья, скандалист и интриган по призванию, во всем этом с жаром участвовал.

Забавно, но большая часть всех этих интрижек сводилась к тому, что «золотой состав» нужно немедленно распустить, а потом собрать новый, который будет лучше золотого. Не знаю, какой они хотели. Платиновый? Бриллиантовый? Знаю, что золотой им ужасно не нравился. А это 88-й год, постоянные разъезды, стадионы, огромные залы, гостиницы, неустроенность…

Тут произошла историйка, на которую вряд ли кто обратил внимание. Кроме Кормильцева, разумеется. Играли с какой-то финской группой — скорее всего, это был «Гидиапс», но могу ошибаться. Помню, что финны. Ну, типа, «западники», настоящие рокеры… Приехали эти рокеры, вышли на сцену и перепугались. Зал был какой-то (по нашим представлениям) не шибко и

большой — тысячи на три народу, но финские ребята до того играли только в клубах. Оказалось, за свою карьеру они ни разу не выступали перед публикой в количестве более двухсот человек. Ни-ког-да. И ребята натурально пытались смыться с выступления. На которое билеты проданы. Илья, разумеется, участвовал в их увещевании, с ухмылкой рассказывал потом, что финны посчитали наутилусов очень даже суперзвездами, коль скоро ребята так спокойно осваивают такие огромные по финским понятиям залы… Где-то даже позавидовали…

Но наусы сами себе совсем не завидовали. И даже наоборот. Было полное ощущение, что ребята сели на какую-то не ту ракету. Они были всем недовольны. И когда Слава сделал то, к чему его последний год всячески склоняли — разогнал состав, они были тоже недовольны. Я не зубоскалю — их было жалко. Их ракета взорвалась.

25

Часто приходилось слышать, что у Кормильцева «взрывной характер». Добавлю: у него и привычки были взрывные. Точнее, взрыво-технические. Илья был бомбист-любитель. Впрочем, как многие химики. Чаще всего уже в младших классах люди, пристрастные к этой науке, начинают делать взрывные устройства, а в старших завязывают. Илья не завязал.

Жил он в то время в переулочке без названия, который выходил на Саперов; там, на задах 1-й Городской больницы, стояла заброшенная трансформаторная будка — такой сталинский ампир, высоченная, с громадным проемом от давно утраченных ворот. И когда мы отправлялись куда-нибудь из его дома, Илья часто отбегал к этой будке, заглядывал внутрь, нет ли кого внутри, после чего бросал туда нечто, которое сам именовал «la bomba», затем быстро возвращался, и мы шли дальше. Сзади раздавался… иногда хлопок — Илья комментировал: «Мало». Иногда — сильный хлопок, Кормильцев кивал удовлетворенно и молча шел дальше. Порой — натуральный взрыв, тогда он кривился и говорил: «Много»…

Занялся он изготовлением «ля бомб» в школе и вынужденно — его очень не любила местная шпана, а рос он на улице Щорса, куда посторонним в семидесятые лучше было совсем не заходить, но и местным жилось трудно. Особенно щуплым юнцам интеллигентского происхождения. Таким, как Илья. Доставалось ему и его друзьям, таким же интелям, изрядно, и Илья разработал первую свою «шариковую бомбу». Шарик от пинг-понга начинялся взрывчатой смесью, и в случае «наскока» швырялся в местных хулиганов. Оборонялись таким образом он сам и вся его компания, пока шпана ни выяснила, кто эти бомбы делает, и Илью даже притащили на разборку, где он с перепугу пытался взорвать местного «авторитета» — щуплого, прокуренного юнца, который там «шишку держал». Больше Илью шпана не трогала.

Это им самим описано в рассказе «Шариковая бомба и сержант Оол-Доржав». Первая половина рассказа скрупулезно автобиографична. В цикле рассказов, написанном им в конце восьмидесятых, есть еще один автобиографический — «Взятие Рейхстага штурмовой бригадой молочных тележек». Но что там было на самом деле, я не знаю: Илья однажды начал рассказывать, но сбился, помрачнел и смолк. Больше не поминал эту историю никогда. Не знаю, в чем дело…

Рассказы он начал писать на стыке 88-го и 89-го, как раз после исчезновения «золотого состава». Он тогда много чего

начал. Написал пару пьес. Сел за перевод «Маятника Фуко» Умберто Эко. Ему страшно нравился роман, он мечтал его перевести и перевел огромный кусок — первую часть. Тогда же включился в издание журнала «МиКС» — «Мы и Культура Сегодня». Хороший был журнал. Особенно в то время… Тогда же сошелся со странным человеком, Антоном Баковым. Баков — личность весьма противоречивая, но он прирожденный авантюрист, чем Илюше страшно нравился. Не знаю деталей авантюры по созданию Мансийской республики, но Илья в ней участвовал с упоением. Рассказывал, что они даже гимн написали для этой республики, которой, разумеется, так и не дано было состояться. До сих пор интересно, Кормильцев писал слова этого гимна? Или кто?.. И что представлял собою этот гимн?.. Но сам Илья от этой истории был в восторге.

Он даже пытался стать телезвездой. Они с Шурой Перцевым вели чрезвычайно странное шоу на местном телевидении. Помню фрагмент, когда эти двое, как теперь бы сказали, «троллили» стул. Натурально. Перед камерой стоял стул (может быть, полукресло), вокруг него… не ползали, а как-то странно извивались будущий издатель и переводчик Кормильцев и будущий декан философского факультета Перцев. Оба довольно упитанные, оба явные умницы, они вились вокруг несчастного стула, произнося какие-то мантры сомнительной сакральности. Чего они от этого стула добивались, я так и не понял, но впечатление было изрядное. Равно как и бессмысленное, впрочем.

Сам Илья про это время сказал в каком-то интервью, что он «занялся вещами более интересными, чем писание песен». Скажем так: может, и не врал, но лукавил уж точно. Он был отравлен «Наутилусом». Который и просуществовал-то «в топе» всего два года, однако же яд проник глубоко. Род наркотика, который лишал покоя.

При том, что «Наутилус» существовал. В составе «Бутусов — Умецкий». В Москве. И материал, который они там записывали, и который Илье, кстати, очень нравился, включал и его тексты. Но…

Они записывались, играли, но Илью туда не звали. Он понимал: если дальше так пойдет, уже не позовут вовсе. Хотя в состав потенциальных получателей Премии Ленинского комсомола включили, как ни странно, троих: Славу, Диму и Илью. И демонстративно отказавшись от премии, он фактически сам себя из «Наутилуса» исключил. А значит, уже не верил в возможность в него вернуться. Как я понимаю, это и была основная причина отказа, а все разговоры о политической подоплеке такого поступка Кормильцева — это, что называется,

«свист художественной самодеятельности».

Хотя «запустил» эту идею, разумеется, сам Илья. По телефону, в интервью Би-Би-си. Брал интервью Григорий Нехорошев, кажется. Илья говорил жарко, но путано. Видимо, сам не очень продумал, что будет говорить. В темноте, потому что, когда зазвонил телефон, он зачем-то выключил свет. Никого из домашних, кстати, в квартире не было, но войдя в комнату, он плотно закрыл дверь… Ему было страшно. Скажу больше, я сидел рядом, мне тоже было страшно. Не знаю, почему. Связь была плохая, Илье приходилось орать в трубку. Напирал он на дурные свойства ВЛКСМ и почему-то на писателя Иванова, чья подпись каким-то образом попала на лист с указом о премии. Было ощущение, что писатель обидел Илью лично.

Забавно, но несколько лет спустя, когда Илья перебирался в Москву и жил, где придется, ему довелось пожить на Остоженке на одной площадке с писателем Ивановым. Илья жил в огромной коммуналке, пустой и бесконечной — обитаемыми в ней были две комнаты и немножечко кухня, коридор уходил куда-то в неведомые дали. Через стенку в такой же квартире, но некоммунальной, как раз и жил писатель Иванов. Невысокий, упитанный, всегда в костюмчике и с портфелем. И взгляд у него был пронзительно- неприятный. Не знаю, что там у них вышло, но как-то они сразу друг друга не залюбили…

Как бы там ни было, Илья отказом от премии себя из «Нау» как бы вычеркнул. Оставалось заниматься «вещами более интересными, чем писание песен»… И это было трудно. Как известно, актеры часто не любят свою самую звездную роль. Крупная удача нивелирует, выхолащивает, обессмысливает все остальные, не столь крупные. Иногда — «наперед». Отсюда «актер одной роли» — слишком звездная первая, которую заведомо «не переплюнуть», и после которой его уже никуда не берут, он «свое отыграл».

Илья оказался в подобной ситуации — за что ни возьмись, после наутилусовского угара годов 87–88 все казалось пресным. Но делать нечего, приходилось заниматься «вещами более интересными». Однако же и с ними дела обстояли «не ахти». Рассказы он не смог напечатать. Зато столкнулся с литературно-художественной жизнью Свердловска, где денег был «шиш», но чем меньше денег, тем выше конкуренция, как известно. Илью «прокатили по-полной». Отчасти поэтому он впоследствии старался сам заниматься делами издательскими — чтобы самому решать…

Пьесы никого не заинтересовали. Мансийская республика «накрылась» вместе с гимном. Телешоу с Перцевым

просуществовало недолго и кануло туда же — в никуда. Права на перевод «Маятника Фуко» были заранее отданы совсем другому человеку, и шансов их получить не было. Хотя переведенный кусок был, повторюсь, огромен. Илья давал нервные интервью и все еще редактировал журнал «МиКС».

И вдруг Дима со Славой расстались. Илья в этом не участвовал, избегал говорить о том, что происходит, тем более, что в этот раз все самое важное происходило без его участия. И вот они расстались. Кормильцев был счастлив.

26

Фильм со Славой в главной роли придумал Дима Умецкий. Жена его была сценаристкой, а дело было в Питере, потому был Ленфильм, и режиссером был назначен Виктор Титов. А это «Здравствуйте, я ваша тетя», «Клим Самгин» и так далее… Писался какой-то сценарий, потом Дима из Нау исчез, жена со сценарием, соответственно, тоже, а Титов с идеей фильма остался. И глубокой осенью 89-го появился Илья: «Будем писать сценарий!» Ну, будем — так будем, сели писать. Но с режиссером пообщаться нужно — поехали в Питер.

Много лет спустя, когда Титов умер, на Илью вышел его сын, который делал сайт памяти отца, и попросил написать что-нибудь вроде воспоминаний. Илья тут же «перекинул» задачку на меня: «Ты у нас писатель мемуаров, ты и пиши». Я посидел, повспоминал и говорю: «Илюш, а что писать? Титов был мужик потрясающий, но помню только, как мы у него арцах пили, и про стул. Писать-то нечего»… Илья согласился. Так и не написали ничего.

Стул был в доме творчества кинематографистов под Питером, куда Титов нас зачем-то определил на недельку, чтобы мы там вроде как творили.

Лучшие слова о творчестве, которые я читал, брякнул некогда Эйзенштейн, а записал за ним Шкловский: «Какие-то суки распустили слух о том, что есть радость творчества»… Но это так, по ходу…

И вот привез нас Титов в дом этого творчества… Виктор Абросимович (по кличке Барбосыч, которую при нем произносить было смертельно опасно) был мужчина исключительного обаяния, которого женщины обожали. Все и поголовно. Включая старушек на вахте в доме творчества. Они просто медом обтекали при его появлении. Обожание, на них написанное в тот момент, было истинно и совершенно. На что Илья обратил внимание. И привел нас Титов в какой-то «номер», очень сиротское помещение, о чем-то мы там поговорили, и Титов убыл. Кормильцев с облегчением плюхнулся на стул, стоящий у стенки, и стул под ним рассыпался на мелкие детали и деталюшки.

Это был январь 90-го. Время разнузданного мелкого жульничества, настолько повсеместного и всеобщего, что даже обижаться было неловко — ну, все так делают!.. Обычный трюк: люди «собирают» без клея развaленный стул и аккуратно выставляют в номере. Когда жилец на него садится, стул рассыпается, и жилец будет всяко должен за него заплатить.

Денег у нас не было до такой степени, что даже за стул в тот момент заплатить мы не могли. Мы озадачились.

И тут Илья вскинулся: «Барбосыч только что уехал!» — «Ну?» — «Видел, как они на него смотрели?! Пошли!» — и выскочил из номера. Я рванул следом. Илья домчался до столика администратора и заголосил: «Вы представляете, Виктор Абросимович только что сел на стул, и стул сломался! Это ж какой ужас — он мог ушибиться! Представляете, чем это могло кончиться!»… Ну и так далее.

Все это Илья даже не выкрикивал, а провывал в лучших традициях ветхозаветных стенаний; старушки из администрации поверили сразу. Заохали, забеспокоились за Титова, засуетились. Ну и стул нам поменяли заодно. И еще потом интересовались, как нам, нравится ли… Илья хмыкал. Стул продержался до нашего отъезда.

Ну и про пьянку, раз она пошла такая… К Титову на «совещание» явились как-то утром, часов в одиннадцать. Квартирка маленькая, запахи кавказские — питательные и восхитительные; Барбосыч был по матери карабахский армянин. На столе, соответственно, стоял «Арцах». Коего мы и приняли. Изрядно приняли. Так что в двенадцать стали уже прощаться. Виктор Абросимович высказал отчего-то желание нас проводить. Мы не поняли, но не отказываться же…

Вышли на улицу, прошли арку, и осталось нам перейти от жилого массива нечто вроде поля, засыпанного снегом, а там уж Коломяги, дом, где тогда сидел весь Наутилус. Ну, мы и пошли. По расчищенной дорожке — а снега вокруг было много. Титов стоял у арки и с каким-то сомнением смотрел нам вслед. Потом окликнул: «Ребята!» Мы встали, обернулись. И тут Титов произнес странную фразу: «Вы хоть за руки возьмитесь»…

Это была очень странная фраза. Некоторое время мы пялились друг на друга, пытаясь постичь ее смысл. На пару влюбленных мы ну никак не походили. Но Титов сказал — мы сделали. Взялись за руки и пошли дальше. И тут весь смысл титовского предложения стал очевиден. Нас то разносило в стороны, и только сцепленные руки не давали нам разлететься окончательно и пропасть под снегом; то нас бросало друг на друга, мы сталкивались, от чего нас бросало уже друг от друга, и только сцепленные руки удерживали нас на ногах… Так и шли. Титов постоял еще, глядя нам вслед, и ушел домой. Больше я его не видел.

Сценарий назывался «Никто из ниоткуда». Кино не случилось. Но это понятно — то было странное время, когда

деньги возникали из «ниоткуда», а потом их воровал тот самый «никто»; и так по кругу до бесконечности. Илье сценарий нравился. Я его с тех пор не перечитывал. Не знаю, может быть…

Удивительно, но это был, возможно, единственный случай, по поводу которого могу сказать, что видел Илью пьяным. Он мог не пить, мог пить, выпить мог много, порой очень много, делал это с удовольствием, но пьяным не был никогда.

27

Стоял январь 90-го, мы жили в доме «Наутилуса» в Коломягах, где должны были писать сценарий. Но мы не писали там сценарий, потому что Илья купил свой первый компьютер. На котором мы собирались писать сценарий, что было невозможно, поскольку на компьютере была игрушка «Load Runner», она-то и привлекла внимание музыкантов. Точнее, вызвала живейший интерес, компьютер у нас отобрали и всем коллективом, за исключением Славы, рубились в Load Runner.

Компьютер был удивительный, Илья привез его из первой своей поездки в Италию. Поэтому он был итальянский, фирмы Olivetti. Такой небольшой пластиковый чемоданчик сантиметров десяти толщиной, который открывался, внутри были клавиатура и черно-белый экранчик размером с почтовую открытку. Это был «лэптоп». Илья с неописуемой гордостью произносил: «Лэптоп!»… В нем была программа «Лексикон», посредством которой можно было писать по-русски, а нам надо было как раз по-русски писать сценарий, но музыканты еще с вечера отбирали у нас этот лэптоп и до утра резались в Load Runner. Экранчик был, повторюсь, маленький, не слишком яркий, один играл, остальные торчали у него за спиной, но дабы хоть что-то видеть, им приходилось прижиматься щеками буквально к голове играющего… Утром они не прекращали это занятие, а наоборот, продолжали.

Илью это бесило. Нет, с одной стороны, он был неимоверно горд, что его компьютер навел среди музыкантов «такого шороху», но с другой стороны, он тоже хотел получить компьютер в руки. И он шел скандалить. Музыканты играли и Илью игнорировали. Славы почему-то либо не было, либо он спал, так что в этой мистерии он совсем не участвовал. Илья скандалил и возвращался в бешенстве, тут же срывался, убегал обратно, там раздавались какие-то вопли, потом все опять повторялось, и наставал, наконец, момент, когда торжествующий Илья возвращался с лэптопом в руках. Закрывал за собою дверь, садился за стол, открывал лэптоп и начинал играть в Load Runner. Мне тоже давал поиграть. Но редко.

Нифига мы там не написали.

Но лэптоп был замечательный. После «Соньки», это было его первое крупное техническое приобретение. А сколько их было потом!..

Илья был идеальным сочетанием физика и лирика. Всевозможные, как теперь говорят, «гаджеты» вызывали в нем

вожделение почти сексуальное. Покупал он их при первой возможности, моментально осваивал и активнейше пользовал. Ну и маньячил, как всегда…

Ближе к весне дописали сценарий для Титова, собрались в Питер, сдавать. Илья сказал, что нужно «прилично распечатать», с каковой целью раздобыл где-то принтер. Раздобыл в последний момент — буквально перед вылетом. А билеты на самолет куплены. Я приехал к нему, стали печатать сценарий…

Принтер был на вид красивенький, небольшой, страшно оравший при печати и очень медленный. За дело он взялся уверенно, Илья ходил вокруг и от удовольствия потирал руки. Я смотрел на часы. Принтер работал, а время шло. До аэропорта еще нужно было доехать, там всякие процедуры, но принтер печатал со свой собственной скоростью и быстрее это делать не мог. Время шло. У меня в сумке лежали несколько экземпляров сценария, отпечатанных по-старинке, т. е. на машинке, но когда я попытался об этом заговорить, Илья сходу отверг идею тащить Титову сценарий в таком допотопном виде. Принтер печатал. Уже и Илья начал нервничать, но принтер не мог быстрее… В аэропорт мы примчались через полчаса после окончания регистрации, и вот тут уже Илья неистовствовал! Крыл матом все эти дурацкие процедуры и вовремя улетающие самолеты, крыл меня и все окружающее. В Питер ехали поездом.

Второй свой компьютер, который был уже почти похож на современные, он купил, как только увидел. Он называл его «ноутбук». В отличие от «лэптопа». Какая разница, я до сих пор не знаю, но у ноутбука был даже хард-диск, которого не было у Оливетти. Илья очень любил этот ноутбук. Загнал в него все тексты, которые смог. Ноутбук у него отобрали бандиты.

Натуральные бандиты — он прилетел ночью из Москвы, вышел из автобуса и двинулся домой по улице Декабристов; идти было минут пять. За мостиком через реку Исеть была проплешина, заросшая кустами, из нее выскочили двое реальных уголовников, ткнули ему в бок ножом — больно, хотя и не порезали, — и затащили в кусты, где избавили от денег и от ноутбука. Со всеми текстами, которые Илья в него так долго загонял…

На следующий вечер он пришел в бешенстве. И с бутылкой. Мы ее выпили. Илья достал ракетницу — не в виде пистолета, а трубочкой такой — и сказал, что сейчас мы пойдем этих бандитов искать. Почему-то он был уверен, что бандиты всегда «пасутся» на одном и том же месте… Я был, видимо, настолько пьян, что согласился. И мы пошли… Потом у меня часто вставал в голове вопрос: а что бы мы делали, если б мы их там застали? Два

интеля… С ракетницей… В виде трубочки… Борцы с бандитизмом… Слава богу, никого мы там не нашли.

Илья Кормильцев во время работы над проектом «Чужие», 1998 год. Фото Александра Коротича

От обожания гаджетов Илья избавиться не мог никогда. Он покупал компьютеры, принтеры, мониторы, аудио-карты… Разбирался в этих штуках до мелочей. Первый смартфон на моей памяти появился тоже у него… Он какой-то был «недосмартфон», очень ранний смартфон, но Илья им очень гордился. Пиком была история «Чужих», которую затеяли они вдвоем с Олежкой Сакмаровым; всю аппаратную подготовку к этому электронному проекту Илья с наслаждением взял на себя. Чего только ни появилось в его квартире на Нахимовском!.. Большая комната, вечно полупустая, поскольку в нормальной жизни Илья заходил в нее редко, была заставлена «под завязку» разнообразной аппаратурой — такая гиперсублимация первой его «Соньки». Илья был счастлив. И горд.

Проект «Чужие» провалился. Делась куда-то аппаратура… Удар был страшный. Но позже о нем.

28

В день, когда стало известно, что умер Майк Науменко, у нас была назначена встреча. У него дома. Я пришел. Илья был расстроен и нервен. Однако на сей раз он был как-то уж слишком расстроен, так что я решил, что у него что-то случилось. Стал спрашивать — он отнекивался. И тогда до меня дошло: «Это ты из-за Майка, что ли?».

Он сидел, смотрел обиженно куда-то вбок, потом сказал:

— Из всех из нас он был единственным настоящим рокером…

29 = 1

В августе 92-го в Сочи случился какой-то дежурный рок-фестиваль из разряда «потешить отдыхающих». Отдыхающими были все, включая музыкантов, их жен, детей, и даже одна какая-то теща затесалась, судя по рассказам.

Расселили всех в Абхазии, в каком-то санатории чуть ближе Гагры; поиграли, погуляли, покупались, собрались, поехали дальше. Все, кроме Кормильцева и жен музыкантов «Нау», коих числом было, если не ошибаюсь, шестеро. Кажется, были чьи-то дети, но ручаться не могу — не помню. Решили еще на пляже полежать, покупаться…

И лежали на пляже, когда показались в бухточке три катера — два побольше, один поменьше. А потом с того, который поменьше, по-над пляжем ударил крупнокалиберный пулемет. Илья впоследствии удивлялся, с какой скоростью, оказывается, человек может самозакопаться в песок. Рассказывая, нервно всхохатывал: «Думаешь, я один закопался? Там весь пляж закопался»…

Катера подошли к пляжу, с них запрыгали крепкие ребята с АКМ-ами, обмотанными цветной изолентой, улыбались, кричали: «Девочки, отдыхайте! Сейчас мы этих абхазов успокоим, будем вино пить, шашлыки жарить»… И бежали вверх, на дорогу. Два катера, которые побольше, торчали носами в песок, а маленький бросили, не заглушив мотор, и он медленно выписывал по бухточке замысловатые круги.

Так Илья попал на войну. Потом говорил, что теперь знает первый признак того, что война близко: люди разбирают на части свои автомобили. Сливают бензин, выкручивают свечи, выдирают провода — чтобы сразу было понятно, что машина не на ходу. Первое, что потребуют люди с оружием (все равно, свои или чужие) — автомобиль.

Ночью Илья вышел из дачки покурить. Стояла полная тишина, но рядом ощущалось какое-то движение; Илья не сразу понял, что прямо по территории санатория куда-то в горы идет целая колонна абхазов. С охотничьими ружьями, с какими-то доисторическими винтовками, на носилках несли раненых. Илья курил, они шли мимо, на него не оглядывались. В полной тишине.

А дальше начался цирк. Война, очевидно, где-то происходила — слышались отдаленные выстрелы, время от времени по шоссе

вдоль берега проносились машины с вооруженными людьми, в остальном все было как бы даже спокойно, но уехать было уже нельзя. И главное действо разворачивалось среди отдыхающих.

Илья, все так же нервно всхохатывая, живописал пару московских интеллигентов, мужа и жену, которые приехали купать в море огромного дога, потому что у того «ножки больные». Они постоянно звонили в Москву (междугородная связь работала), требовали, чтобы их отсюда забрали, хотя ребенку было ясно, что забрать их невозможно. Шли дни. Деваться было некуда. На Илье «висели» жены и дети.

Потом откуда-то появился автобус, который шел в сторону Сочи. Илья слишком поздно о нем узнал — когда прибежали, он был забит под завязку. Влезть даже под потолок было уже невозможно. Хотя там, под потолком, можно было рассмотреть дога с больными ножками — как-то его туда всунули. Илья с женско-детской компанией остался на месте; автобус с догом ушел.

А в остальном все было, как прежде — еда, вино, море, пляж… Потом появился Слава Бутусов — «Наутилус» отыграл концерты в Петропавловске-Казахском, все поехали домой, а Слава рванул спасать жену Анжелику. Бутусов, надо признать, время от времени совершал удивительно неординарные телодвижения, на которые способен только очень мужественный человек.

Выбрались странно — «девчонки» подговорили приехавших однажды грузин, те под дулом автомата заставили местного абхаза на «Волге» их забрать, в «Волгу» забилось восемь человек, плюс сам водила, и поехали. Абхаз их вез и все время твердил, что плохо это, теперь его точно убьют, домой не вернется. Илюша, когда рассказал об абхазе, помолчал и закончил: «Знаешь, мне было уже пофигу».

Мост через пограничную речку Псоу переходили под дулами, которые наведены были на них и с той, и с другой стороны. Илья рассказывал, нервно всхохатывая — видимо, там было очень страшно.

Меня эта история тоже зацепила — косвенно, но нервно. Был у меня друг, грузин, Дик Эсакиа. Человек исключительной интеллигентности — он мог говорить с людьми только так, чтобы никоим образом их не потревожить, потому всегда разговаривал с тоненькой такой улыбочкой. Но погулять был мастер и примерно в то же время затащил меня на какую-то пьянку. Народу было много, выделялся Тенгиз, так его звали, кажется. Молоденький грузин, лихо танцевал, флиртовал, улыбался… Погуляли сильно.

Я два дня отлеживался, потом появился, и Дик со своей улыбочкой спросил: «Помнишь Тенгиза?». А как не помнить, когда мы третьего дня на Маяковке гулеванили?.. «В госпитале лежит, — сказал Дик, — без ноги»…

«Как?! Что?! Почему?! Как такое вообще может быть?!» «А помнишь, он на следующее утро должен был в Тбилиси лететь?» Действительно, Тенгизу нужно было какие-то документы выправить, приходилось лететь… «Приехал домой, его там — раз! — и на фронт; в первый день на мине подорвался — нет больше ноги»… Дик говорил и улыбался — ему было очень плохо.

Я рассказал это Илье, тот помотал головой и сказал: «Жалко парня — главное, зря, все равно они проиграют». «Ты откуда знаешь?» — спросил я. Оказалось, Илья рассказывал про эту войну своему другу, замечательному историку, и тот спросил, кто больше похож на солдат, а кто — на крестьян. Илья сказал, что на крестьян похожи абхазы. «Значит, они победят, — сказал историк. — У солдат наступает момент, когда они останавливаются, у крестьян нет предела сопротивления»…

30

В начале 90-х Илья жил еще в Екатеринбурге, пытаясь заниматься «вещами, более интересными, чем писание песен». И в то же время новый «Наутилус» постепенно набирал обороты, методично обессмысливая все, что происходило с Ильей. Включая саму жизнь в Екатеринбурге.

Он плюнул на все и уехал в Москву.

В чем была своя забавность — «Наутилус»-то базировался в Питере… Он не поехал к «Наутилусу», он пошел в свою сторону.

Илья курил. Но думал о здоровье. Поэтому он бросал курить.

Бросал легко — без томительного мучительства, как это бывает с обычными курильщиками. Бросал и мог не курить очень долго. Мог целый год не курить…

Но раз в год наступало время, когда нужно было писать стихи для нового альбома «Нау». Это был знак нового времени — год он стихи для Славы не писал, потом садился и за неделю набрасывал штук двадцать текстов. Отдавал Славе и был еще на год свободен.

Но раз-то в год надо было писать… А писать без сигареты он не мог. Совсем не мог — не получалось. И тогда он начинал курить. Чтобы писать стихи ему нужно было курить — типичный пример профессиональной вредности — за такое стихотворчество молоко надо бесплатно давать…

С табачком стихи шли споро. Когда тексты для Славы были готовы, Илья с радостью избавлялся от обязанности их писать, но сразу бросить курить не мог. Курил еще некоторое время, томительно размышляя о здоровье. И когда размышления эти достигали кульминационной точки, он с наслаждением расставался с пагубной привычкой.

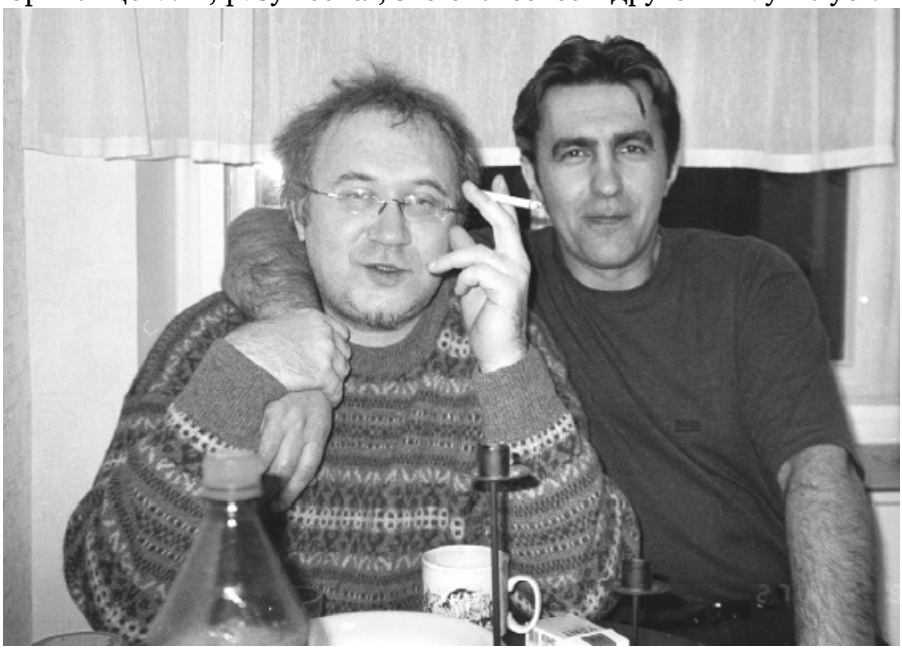
На год.

Главная претензия к Кормильцеву всегда звучала у окружающих так: «лезет во все дыры». И в этот нау-московский период жизни эта претензия высказывалась особенно часто. Да, он «лез во все дыры». Потому что ему делать было нечего, а ничего не делать он не умел.

Хотя поначалу пытался. Вел «простой образ жизни» — тусовался, валял дурака. И страшно этим маялся. Брался за переводы, бросал — тяжкая поступь «Наутилуса» в деле обессмысливания жизни Кормильцева давала о себе знать более чем убедительно. Переводы были тоже бессмысленны. Илья маялся. Вдруг уехал в Прагу. Пробыл там, наверное, год. Что он там делал, не знаю. Писал письма, присылал фотографии — дом

Кафки, старое еврейское кладбище, где «Я нашел таки Мойшу!»… Не знаю, кто был тот Мойша, но Кормильцев на снимке припадал к памятнику и был счастлив… Приехал он из Праги какой-то озверелый. И с жаром взялся за дело.

Коль скоро «Наутилус» все равно перетянул на себя практически всю его жизнь, а сама группа сидела в Питере, Илья, как странно это сейчас ни прозвучит, взялся за создание своего собственного, альтернативного «Наутилуса». Который был в Москве и мог находиться полностью в распоряжении Кормильцева. И, разумеется, это был совсем другой «Наутилус».



1999 год. Фото Александра Коротича

Так сложилось, что администрация группы с какого-то времени базировалась в Москве. Именно тут протекали всякие финансово-организационные процессы. Ни Славы, ни музыкантов здесь не было, зато были деньги, контакты, адвокаты, издатели, телеканалы и журналисты. Оказалось, тут есть чем заняться! Илья мог со всей страстью и без каких-либо препятствий рулить этим своим «Нау». Вот этим он и занялся. И, будучи человеком увлекающимся, нарулил изрядно всякого…

Повторюсь: это была исключительно вынужденная акция — ему было просто нечего делать.

31

А годики на дворе стояли 90-е, а рок тех времен варился в пучине шоу-бизнеса… И пучина та была весьма специфическая. Расскажу историю, которая к «Наутилусу» отношения не имела, но сама по себе слишком показательна.

Группа деятелей шоу-бизнеса ехала на встречу с другой группой деятелей шоу-бизнеса. Встреча обещала быть очень неприятной, потому деятели шоу-бизнеса ехали и отчаянно ругались. Ехали в бэхе по Проспекту Мира, встали на светофоре и увидели, что рядом стоит бэха, в которой, судя по всем приметам, должна сидеть та самая вторая группа деятелей шоу-бизнеса. Стекла круто затонированы, никого не видно, но из открытого люка в крыше несется песенка певички, которую контролировала вторая группа деятелей шоу-бизнеса. Взбешенный этим, представитель первой группы деятелей шоу-бизнеса достал из-под сиденья гранату, высунулся в люк, выдрал чеку и закинул гранату в люк бэхи, откуда неслась музыка. Водила дал по газам, ушли на красный. Но для порядку заехали на место, где была назначена встреча, и были очень удивлены, потому что увидели там такую же черную бэху, а рядом — вторую группу деятелей шоу-бизнеса. Это было неожиданно. Ну, провели стрелку, разъехались, и только потом кто-то спросил: «А мы кому гранату в бэху закинули?»…

Это был такой шоу-бизнес. К счастью, с «Нау» все происходило как-то попроще, не так криминально, хотя однажды Илья со Славой (кто-то там еще был — не помню точно) лежали в студии носами в пол, а над ними прохаживались, матерясь, люди с АКМами… Но это была чужая разборка — наши просто под руку подвернулись.

Впрочем, и своих приключений бывало в достатке. Илья очень любил историю, как однажды нужно было из Москвы в Питер отвезти деньги — зарплату музыкантам. Сумма была изрядная, а замдиректорствовал в группе бывший спецназовец, милейший человек с некоторыми причудами. Называть не буду, чтоб не задеть как-нибудь; я к нему отношусь с большой симпатией. Деньги везти поручили ему, что естественно.

Задача была простая — сесть в поезд на Ленинградском вокзале, выйти из него с деньгами на Московском вокзале, раздать деньги, вот, собственно, и все. Однако же Илья, знаючи причуды замдиректора, решил сам все проконтролировать и поехал с ним на Ленинградский вокзал. Замдиректора зашел в

поезд, помахал Илюше ручкой; Илья дождался, когда двери вагона закроются, поезд тронется, и спокойно отправился домой. Утром позвонили из Питера — замдиректора в вагоне не оказалось. Его встречали и не встретили. Появился он к вечеру, с деньгами, ухмыляющийся…

Оказалось, замдиректора, убедившись, что довольный Кормильцев тронулся по перрону восвояси, выпрыгнул из поезда и двинулся в Питер своим манером. А он любил мотоциклы. Любил супернавороченные мотоциклетные костюмы, невероятные какие-то перчатки-краги, шлем у него был черный и совершенно фантастический… И вот он все это надел и рванул в Питер. И на рассвете где-то за Валдаем у него лопнуло переднее колесо. На изрядной скорости. И вместе с мотоциклом он улетел в чистое поле.

Упал ловко — он же спец! Но делать что-то надо, а вокруг — никого. И где-то за полем разглядел замдиректора деревушку, тронулся туда, а самый рассвет — народ-то спит. Не считая ветхой старушонки в каком-то дворе. Замдиректора пошел к старушонке, та увидала его — высоченного, в костюме, в крагах, в шлеме; упала на колени и жарко стала умолять «дорогого товарища инопланетянина», чтобы он ее не трогал. «Товарищ инопланетянин» ее успокоил, мол, не трону, но «я к тебе, бабка, мотоцикл в сарай поставлю, так смотри, чтоб с ним ничего не случилось, а то»… Старушонка поклялась охранять мотоцикл лично, «никому ни слова» — и так далее… И ведь сдержала слово — когда замдиректора за мотоциклом на грузовике приехал, бабка «стояла на посту»…

Понятно, что это была не единственная история из подобных, и Илья в них с упоением участвовал. Он был полноправным членом администрации «Наутилуса», хотя единственный из этой администрации не получал за работу деньги. Трудился из личного интереса. Он умудрялся находить общий язык с откровенными жуликами, бандитами и полубандитами, оставаясь все тем же рафинированным интеллигентом. Я уж не говорю про «гуманитарную» публику — с ней-то он всегда был «на одной волне»… По степени многоплановости и вовлеченности «во все» это был, пожалуй, самый насыщенный период его жизни.

По степени, назовем это так, «творческой» — самый, быть может, «бедный». Как сказано, стихи он писал для Славы раз в год, а все остальное время он их не писал. Переводил, но так… для гуманитарного самоуспокоения. В сравнении с переводческими объемами, которые он выдавал в начале «нулевых», объемы середины девяностых — это ничто. При том что «гуманитарная его кипучесть» никуда не девалась, и это был момент удивительно интересный именно тем, что его «носило» из стороны в сторону, швыряло из крайности в крайность, и все эти крайности были лишены видимого алгоритма.

Однажды он за два часа разгромил гумилевскую «Теорию пассионарности и этногенеза» и заменил ее собственной, назовем ее так, «Теорией гиперадаптации этноса».

Гиперадаптация (термин из эволюционной биологии) — вариант патологической адаптации, неадекватная приспособительная реакция организма, избыточный адаптивный ответ. Чрезвычайно грубо процесс можно описать как «снос крыши» у организма в изменившихся условиях, когда организм пытается приспособиться к новым условиям, но делает это так рьяно, что получается «полный перебор». Что, собственно, и есть предмет теории пассионарности.

Гумилев описывал пассионарность как неодолимое внутреннее стремление индивида к деятельности, вызываемое «избытком биохимической энергии», вызываемой мутацией, возникающей под воздействием космического излучения. Нетрудно заметить, что в данной конструкции слишком много неопределенных элементов, а сама конструкция неверифицируема — проверить практически все факторы и их взаимодействие никаким опытно-экспериментальным образом невозможно.

Однако неодолимое внутреннее стремление к деятельности, зачастую сопряженной с жертвенностью, встречается довольно часто. В некотором смысле, Илья сам был пассионарий — быть может, потому тема его и интересовала.

Мне трудно сейчас воспроизвести всю конструкцию в деталях — дело было чуть больше двадцати лет назад, речь его была стремительна и извивиста, излагалось все бурно, но это было поразительно стройно и интересно. Вкратце это выглядело так: определенные социально-экономические перемены вызывают у определенного этноса гиперреакцию, которая дает ему конкретно

описываемые социально-экономические преимущества. Причем — и это главное! — избыточные. Причины могут быть разные — прорыв в экономике, в технологии, в социальной организации, резкий скачок популяции — и т. д., и т. п…

В результате, у этноса появляются избыточные возможности, которые «надо куда-то девать». Ну, а дальше начинается «свистопляска», описанная историками. Мирные этносы начинают воевать с окружающими — и с прекрасным результатом. Или заниматься самоуничтожением, что тоже «прерогатива пассионариев».

Илья очень любил пример с саранчой, о которой писал Гумилев. Ее ождают обычные кузнечики. Это дети кузнечиков, которых «отправляют к чертовой матери», чтобы под ногами не мешались и не жрали пищу, которой и без этих «детишек» мало… Саранча несется по миру, жрет все, но не размножается. «Детишки на беду всем, а себе самим — на вымирание»…

Все это напоминает историю одного из самых знаменитых пассионариев — Александра Македонского. Когда он завершил папенькины покорения в Греции, его просто «сбагрили» на Восток, чтоб дома не мешался. У него и папенька-то, Филипп, был слишком буен и не давал никому дома жить спокойно, а сынок грозился в этом деле изрядно папеньку переплюнуть; его и уговорили «завоевать весь мир». Александр был молод, уговорщику Аристотелю верил, ну и пошел. Нет, нет! Он завоевал (практически) весь мир, он принес культуру эллинов… черт знает, куда… Но остановился, когда индийский мудрец задал вопрос: «А на фига?»… Да чтоб дома тот же Аристотель, Олимпиада-матушка и вся братия могли жить спокойно! Выверты пассионарности…

В азарте Илюша несколько часов развивал перед моим открытым ртом чрезвычайно оригинальную, очень стройную теорию. Которая была определенно доказательней и логичней теории Гумилева. Потом смолк, собою очень довольный. И…

И все. Больше он к ней не возвращался. Я, сказать по чести, ожидал какого-то продолжения, исходя из того, что если уж такая замечательная теория появилась, с ней надо же что-то делать!.. Продолжения не было. Я подождал и поинтересовался, будет ли он дальше этой темой заниматься. Илья буркнул что-то невразумительное и сменил тему. Прошло какое-то время, я опять поинтересовался — результат был тот же. Однако же я при своем занудстве отличаюсь иной раз удивительным непониманием, граничащим с бестактностью, так что по прошествии нескольких лет я пристал к нему с вопросом, будет ли он что-то с этой теорией делать.

Илья взорвался. «На хрена я буду это делать?! Это сидеть, копать материалы, подбирать данные… Это годы работы! Кому это нужно? Зачем это нужно?! Не напоминай мне больше!»…

И все. Так скончалась Теория гиперадаптации этноса.

33

Мы сидели у него на Нахимовском и писали мюзикл по «Франкенштейну». Илья веселился — Франкенштейном почему-то принято именовать монстра, созданного слишком пытливым естествоиспытателем, но в повести Франкенштейном зовут самого естествоиспытателя. А монстра звать — Адам… В повести это не упоминается, но поинтересуйтесь — выйдет именно так.

Получалось забавно — продюсер Франкенштейн «создает» певца по имени Адам… Дальше — понятно. Но забавно. Композитором должен был стать Шура Пантыкин. Что вносило в проект сильный элемент эфемерности.

Со времен «Урфина Джюса» отношение Ильи к Шуре варьировалось от умеренной отвратительности до полной ненависти. С искусственно-национальным привкусом. Как только Илья вспоминал о Пантыкине, он становится антисемитом, хотя и ненадолго, потому что долго вспоминать о Пантыкине он не мог, а как только Илья забывал о Пантыкине, это проходило.

Иногда Илья шел с Шурой на мировую, но мне всегда казалось, с одной целью — чтобы потом с ним разлаяться, что он всегда проделывал с исключительным наслаждением. И потом долго, сладострастно Пантыкина материл. Совершенно незаслуженно, кстати… Это были «старые раны», что-то из прошлого, труднообъяснимое, немотивированное — подростковые травмы, которые по молодости легко забываются, но болят потом всю жизнь.

Александр Пантыкин и Илья Кормильцев. Фото Андрея Токарева

Нетрудно понять, что на сей раз все кончилось тем же — вчера мы еще писали «Франкенштейна», а сегодня Илья объявляет, что они опять расплевались. Ладно, сели пить. И говорить почему-то начали о пьесе Грибоедова «Горе от ума».

Пьеса блистательная, были фильмы, были постановки; и всегда оставалось подозрение — что-то тут не так. О чем пьеса? Со школы всем втемяшивали, что это критика гнилого царского режима. И всегда это было неубедительно. Чего-то не хватало — не в собственно пьесе, но в понимании пьесы. В общем, сидели мы, вяловато перебирали все, что о ней знаем, как вдруг Илья смолк, поднял палец и сказал: «Блин! Он же единственный среди них москвич! Грибоедов!»…

И это была правда — среди всей золотой литературной молодежи второго-третьего десятилетия 19 века Грибоедов был единственным исконным москвичом.

«Это про Москву пьеса!» — прошипел Илья.

Я крякнул. И было от чего! Москва — единственное в стране место, которое не меняется. Никак и никогда! Может меняться вообще все, однако же Москва остается Москвой, что бы ни происходило с ней и вокруг нее.

И тут у нас в головах всплыл фильм База Лурмана «Ромео +

Джульетта», который мы смотрели буквально на днях. А если?! Если Москва не меняется, значит и пьеса не меняется. И Грибоедов никуда не делся!

Дальше все «посыпалось» само собой. Что у нас с героями?.. Фамусов? Министр? Нет, замминистра… Годится. Софья? Маловнятная, волоокая, логика у девушки странная?.. На кокаине девушка! Молчалин — типичный референт из бывших комсомольцев! Ну, а московская публика какой была, такой осталась, это уж и вовсе без сомнений! Илья настаивал на том, что Чацкий — бывший диссидент-художник, уехавший в Германию в начале Перестройки и теперь решивший вернуться. Отвык, расслабился, решил «на контрасте» всех пообвинять, да и сам-то не шибко умен — ну и получи!..

И, конечно, самый главный элемент московской жизни — московские старухи. Ибо они правят миром под названием Москва! Попробуйте любому встречному задать вопрос, какими словами кончается «бессмертная комедия Грибоедова». И услышите: «Карету мне, карету!»… А вот и нет.

Фамусов:

> «Ах! Боже мой! что станет говорить
> Княгиня Марья Алексевна!»…

И это Фамусов! У которого все рухнуло, дочь — в деревню, Молчалина — в задницу, ну и так далее! И что же волнует его более прочего? Княгиня Марья Алексевна…

Мы подтянули текст и стали «тестировать» его на «московитость». Стихи «выскакивали» сами собой и ложились в современность. Хлестко, броско и точно. Получалась не столько театральная постановка, но сценарий. Что-то набрасывали на бумажке.

Финал: совершенно пьяный Чацкий, одуревший от происходящего, бредет по Кутузовскому, а — осень, полурастаявший грязный снег под ногами. Чацкий, бурча: «Карету мне, карету!» — ловит тачку, плюхается внутрь; тачка срывается прочь от центра, на заднем стекле надпись: «Шереметьево»; камера поднимается, охватывая московскую панораму — Триумфальная арка, за нею — дома, дома, закат… И Чацкий на частнике валит обратно в свою Германию…

Мы как-то очень шустро «накатали» заявку, и я отправился показывать ее киношным людям. Заявку отказывались брать все. Практически не читая.

— Москва вишь виновата…

Москва, Москва… Илья прожил в ней пятнадцать лет. Москва его так и не впустила.

Хотел написать продолжительный трактат про московских старух, а это мои любимейшие персонажи в этом городе, но не стану. Отмечу только, что Илья с ними ладить не умел, да и не хотел. Единственная старуха, с которой Илья общался и к которой чувства имел наилучшие, это Наталья Леонидовна Трауберг. И если бы он уже в начале 90-х взялся за исключительно переводческую карьеру, он бы много добился. Но в те сытные «наутилусовские» времена он переводил «так, для души»…

И еще один момент, чтоб покончить с этой историей. Одна московская старуха уже, кажется, после смерти Ильи, говаривала, качая головой: «У Кормильцева всегда был жуткий уральский акцент»… Мелочь, но характерная. Старухе, кстати, было слегка за сорок. Тут очень важно не путать — возраст московских старух чрезвычайно вариативен. У Грибоедова Старухе Хлестовой 65, но в «Онегине» «старушка-мать» пребывала в возрасте 36–37 лет (по разным подсчетам). Настоящей московской старухой нужно сперва родиться, затем где-то к 30-ти «опериться», а там уж набирать мощь и влияние…

Так о Москве. Почему она его не приняла? Скорее всего, потому, что он так и не захотел играть по ее правилам. Не то чтоб Илья бунтовал против Москвы, хотя и не без этого; он вообще плохо подчинялся любым правилам. Это свойство даже государство иной раз готово простить (особенно таков был Совок, хотя там были свои «правила прощения»), но Москва такое не прощает. Никому и никогда. И беспрестанно напоминает тебе, кто ты есть. И по-крупному, и по-мелочи…

Как-то, уже в «нулевых», Илья потащил нас в «Полит-кабаре» на Брестской. Там можно было неплохо поужинать, а параллельно послушать нечто иронично-околополитическое. И все было мило, пока не пришло время их «коронного номера». В зал вышел мужичок в форме и образе старшего лейтенанта милиции и под сладкий аккомпанемент запел весьма мелодично:

Травы, травы, травы не успели
От росы серебряной нагнуться,
И такие нежные напевы
Отчего-то прямо в сердце льются…

Красиво пел. Упитанный «молочный» русак, щекастый, типичный по виду постовой милиционер. Переходил от столика к столику, где сидела над тарелками публика, а между словами песни «нормальным голосом» проговаривал мерзейшей скороговорочкой: «Документики приготовьте, пожалуйста… Паспорт предъявите, пожалуйста»… Проговаривал без особой интонации, довольно нейтрально, и тут же подхватывал дальше:

К милой подойду я, глаз поднять не смея
И от поцелуя, и от поцелуя
Словно захмелею…

Впечатление на публику было столбняку подобно. Не знаю, есть ли где-то в мире второй памятник гастарбайтеру, но у нас на Красных воротах он не зря стоит. Точнее, сидит (памятник)…

Певец-ментяра пел дальше, но вместо «милой» приближался к нашему столику, где пытались в этот момент ужинать человек восемь, все явно без прописки и регистрации. «С лица спали» до единого. Но мент-песнопевец двигался именно к Илюше. Который этот номер уже слышал, наиграно веселился и все же заметно менялся лицом. Движения стали нервными, дерганными; похихикивание — громче и отрывистей. Певец дошел до Ильи и проговорил: «Паспорт, пожалуйста». Илья полез в сумку и, очень ненатурально улыбаясь, отдал певцу паспорт. Тот его почему-то сунул в карман, хотя остальные «паспортины», которые ему предъявляли, возвращал обратно, окончил песню и ушел. Илья веселился на публику. Ему было нехорошо. Потом пришлось еще и паспорт вызволять, что было уж совсем глупо…

Но это был мелкий облом. Самая серьезная для него «от Москвы ответка» приключилась по завершении записи «Чужих». Проект явно получался, обстановка в студии, где заканчивали альбом, к финалу была почти ликующая… Дальше предстояла «раскрутка», а это — радио плюс СиДи. Но радио первее прочих. И здесь Илья, который на «Чужих» делал ставку очень серьезную, был в себе уверен. Он давал интервью «тут», давал интервью «там», приятельствовал почти со всеми ключевыми фигурами на тех радиостанциях, которые его интересовали, и рассказывал, где, как и когда он «двинет» онограммы.

Оформление Александра Коротича

Мы встретились на Пушке после его свидания с одним из ключевых персонажей молодежно-музыкального «продвижения». Илья был раздавлен. Он столько раз откликался на просьбы персонажа прийти и что-то там говорить в эфир… И тут получил «полный отлуп». И так было со всеми. «Чужие» на радио не попали полностью. Равно как и издать их получалось, разве что нарезав сидюки дома на компьютере. А сколько было знакомых!.. Практически, друзей…

И еще замечаньице — Илья в Москве так и оставался квартиросъемщиком. Долго жил в двухкомнатной на Нахимовском, над ним даже шутили, что он эту квартиру «купил уже три раза». Но купить ее даже не пытался. Хотя в некоторые моменты денег было для того достаточно. И когда задавали ему вопрос «почему», с обыкновенной ловкостью уходил от ответа. Потом снимал в Васнецовском…

Уезжал он из Москвы в 2006-ом с облегчением. И навсегда.

34

Кормильцев и наркотики… Эта тема в кругу знакомых и малознакомых обросла полусплетнями-полуслухами и с годами приобрела форму укоризненного полуумолчания. Но умалчивать тут особо нечего. Скорее — наоборот, мне кажется.

Не стану врать, тема наркотиков присутствовала где-то рядом с самого детства. Папиросы «Беломор» в магазине стоили двадцать две копейки, а с рук на вокзале — двадцать пять рублей. С чего б это?.. В подъездах пятиэтажек порой воняло эфиром — детишки развлекались. Не буду объяснять, как это делается, а то какой-нибудь дурак попробует… Впрочем, дураки и сами все знают… Но нас эта тематика как-то долго не касалась.

Мне до этой стороны бытия никогда дела не было, поскольку я — классический бытовой пьяница, а это, как уверял меня один завотделением из наркологии, лучшая защита от наркомании. Как и от алкоголизма, поскольку алкоголизм — это болезнь (врожденная), а бытовое пьянство — образ жизни (прошу не путать!).

У Ильи был забавный эпизод в молодости, когда они с однокурсником обнаружили во дворе 1-й Городской больницы склад баллонов с веселящим газом. 1-я городская была огорожена высоченным забором, отличавшимся исключительной дырявостью, и через ее двор «срезало» путь множество народу. Ну и Кормильцев ходил. С однокурсником. И вдруг сообразили, что ходят мимо «вон чего». При том что «это» стояло даже не в помещении, а просто так, под соснами, на железном подобии этажерки. Ребята немедленно «стырили» баллончик, ну и… веселились. Бодрил газ, но особенно бодрила запретность происходящего. Вернули пустой обратно и умыкнули еще один. Потом еще… Это была не наркомания — они ждали, когда кто-нибудь спохватится. Но никто не спохватывался, в чем и пришлось убедиться к вящему разочарованию самовольных пользователей. Интерес пропал — бросили они это дело… А «по жизни» Илья предпочитал бутылочку…

Но к середине 90-х наркотой вокруг стало попахивать «нешутейно». Вонять просто. И тут было, от чего встревожиться, поскольку подрастали дети, и даже людям непричастным стало ясно, что просто так эту тему «не объехать». И тогда Илья сделал вот что — он решил разобраться. И взялся за эту историю так же, как брался за любое другое дело — обложился книгами и стал читать. Он, напомню, был химик. Со склонностью к биохимии.

Прочитал все, что смог достать. После чего купил по одной

дозе всего, что смог достать. Только чистый продукт. Заставить себя влить в вену афганскую муть, которую мешали люди, не моющие руки от сотворения мира, он не мог — брезговал. Только чистый медицинский продукт. И попробовал все — ровно по одной дозе. После чего собрал детей. О чем именно он с ними говорил — не знаю, меня там не было.

Дети наши из поколения, сильнее всего пострадавшего от этой дряни. Просто сказать: «Ни-з-зя!» — Илья не мог, натура не та. Да и говорили эти слова своим детям практически все. Увы, желаемый результат был слишком редок. Как много славных детишек ушло в это «никуда»…

Так вот, никто из наших детей на наркоту не сел. И я до сих пор уверен, что роль Ильи тут очевидна.

Прекрасно понимаю: по прочтении этих строк кто-нибудь обязательно завоет о «факте преступления», посему хочу напомнить — то была середина 90-х, когда наличие дозы в кармане российского гражданина никоим образом не задевало Уголовный кодекс. Путаное было время — тогда это было можно. И никакого преступления Илья не совершил. А вот к «нормативной антинаркотической пропаганде» стал относится злобно-отрицательно.

Говорил: «Понимаешь, они везде трубят: "Наркотики — это смерть! Наркотики — это смерть!". И тут ловушка: какая-то сволочь подсовывает детям дрянь полегче, они пробуют, кайфуют чуточку, а у них спрашивают: "Ну, что? Смерть?". "Да нет, — говорят дети, — не смерть". Тут им подсовывают кое-что "покруче". Они пробуют — опять не смерть!.. И вот тогда им дают "тяжелятину": "Тогда давай это попробуй". А это уже смерть, понимаешь?! Эта пропаганда, получается, работает на наркодилеров!»…

К тяжелым наркотикам, которые суть смерть, он после своих экспериментов относился резко отрицательно. Была у Ильи такая крайняя форма раздражения по отношению к чему-либо, когда он говорить не мог, а шипел. О «hard drugs» он шипел: «Нельзя ни в коем случае!».

Не буду врать — если примитивную подмену эндорфинов морфином Илья отбросил сразу, с некоторыми сложными соединениями он еще поэкспериментировал. Потому что был химик, потому что был экспериментатор по натуре, потому что соединения были реально сложные. Но — поэкспериментировал, а потом химию отбосил окончательно. (От себя добавлю: повторять такие эксперименты не-профессиональным не-химикам не рекомендую настоятельно. И химикам тоже не советую — мало ли чего…) Однако результат был, и весьма неожиданный. У Ильи

появился музыкальный слух.

Дело в том, что у известного рок-поэта музыкального слуха не было. Совсем. Факт этот он хранил в тайне. С обстоятельством этим он пытался бороться, с каковой целью упорно играл дома на флейте. Во всяком случае, так он называл увесистую дудку с тремя дырочками, в которую дудел. Получалось немелодично, но громко; Илья не без злорадства шутил о том, как же, должно быть, он «достал» соседей этим воем…

Но слуха не было. А музыка была вокруг. И писал он стихи, дабы те легли на музыку. Которую он не слышал. Для меня поразительнее всего то, что Илья писал «на рыбу» для Насти Полевой, для Белкина… «Рыба» — это такой полуфабрикат, когда музыкант и певец, который сам стихи не пишет, наигрывает мелодию будущей песни на магнитофон и поет поверх нее абракадабру, мелодически, интонационно и «в размер» «предвосхищающую» будущие слова. Поэт — здесь лучше сказать «текстовик» — получает это мычание и вписывает вместо него уже собственно текст, полностью совпадающий с рыбой, совпадающий до единого слога. Это занятие для изощренных. Илья справлялся блестяще. Ка-ак?!

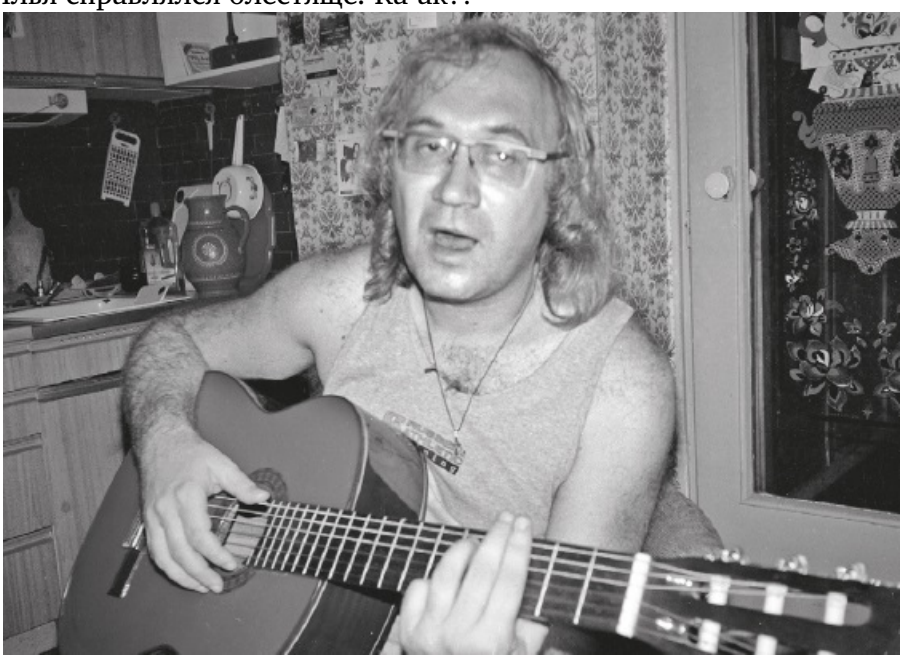


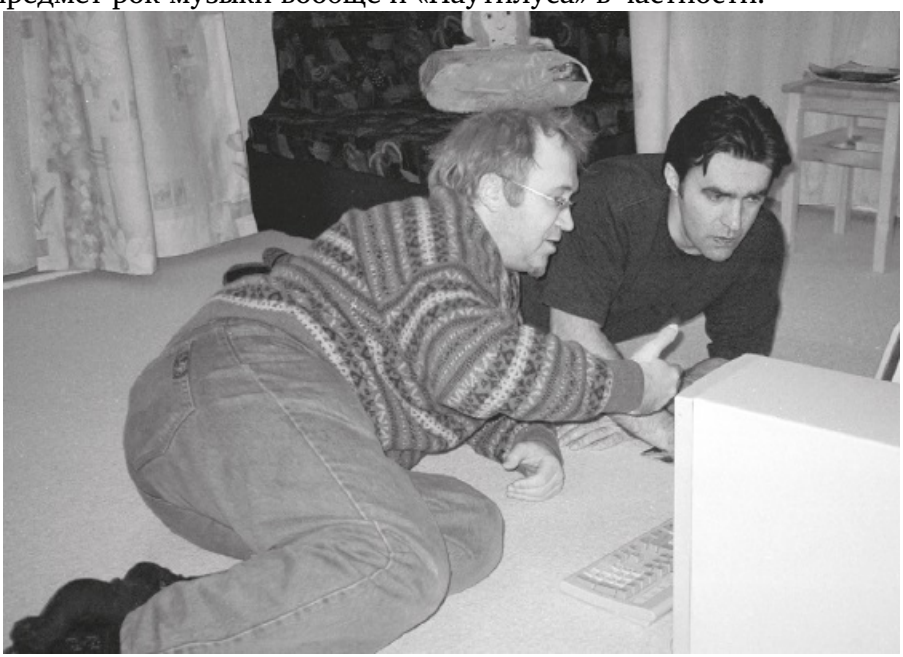
Фото Александра Коротича

И вот посреди жизни на него «рухнул» музыкальный слух! Дальше было весело, потому что это был Илья. На гитаре он научился играть за несколько месяцев. Собрал самоучители,

накупил учебных видео-кассет «с махрами», выучился играть так, сяк, даже классический блюз, о котором все мы мечтали в детстве, но который ни при каких «раскоряченных» на грифе пальцах никто играть так и не научился — думали, пальцы не так раскорячиваются… Оказалось, у них там строй на гитаре другой, что Илья быстро выяснил и «пилил по блюзу» с огромным удовольствием. Получалось лихо — я слышал. Да и вообще, после его пояснений это оказалось унизительно легко… Он освоил фортепиано — довольно прилично, хоть и не на профессиональном уровне. Даже сольфеджийный дар прорезался, Илья смог петь. И вот отсюда произошел самый, пожалуй, ценный для него проект в жизни — «Чужие». Но об этом позже.

Появление интернета привело его в восторг. Он был уверен, что наконец-то можно будет общаться с кем угодно без всяких ограничений. И тут же принялся приближать этот светлый миг.

Могу ошибиться, но сайт группы «Наутилус Помпилиус» стал едва ли ни первым персональным сайтом рок-группы в стране. Делал его, разумеется, Кормильцев, кто-то из людей знающих помогал ему по программной части. На сайте Илья моментально «завел» чат и приготовился свободно общаться с народом на предмет рок-музыки вообще и «Наутилуса» в частности.



Илья Кормильцев и Вячеслав Бутусов. Фото Александра Коротича

И люди в чате не замедлили появиться. Это была компания неизвестных юнцов, которые тут же задействовали площадку в виде именно чата — общались, но между собой, Илью вместе с «Наутилусом» игнорируя. Писали о своем, ругались, клялись в любви, переписывались, сговаривались, где и когда встречаются, куда идут, что будут там делать…

Поначалу Илья озадачился. В его планы это как-то не входило. Да и вообще, в то время было трудно представить, что

особой разницы между сетью и коммунальной кухней не будет… Илья сперва терпел. Потом пытался им втолковать, что здесь вроде как про музыку, где-то даже про «Наутилус». Ребята не обращали на него внимания. Илья стал потихоньку влезать в чужую переписку и уже прямо писал, что тут сайт не про сходку на Воробьевых, а про «Нау». Ребята его игнорировали. И продолжали игнорировать, когда он стал ругаться матом, метать громы и молнии… Им было наплевать.

При том, что Илья постепенно втягивался в их дела. Знал, кто с кем дружит. У кого с кем роман. Комментировал это все на кухне — саркастически, но с симпатией. Что-то в этом было от «стокгольмского синдрома». Однажды мы с ним должны были идти на встречу к назначенному часу. Он никак не мог оторваться от компьютера, где юнцы обсуждали какой-то очередной поход на Воробьевы горы. Илья одевался, потом сбрасывал куртку, подбегал к компьютеру, что-то читал, охал, писал. Потом опять надевал куртку, задумывался, бежал обратно… И только когда мы окончательно опоздали, вышел в подъезд, захлопнул дверь и выдохнул: «Вот же сволочи!»…

Чем эта история кончилась, не знаю.

Но это все «чудачества», а главным был «Наутилус». Он занимал практически все время и отнимал все силы. Хотя на вклад творческий у Ильи уходило примерно дней десять-пятнадцать в год.

Читаю часто: «Дуэт Кормильцев-Бутусов». Что забавно. Если это и был дуэт, то особенный — «поют» двое, которые друг друга не слышат, не видят и не понимают категорически. Из чего совсем не следует, что кто-то из них лучше, кто-то хуже — это безоценочно. Просто один без другого существовать в этой «песне» не мог, и наоборот. Потому обоим приходилось друг друга терпеть, что было непросто, ибо с какого-то момента они друг другу крепко надоели. Но друг без друга не могли. А вот в том, что они друг друга хоть сколько-нибудь понимали, я сильно не уверен.

Слава для Ильи был человек чуждый. Человек иной среды, иного образования, иного типа мышления. Человек, которого Илья плохо понимал. В прямом смысле.

Однажды пришел, отдуваясь, вытирая пот (буквально), будто мешки таскал. Сказал: «Ужасно устал». На вопрос, от чего, сказал, что ему пришлось полтора часа слушать разговор Бутусова и Шевчука. «Ты пойми, они оба художники, они мыслят линиями! А говорят словами! И мне их слова совершенно непонятны. Я их логику не понимаю! Полтора часа сидел, слушал — весь измотался!»…

У них была разная природа. Илья был мистик. В нем сакральная природа была сильна и слышна. И это не могло не распространяться на стихи. Их читаешь каждый раз «с новым смещением», они всякий раз видоизменяются. В них есть что-то от писаний из давних времен, про подобное говорил Аристотель, что его произведения «написаны и не написаны, опубликованы и не опубликованы». Из тех времен, когда высокое было не просто «не для профанов», но автору запрещено было делиться им с профанами, а значит, автор был обязан все смыслы закодировать. Илюшины стихи закрыты. И закрыты в изрядной степени. О чем, впрочем, сам он, наверное, не очень догадывался — ему-то все было понятно.

Ему было понятно, остальным — по большей части — нет. Отсюда попытки объясниться с музыкантами, т. е. крики, вопли и всяческие скандалы. Скандалил он во времена «Урфина Джюса» отчаянно; скандалил с Белкиным, когда делали «Около радио»;

с Настей не скандалил, потому что был воспитан и немножечко влюблен. Удивительно, но со Славой по поводу текстов он не скандалил никогда. Хотя шалел от его интерпретаций преизрядно.

Когда-то я писал про ошаление Ильи от Славиной интерпретации стишка про Алена Делона. Но это был далеко не единственный случай. И далеко не самый яркий. Их было много — и поначалу, и потом. Самой сильной, пожалуй, была реакция на нетипично простой для Кормильцева текст «Мне снилось, что Христос воскрес». Написан он был где-то в начале 80-х, а «озвучил» его Слава через десяток лет. Текст трагический; однако же Слава сделал нечто в духе бодрых ново-орлеанских маршиков с подтанцовкой, под которые там хоронят. Да еще добавил подъездно-пацанский припевчик, которого в тексте Ильи не было:

А мне сни-и-илось, что Христос воскрес…
А мне сни-и-илось, что он жив… (Повтор — 2 раза.)

По прослушивании Илья долго ходил в недоумении. Спрашивал настороженно: «А что он сделал?» Но! Со Славой он не скандалил никогда. Во всяком случае, иное мне неизвестно.

Он как будто «переваривал», «перетирал» в себе Славину адаптацию и через какое время соглашался с ней. Что и правильно, потому что — осмелюсь утверждать — она была единственно верной.

Бутусов производил десакрализацию текстов Кормильцева. Из закрытых он доводил их до профанного уровня публики. Я сейчас не ругаюсь, публика профанна по природе своей, что естественно и нормально. И если б не было Славиных интерпретаций, стихи Ильи до публики не дошли бы, а значит, не было бы «Наутилуса», не было бы хитов, не было бы популярности, денег… Да и просто — не было бы отличных песен. Как Славе это удавалось, если учесть, что тексты Ильи он очевидно не понимал? Точнее, понимал не так, как сам Илья? Ответ простой.

Слава — шаман. Шаман — всегда ретранслятор. Во время камлания он «принимает слова» свыше и доводит их до людей. Он не может сам придумывать эти слова. Он даже не понимает их, не может запомнить. В некоторых культурах шаманов «испытывали на подлинность» простым способом — если он помнил, что вещал во время камлания, он считался шаманом неистинным. Если не помнил ничего — ни слов, ни танца,

ничего! — это был знак истинности.

Слава «принимал» слова Ильи и «раскрывал» их музыкой и голосом. Давал им голос. Без Славы они чаще всего оставались «сокрыты», даже когда их старательно пели другие исполнители и сочинители (пусть да не обидятся на меня все, кто этим занимался и занимается).

Отсюда, кстати, природа не очень удачной, как мне кажется, Славиной карьеры после «Наутилуса». Шаман не рождает слова, они должны к нему «прийти». Когда Слава переходит на свои тексты, он лишается дара шамана. Утрачивает сакральное право быть шаманом. Поверь, Слава, не хочу обидеть. Так выкладывается.

А по жизни… Это был дуэт глухого с немым.

37

Впрочем, с некоторых пор они редко пересекались. Слава пел, играл, писал; Илья бегал, суетился, интриговал. Один в Питере, другой — в Москве.

Илья довольно быстро обеспечил себя репутацией опасного интригана. Тут спорить не буду — да, интриговал он с азартом и наслаждением. Продлевая логическую цепочку, окружающие были уверены, что Кормильцев своими интригами «наваривает» бабки. Большие бабки… И тут могу свидетельствовать — не было такого. Он был интриган по натуре, ему сам процесс нравился, а вопрос денег для Ильи всегда оказывался далеко не на первом месте.

Он был финансовый гедонист. Получал утонченное удовольствие от того, чтобы просто тратить, не особенно считая. Пил хороший виски, готовил вкуснейшую еду из — желательно! — качественных продуктов. Любил ездить, любил свободу, которую дают только деньги. Он любил само ощущение состоятельности, но… и все. У него никогда не было никаких заначек и накоплений. Полагаю, сама идея «скирдовать бабло» вызвала бы у него искреннее недоумение.

Два воспоминания «денежного» порядка…

Начало 90-х или самый финал 80-х. Рок-разговоры, всеобщее чувство перемен и собственной в них значимости (откуда что бралось, не знаю). Илья посреди какого-то жаркого спора о рок-н-рольной неподкупности хмыкает: «Ну, да, все мы тут не продаемся… Просто никому из нас не предлагали 250 тысяч долларов»… По тем временам это были чудовищные деньги. Разговор на том и кончился.

И еще, конец 90-х. Не помню, кого именно, но кого-то из олигархов (или полуолигархов) «добрые люди пустили по ветру». Илья (очень серьезно): «Это хорошо, что ни у тебя, ни у меня нет трех миллионов долларов — мы были бы неспособны их удержать, у нас бы их все равно отобрали»… Помолчал, вздохнул: «Вот это была бы катастрофа»…

А деньги вокруг крутились очень даже немаленькие… И совершенно жульнические. Он подробно описывал схему выпуска и дистрибуции каждого альбома — это было что-то чудовищное. Мне до сих пор кажется, что пришествие формата MP3 и повально-халявное скачивание музыки из интернета — это расплата музыкальной индустрии за безудержное и беспардонное наваривание во времена тотального CD. Какая там была

прибыль!.. Кто там только ни грел руки!.. Музыканты пребывали далеко не на первом месте, хотя и им перепадало совсем неплохо.

И «Наутилус» в этом смысле был достаточно обеспечен, в том числе, стараниями Кормильцева. Тиражи были приличные. Хотя Илью крепко задело, что самой продаваемой пластинкой «Нау», в конечном итоге, оказался саунд-трек к фильму Леши Балабанова «Брат-1». Для Ильи это был удар. Довольно чувствительный, судя по тому, что он не раз об этом заговаривал… Но это было гораздо позже.

Сергей Бодров и Вячеслав Бутусов. Кадр из фильма «Наутилус Помпилиус — Последнее плавание», 1997 год

А в то время, это 95-й, 96-й, происходила какая-то круговерть «всего в природе». Вдруг начались судебные процессы. Нет-нет, Илья сам ни с кем не судился, но постоянно рассказывал, что происходит на этом поприще. Кто-то отсуживал какие-то права, целые фирмы, проиграв процесс, исчезали за субботу-воскресенье, а их хозяева вдруг оказывались иностранцами…

Илья обожал Монти Пайтон, говорил, хохоча, что это единственный прецедент в истории, когда люди столько лет дурили мозги целой стране за счет налогоплательщиков посредством государственной корпорации BBC. В постпайтоновском мокьюментари «Ruttles» есть кусок про «эпоху адвокатов», когда все подавали друг на друга в суд, а псевдо-

Харрисон по недоразумению подал в суд сам на себя… Так вот, в тот момент и у нас творилось нечто подобное. Разумеется, Илья не мог в этом во всем не поучаствовать. Но опять гуманитарно — сам он ни с кем ни разу не судился.

Скажу честно, Илья и сам был великий мастер «парить мозги». Схемы, которые он порой выстраивал, ошарашивали своей неожиданностью и внешней нелепостью, но… работали. Да и вообще, метод ведения дел был у Кормильцева, скажем так, оригинален. В 96-м, кажется, мы делали CD-ROM-энциклопедию «Погружение». Про «Наутилус», что и так ясно… Где-то Илья нашел деньги, как-то он все организовал, все шло через него. С постоянными приключениями.

Однажды звонит из Москвы в Екатеринбург, бросает фразу: «Сейчас позвонит … (такой-то), пошли его на …». И бросает трубку после единственной фразы. Я шалею. Что там у них происходит, я не знаю, зачем, почему и какого рожна я должен «посылать» этого милого человека, понять не могу, а Илья не сказал. Но человек звонит буквально через минуту… И я начинаю что-то мямлить, соображая по ходу, что дело должно касаться неких организационно-денежных проблем, к которым я никакого отношения не имею. Ладно, как-то «заминаю» разговор, через час звонит Илья и сходу: «Ты его послал?» Я ответствую, что никого посылать не собираюсь; Кормильцев взрывается: «Идиот! Я же сказал тебе его послать?! Ты почему не послал?!» «Так что там у вас произошло?» — интересуюсь, наконец. «А вот это не твое дело!» — рявкает Илья и бросает трубку.

Но при всем этом деловом своеобразии у него необычайно много всего получалось. Факт.

Это было странное время. Все было хорошо. Очень хорошо. Как-то даже слишком хорошо… В воздухе веяло баблом и слегка — керосином. Что-то должно было случиться. Быть может, мне это сейчас кажется? Постфактум все мы провидцы. А может, и нет…

38

В 96-ом начался проект, который обещал быть в истории «Наутилуса» самым крупным, самым денежным, самым-самым… Впоследствии он получил название «Яблокитай». Историю, как работали над этим альбомом, подробно описал Саша Кушнир, повторять не буду. Пройдусь чуть-чуть по обстоятельствам, так сказать, «не главным». Косвенным. Но примечательным. Постфактум.

Хвала дирекции, денег под проект нашли не просто много, а очень много. Деньги — это свобода, так вот: в истории «Наутилуса» никогда до того не было таких возможностей для этой самой свободы. Но со свободой с самого начала не заладилось — она, как это всегда с нею бывает, оказалась не для всех.

Альбом изначально планировался как продукт дуэта «Кормильцев — Бутусов». Запись намечалась в Британии. Музыканты не планировались. Взамен возникла какая-то фантастическая фигура некоего «Продюсера», который все сделает за всех.

Говорили об этом Продюсере много, искать его взялся Илья. Несколько раз (если не ошибаюсь) ездил в Англию, встречался с какими-то знающими людьми, с продюсерами, вел переговоры… Он был счастлив. Он наконец занимался делами «на высшем уровне». Понятно, что на «продюсера высшего уровня» денег не хватило бы ни при каком раскладе, потому остановился Илья на Биле Нельсоне, экс-звезде глэм-рока, и убедил всех в правильности своего выбора. Года через полтора при упоминании о Нельсоне он начинал злобно материться, но так с ним почти всегда происходило…

В октябре 96-го Илья и Слава уехали на запись. Вдвоем.

Внимательный читатель наверняка обратил уже внимание на одну перемену, в нашей истории — сверхсущественную. «Наутилус» уже изрядное время существовал в двух ипостасях — музыканты и Слава (Питер) vs администрация и Илья (Москва). В раскладе «Яблокитая» музыканты и администрация исчезли, альбом писали двое — Слава и Илья. Две ипостаси «Нау» слились воедино. Чтобы распасться навсегда.

Уехали они вместе. Вернулись порознь.

Илья Кормильцев и Вячеслав Бутусов. Фото Александра Коротича

Ответ на вопрос «почему распался "Наутилус"», как мне кажется, куда проще, чем принято думать. Его срок кончился. Просто вышел срок. Все остальные обстоятельства, которых в этой истории было множество, суть явления сопутствующие, а не причинообразующие. Разные люди совершали разные действия, но они «шли в русле», а не формировали это русло. И все вышло так, как и должно было выйти.

Как говорят в английских пивных: «Time is up, gentlemen».

Илья, для которого происходящее было полной неожиданностью, довольно быстро понял, что проект кончился. Но продолжал биться. Не за какую-то реинкарнацию «Наутилуса», он бился за Славу. Не за «обладание Славой» в том или ином виде, а за выживание Славы, как бы странно это ни звучало. И это при Илюшином-то человеколюбии, о котором можно написать отдельную книгу (ох, странная была бы книга!..).

Так вот: Илья пытался помочь Славе. Там были удивительные сцены… Бдения с белыми магами… Там творилось «черт-и-что». И все было зря. Хотя бы потому, что Слава и сам выжил — у него удивительная выживаемость. И слава богу!

Это был конец «Наутилуса».

39

97-й, начало. Распадался «Наутилус». Был некий человечек в Питере, который приложил к этому руку, его считали во всем виноватым, что не совсем корректно — «прикладывай — не прикладывай», Нау все равно бы распался. Илья и сам был сторонником такого конца, но будущее представлял себе не совсем так, каким оно вышло. А группа была «серьезная». И дело не в популярности. И не в художественной ценности. Дело в бюджете. Бюджет был по тем временам, мягко говоря, «немаленький». И вот представьте — кто-то (допустим, Слава) говорит: «Все, ребята, надоело, ухожу». И уходит себе. А вложенное? А занятое? А обещанное «к отбитию»?.. Их не Слава брал, их брали — а значит, должны будут отдать! — совсем другие люди. Деньги, повторюсь, были такие, что тут вполне можно было и без башки остаться…

Времена-то были злодейские. Злодейство было нормой.

И пусть не покажется такое чрезмерным, но сидели люди, вполне нормальные, здравомыслящие люди, и на полном серьезе обсуждали тему: убивать этого питерского человечка или не убивать… «Взвешивали», так сказать, «за и против».

Кормильцев был категорически против. Не стану утверждать, что он занимал такую позицию из чисто гуманистических побуждений. Помню фразу, с которой он пришел после этого обсуждения: «Зачем нам мертвый герой в виде жертвы?»…

Человечек остался жив. «Наутилус» распался. Так было.

Тот же человечек, кстати, предрек, что Кормильцев через десять лет умрет в страшных мучениях. Илья это предсказание помнил. Сказано это было в конце января или начале февраля 1997-го.

Он называл себя «оптимистическим стоиком». Или «стоическим оптимистом».

Не знаю, что это значит. Похоже на «жареное мороженое».

Насколько я его знаю, он был клиническим эгоистом.

При всем огромном количестве людей, которые его окружали, Илюша был страшно одинок. И безумно мучителен. Особенно, когда улыбался.

А улыбался он всегда.

Окружающие, впрочем, платили ему взаимностью. Он безостановочно говорил, но люди не очень-то любили его слушать. Шибко мудрено говорил. Даже неплохо образованные не всегда Илью понимали, а он постоянно требовал отклика, комментария; и собеседник частенько оказывался в сложном положении. Не такое простое это было дело, комментировать Кормильцева.

Фото Александра Коротича

При нем было сложно говорить — любую реплику он обожал вывернуть, развенчать и поставить в укор произнесшему. Что ни скажи, окажешься дураком — мало кто это любит. Потому за редким исключением при нем люди предпочитали помалкивать.

Может показаться странным, но очень многим с Ильей было неинтересно. Он был им не понятен. Его слова пропускали мимо ушей — и это было видно.

Илья обожал общаться. Но выходило так, что чаще всего общался он сам с собой…

41

Распад «Наутилуса» был катастрофой, но Кормильцев не опустил руки, не отчаялся. Наоборот, наступил один из самых, пожалуй, деятельных моментов его жизни.

Во-первых, он снова стал писать стихи. Быть может, я ошибаюсь или недостаточно информирован, но в моей памяти так и отложилось — Илья давал почитать стихи до «Нау» и стал давать после. Во времена «Нау» он давал почитать тексты для Славы, которые писал раз в год чохом, как и было уже сказано.

А во-вторых… Он решил все это преодолеть. Сам. А поскольку это «все» на тот момент было замкнуто на рок-музыку, он решил сам заняться музыкой. Так родился проект «Чужие».

В то время я редко бывал в Москве, потому описать подробно эту историю не могу. О чем страшно жалею — там было много чего, достойного описания, но… Чего не видел — то не пою. До меня доносились только раскаты каких-то отдаленных громов, бушевавших в двухкомнатной съемной квартире на Нахимовском. Илья тоже появлялся редко — был занят. А когда появлялся, был какой-то методично-горячечный. В альбоме планировался рэп; Илья изучал особенности дикции черных рэперов — что-то там с произношением твердых согласных и «зажевыванием» гласных. Рассказывал долго и страстно — я так ничего и не понял. Ясно было одно — он на полном серьезе собирался играть на сцене! Гастролировать! Петь! Ну, петь — не петь, но в микрофон покричать — уж точно! Признаюсь, у меня это все вызывало некоторый скепсис, но… чего в этой жизни ни бывает… Может быть, могло оно и так выйти… Если бы, да кабы…

Подключился я к проекту на финальной стадии — «прописывал» гитары, вокалы. Альбом был уже весь собран в электронном виде; квартира на Нахимовском была заставлена аппаратурой, да и вообще, как-то вся преобразилась. Не знаю, что именно поменялось, но все было другим. И Илья был другим — собранный, без обычных своих «бзиков», краткий и внятный. Он был здесь главный, он отвечал за все…

Сводили в Е-бурге на студии Шуры Пантыкина. Опять писали вокалы — приходили певцы, самые неожиданные. Игорь Гришенков, к которому Илья относился с некоторым даже обожанием; Светка, первая жена Ильи, оперная певица. Писали даже хор — не очень большой, но хор. Альбом лепился как-то «сам собой». Сам выстраивался. И настроение было отличное. Этот альбом должен был, он был обязан «выстрелить»! Олежка Сакмаров уезжал в Питер, для него свели несколько вещей

специально, уехал, увез, позвонил, сказал, что слушали с Гребенщиковым, что «Боря сказал: "Ну, кто-то же и у нас должен был такое сделать!"»…

Альбом не провалился — он не дошел до стадии провала. Его никто не услышал.

Н-и-к-т-о.

Илья Кормильцев и Олег Сакмаров во время записи проекта «Чужие», 2001 год. Фото Юрия Гаврилова

«Наутилус» был «тварь водоплавающая», плавал давно. И много чего было этим плаванием наработано — была репутация, была администрация; администрация торговала репутацией, получая деньги и возможности дальнейшей реализации. Илья решил, что сможет обойтись без всего этого, все сможет сделать сам; в том была ошибка.

Более того, именно «Наутилус» ему никто и не простил. Его деятельность времен «Нау». Он многое себе позволял в рамках этой деятельности. Его заносило… Ну, натура такая; но кому ж есть дело до натуры?.. Ему многое прощалось именно потому, что до некоторой поры Кормильцев был «прикрыт броней» «Нау». И трудно его попрекнуть тем, что он и дальше собирался двигаться точно так, как прежде. Но «Нау» больше не было. Броня исчезла. Илья неожиданно для себя оказался «голенький». И уж тут ему «прилетело» за все. Заслуженно или незаслуженно — не так

важно; но «прилетело» сильно.

Издать альбом удалось через Сакмарова в Америке. Через несколько лет. Илья выпустил свой вариант — крепко переделанный, доработанный вместе с Алесей Маньковской, но каким-то крошечным тиражом и полуподпольным способом. Этот вариант тоже хождения не имел.

Это была его последняя «музыкальная ставка», самая важная, самая крупная. Он проиграл. И вот это была настоящая катастрофа.

42

На записи «Чужих» появилась в его жизни Леська.

Илья очень гордился, что его жену зовут Алисия Адольфовна Маньковская. Иногда, когда ее не было, прижмуривался и с блаженным кошачьим выражением проговаривал:

— Али-сия Адоль-фов-на
Мань-ков-ская!

Эдакий фонетический камнепад.

Леся. Лесенька. Леська.

Когда Илья уже в Лондоне лежал в больнице, набежало на них телевидение, и Леся дала какое-то интервью, которым многие из знакомых, а особенно малознакомых, остались недовольны. Пошли какие-то толки. С пересудами. Интервью было, действительно, не шибко бойкое, но что они хотели от перепуганной девчонки в чужом городе, в другой стране, у которой прямо сейчас умирает муж?..

За пару лет до того у Леси был концерт в каком-то доме-музее на Ордынке. Поскольку она оперная певица, у нее был концерт. Камерный. Маленький зальчик, рояль, обычные стулья, публики — человек сорок. Илья стоял сзади, за публикой, там у стенки приткнулось фортепиано, он стоял, опираясь на него одной рукой, и в позе его было нечто певческое. И пел вместе с Леськой.

Илья Кормильцев и Алисия Маньковская. Фото Юрия Гаврилова

Он поднимался на носки, задирал на высоких нотах подбородок, тянулся весь вверх, открывал рот — все молча. Он знал каждую нотку. И каждую отрабатывал вместе с Леськой. И так «отпахал» весь концерт от начала до конца. В ресторане, куда мы переместились после концерта, был откровенно взмылен — уработался. И был страшно доволен, что концерт прошел хорошо.

Илья всю жизнь искал соратника. Настоящего, на сто процентов, на семь дней в неделю, по двадцать четыре часа в день… И не находил. Были женщины, были друзья, были сотрудники — соратника не было. И Леська, появившись в его жизни довольно поздно, встала на это место. Броско красивая, дикая, да и вообще — оперная певица, что в качестве женской характеристики ясно только тому, кто сталкивался. Непростая такая штука…

Они очень забавно вместе «вспыхивали». Если что-то хотя бы одному из них не нравилось, «загорались» вместе. А оба же

буйные!.. Вот тогда от них реально «искры летели».

Илья ее любил. И что бы там ни говорили потом, это все ерунда. Он просто ее любил.

43

После «Чужих» у нас наступил период охлаждения, общались редко, так что и вспоминать особо нечего. Разве что — так, всякие мелочи…

Год 2001, весна. Приходит Илья — и сходу:

— Кабздец талибам!

Признаюсь честно: как-то я за движением Талибан не очень в те времена следил. Да и потом тоже как-то не шибко… Но заявление меня озадачило, я и спросил: с чего бы это? Илья сказал:

— Ты не читал, что ли?! Они вовсю наркодилеров расстреливают! Все, кабздец, их уничтожат!

Идея всемирного наркотрафика Илью волновала всегда, поскольку органично вкладывалась в теорию всемирного заговора, которая его тоже всегда волновала. Я на сей счет был не очень в курсе. Но на всякий случай поинтересовался, когда сие по его мнению произойдет. Илья с уверенностью заявил, что скоро. Несколько месяцев, и талибы лишатся власти. Поддержать этот разговор я не мог по причине полной собственной по сему поводу неосведомленности, мы переключились на что-то другое, но слова его запомнились.

То, что я сейчас пишу, простое изложение событий, коим я был свидетелем. Не более. Ни обсуждать, ни спорить не собираюсь — что видел, то пою.

Повторюсь — это было весной две тысячи первого. Месяц точно не помню, но одет он был по-летнему. Может быть, май. Через три месяца произошло 11-е сентября. 7 октября американцы принялись мочить талибов. И вскорости производство героина в Афгане резко пошло вверх, это общеизвестно. Менее известно, что 2001-й был годом самого низкого производства зелья в Афганистане.

С Ильей мы увиделись несколько позже, я не скрывал, что впечатлен его провиденьем. Илья принимал подобные изъявления со всяческой скромностью, которая была игра. Любил, когда его хвалят, но не давал слишком уж распространяться на тему, насколько же он умен и хорош. Так — довольно ухмылялся, да и ладно… Но у меня в голове засело: 11-е сентября 2001 года предсказал Кормильцев.

Повторюсь еще раз — полемизировать на эту тему не хочу и не буду. Просто так было.

Не знаю уж, к месту или не к месту, но еще одно пророчество Кормильцева… Его почему-то волновала судьба Иерусалима. И волновала как-то изрядно. Несколько раз за последние годы он повторял одно и то же: «Помяни мое слово — американцы евреев кинут»…

44

«Америка, Америка»…

Илья не любил Америку. Временами даже как-то ненавидел. Не знаю, почему. Когда я говорил, что это просто страна, он шипел…

Еще в начале 80-х он, похихикивая, рассказывал, что никакой Америки на самом деле не существует, что все эти Централ-парки и Таймс-скверы сделаны вручную в тайных подземных павильонах, расположенных под Мосфильмом; и там эту всю туфту снимают, дабы нам головы морочить, а потом показывают по телевизору… Такая пост-оруэлловская бредятина, она очень его веселила.

С годами это не прошло, а только усилилось и обрело серьезность.

Он говорил: «Они меня только перед смертью увидят». Уж не знаю, с какой силой «они» жаждали его увидеть, но слова опять оказались пророческими. Попал он в Америку незадолго до смерти. И не в Северную, а в Южную. И по чистой случайности.

Леся для продолжения певческой карьеры должна была участвовать в каких-то конкурсах оперных солистов и нашла такой в Лиме. Списалась, ее пригласили. Она пришла к Илье и рассказала, что обо всем договорилась, едем на конкурс. Илья поинтересовался, где, по ее мнению, находится эта «Лима». Она думала, что где-то в Европе, но Лима была в Перу… В общем-то, можно было и не ехать, но Илья уперся и сделал все, чтоб поехать. И съездили.

Илья был счастлив. Конкурс — «на ура». Свежайшая рыба тазиками, и всю ее можно съесть за три песо. Древности всякие… Ну и Леська — статная, высоченная блондинка в тех краях производит воздействие сродни небольшому ядерному взрыву. Народ столбенеет и сгорает на месте. А страна-то католическая, на улице люди сбегались на Леську посмотреть. Глазели, и слышалось: «Дева Мария! Дева Мария!»… Илюше очень понравилось…

Привез он оттуда писку. В больших количествах. И позвал ее пить. Мы пришли, но писка вместе с чемоданом потерялась в Шереметьево, так что пить стали просто водку. И уже «сильно в процессе» привезли с нарочным эту самую писку, но я был совсем никакой, так что — по рассказам — я ее пил, но вкус не помню…

Однако же на предфинале история с Америкой одной Южной

не ограничилась. Во-первых, там вышла пластинка «Чужих», в Северной. У нас ее никто не издавал, а там некая украинская фирма из Сан-Франциско выпустила довольно прилично. Все легально — с договором, и т. п… Ну, и ладно — вышла где-то там пластинка и вышла — хорошо. И тут с Дедом — с Олежкой Сакмаровым — случился мощный глюк.

Прошло года два по выходе пластинки, и вот проснулся Сакмаров с утра. Машинально ткнул телевизор — там Жан-Клод Ван-Дамм демонстрирует что-то такое плохосовместимое с жизнью. Олежка просыпается, охорашивается… И чудится ему, что где-то тихо-тихо играет «Come Down» — трек из «Чужих». У людей часто с утра играет какая-нибудь песенка в голове, так что Сакмаров не очень удивляется и продолжает утренние процедуры. А «Come Down» играет. Дедушка продолжает, но уже несколько настораживается, потому что песенка играет как-то слишком последовательно, что утренним песенным глюкам не свойственно — они, обыкновенно, «по кругу» вертятся.

А тут играет дальше и дальше; в песенке продолжительность — восемь минут, и все на одной ноте… Сакмаров уже тормозит внутренний голос, чтоб не играл ничего, а она играет. Сакмаров осматривается. В телевизоре тот же Ван-Дамм — ну, не там же играет!.. Сакмаров вылезает в открытое окно — вдруг там у кого-то играет? Нет, звук из комнаты. Сакмаров возвращается обратно и начинает обследовать саму уже комнату на предмет «откуда звук». Подходит к телевизору — опять Ван-Дамм… Сакмаров включает звук громче — «Come Down» становится громче… И Олежка понимает, что песня с альбома «Чужие» натурально звучит прямо из Ван-Дамма.

Илюше, некогда прошедшем через «эпоху адвокатов», информация понравилась. Кино называется «В аду», чистый Голливуд класса «Б-э». Купили дивидюк, посмотрели — они даже в титрах стоят. А денег — «ку-ку». Можно судиться. Стали выяснять, оказалось, фирмочка из Сан-Франциско прогорела, каталог ее был куплен другой фирмой, покрупнее, голливудские ребята купили права уже у этой фирмы; то есть дело путаное. Илья быстро прикинул, как их развести, но…

Пришлось бы затевать длинную, многоступенчатую акцию, требовалось несколько лет и огромная куча денег. Илья уже болел. Видимо, понимал, что времени не хватит. Потому первичный энтузиазм стал затухать, затухать… Он за это дело так и не взялся.

И в то же время была другая история. Про Сан-Франциско. Туда пригласили «Урфин Джюс» с концертами. Рокеры ехать согласились, а вот брать ли поэта, они даже дебатировали. Не

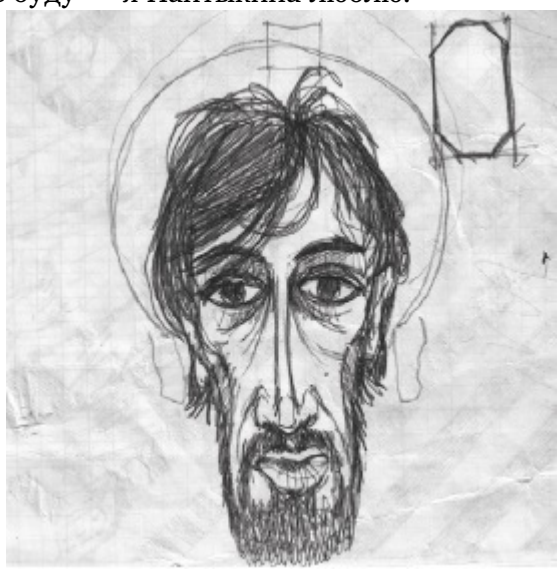
взяли Кормильцева. Мол, «а зачем — он на сцене не стоит»… Не срослось у Ильи с городом хиппи… Быть может, единственным городом, который был Илюше симпатичен в Америке…

Об именах — маленькое отступление.

Пишу о людях, которые (многие) живы, некоторые — знамениты; и несколько смущаюсь, поскольку именую их простецки, некоторых — уменьшительно-ласкательно. Но это не панибратство. И не попытка показать, как я с ними близок. Тем более, что с некоторыми я совсем не близок, а даже и наоборот.

Я именую их так, как именовались они в наших с Ильей разговорах. Пробовал пописать иначе — не получается. Срывается интонация.

Бутусов никогда не был Вячеславом. И «Бутусовым» Илья никогда его не называл. Только Слава. Сакмаров же, наоборот, был только Олежка. Или «Дед», «Дедушка», но если я так стану писать, будет не очень понятно. А вот «Дедушка Уральского рока» — Александр Александрович Пантыкин — был Шура. Это когда совсем по-доброму. А так он был «Пантыкин». Когда Илья злился, он называл его старой рокерской (заглазной) кличкой, которую я приводить не буду — я Пантыкина люблю.



Леонид Порохня. Рисунок Александра Коротича

В том, как человека именуют в частной беседе, информации о нем оказывается больше, чем в ином описании, потому я и решил называть всех так, как называли мы наедине с Ильей.

Пока размышлял на эту тему, сделал для себя открытие. Неожиданное. Я звал его Илюшей. Когда злился — Ильей. И тут

сообразил, что для меня в устах Ильи имени не было. Не знаю, как он меня за глаза именовал, но в личном общении я для него был исключительно «Порохня».

Теперь интересно — почему?..

46

Саша Касьяненко — последняя его «большая влюбленность». Из которой возникла «Ультра. Культура».

Впрочем, не совсем так. После «Чужих» надо было жить. Оставалось переводить. Теперь уже не из гуманитарных, а самых что ни на есть материальных соображений. И вот здесь началась настоящая переводческая карьера Ильи Кормильцева. За это дело он взялся с жаром истого трудоголика, и результат появился довольно быстро. Скоро Илья уже вел собственную серию в «Иностранке» и очень этим гордился. Ему нравилась редакция, нравился Чхартишвили, он просто «впихивал» всем «Писателя и самоубийство». В общем, все было очень хорошо до тех пор, пока не ушел Чхартишвили, и Илюше не предложили стать главным редактором этой самой «Иностранки».

То есть, на самом-то деле, ничего ему такого не предложили, все это была залепуха — предстояли выборы главного, там были свои «расклады», в которых Кормильцев выиграть на выборах не мог никак, а предложили поучаствовать. Просто поучаствовать. Для компании. Групповочка такая… Единственный минус был в том, что предложили это Илюше — с его-то шустрой фантазией! Уж он никак не мог рассчитывать, что его позвали постоять в кадре участником чужого эпизода! Но так вышло. Его не избрали. После этой истории он был обязан стать главным редактором! А коли так, Кормильцев организовал свое издательство.

И очень успешно, надо признать, организовал! Впрочем, повторюсь: на самом деле его организовали двое — Илья Кормильцев и Саша Касьяненко. Сейчас память об Илье как-то задавила этот факт, издательство официально именуют «Ильи Кормильцева», но это не точно. «Кормильцева и Касьяненко» — так правильнее.

Описывать эту его деятельность я не стану, ибо сам не участвовал, есть люди, которые были внутри и куда лучше меня могут рассказать про издательскую деятельность Ильи. А я помню, с каким лицом приходил Илья после выхода очередной книги. Ох, его «перло»!.. Истинное было ликование, неподдельное! И так с каждой книжкой!

О «выборе редакции» я тоже писать не стану — и без меня сказано достаточно. История одной книжки меня коснулась — это «Штурмуя небеса» Джея Стивенса. Илюша отыскал ее в английском варианте где-то в середине 90-х, когда у него появился интернет. Не переводил — читали так. Однажды сказал: «А вот эту книгу в нашей стране не издадут никогда». Я что-то

такое говорил, что, мол, все может измениться, придут такие люди, которые даже и эту книгу издадут… «Нет, — сказал Илья, — этого не будет никогда». И вот он мне ее взял и подарил. Молча. Светился при этом, как светофор! Все верно — только он мог ее издать.

Первые же релизы «Ультра. Культуры» вызвали резонанс, даже для Ильи довольно неожиданный. После выхода «Скинов» ему указали на дверь в интеллигентной «Иностранке». Звонили старые знакомые и посылали «на». Было ощущение, что вокруг все время что-то взрывается — какая-то сплошная «ля бомба». Одни разрывали с ним отношения, вместо них возникали другие персонажи, совсем неожиданные; Илюше происходящее ужасно нравилось. Бурлило все вокруг — он это любил. И подстегивал саморучно. Издавал правое, левое, физиологическое и медикаментозное… А на все попытки «привязать» его к какой-либо политике только хмыкал.

Тема «политической ориентации» Кормильцева — тема, постоянно возникающая, но странным образом. Люди пишут так, будто у них есть какое-то на сей счет представление, но в итоге остается непонятно, какова же была эта самая «ориентация». То, что я сейчас скажу, будет для многих, наверное, крамолой, однако… У Кормильцева не было никакой «политической ориентации». При том, что со времен раннего рок-н-ролла он так или иначе оказывался втянутым в политические игрища, более того, он любил в них участвовать, много на сей счет разглагольствовал и в компаниях, и в интервью, однако же выяснить, правый он или левый, либерал или консерватор, было затруднительно всегда. Почему? Потому что ему было все равно. Его не интересовали дефиниции, сама политика его интересовала очень странным образом — во-первых, он был «всегда против», во-вторых, сам подход к политике был у Ильи строго индивидуален.

Любая политика — это подчинение чему-то, что «не есть ты». В политике личность пожирается идеей, а вот с этим Илья смириться не мог никогда. Он был «всегда я!», и не иначе. И контакты, даже в рамках политики, его собственной индивидуальности могли быть основаны только на внутренней связи с другой индивидуальностью. Иначе говоря, дружить он мог с (политически) кем угодно, лишь бы человек ему нравился и не посягал на его свободу. И вот это ему не могли простить ни правые, ни левые, ни серо-буро-малиновые. Они живут стаями — Кормильцев жил индивидуалиями. И потому был чужим для всех.

Его выбор индивидуально-политических предпочтений мог озадачивать. Левый Быков, правый Проханов — ему было все равно. Обожал Бегбедера, в упоении переводил Уэльбека.

Устраивал какие-то полуподпольные посиделки с Гейдаром Джемалем…

Сценка с кормильцевской кухни — сидим, выпиваем, звонок, Илья выходит, через минуту вбегает, и — вопль: «Шамира арестовали!». В голосе восторг. Не от того, что собственно Исраэля Шамира взяли под стражу, а от реальности происходящего. Ох, это была его стихия! В другой раз он напряженно следил, как один знакомый (не буду писать, кто именно, дабы не подставить) проникал в Израиль, где его должны были арестовать, но в субботу, когда суд не работает, и должен был в субботу же выехать, потому что в воскресенье его должны были все-таки арестовать. Тут была не политика, а что-то из области налоговых нарушений, но — какая разница?! Илья в упоении звонил куда-то каждые две минуты, узнавал что-то, комментировал, и когда интересующий его самолет вылетел из Бен-Гуриона, он был поистине счастлив.

Он вообще любил политических мистификаторов. Восторгался Уго Чавесом. Ему ставили в вину контакты с Лимоновым, и он контактировал с Лимоновым, но это была «малая влюбленность». Издал книжку Лимонова, и почти сразу после этого говорить при нем о Лимонове стало нельзя. Не знаю, что там у них вышло, но нацболы его очаровали. Мрачноватые, немногословные парни и девушки, все в черном, собранные, какие-то решительные. Готовые к чему-то. Однажды они сидели в самолете — нацболы, Касьяненко, кто-то еще и Илья. Все собранные, мрачные — ждали, что их будут атаковать…

Это была Московская книжная ярмарка на ВДНХ. На которую никак не пускали «Ультра. Культуру». А напротив ярмарочного павильона стоял экспонат «Ту-154», натуральный самолет, который Кормильцев и компания арендовали на время выставки и в нем устроили свой павильон. Внутри были коробки с книгами, ящики с пивом и почему-то ребята-нацболы. И взялся откуда-то слух, что их отсюда будут убирать чуть ли ни методом омоновского штурма, который должен вот-вот состояться. Они сидели, ждали, что будет… Мрачные, к чему-то готовые… Илья собран, ухмыляется криво, рука на перевязи после недавней операции… Штурм не состоялся. Но ощущения остались острые…

Хорошенькая такая издательская жизнь…

47 = 1

Настал день — случилась неприятность. Слава перестал платить Илье деньги.

Собственно говоря, это был не такой уж новый тренд — в ближнем окружении Славы давно велась агитация за то, что «Кормильцеву платить хватит». А началось это еще во времена «золотого состава Нау», когда музыканты категорически требовали прекратить тратить свою долю на поэта — мол, «получил он, и достаточно, харэ!». В ответ Слава выговаривал нечто маловнятное, но Илье платил. Платил не просто «один из немногих» — Слава был единственный, кто это делал.

Те же Егор и Настя до сих пор пропевают стихи Кормильцева, но за всю историю не заплатили ему ни копейки. О чем он помнил; когда настала «эпоха адвокатов», даже хотел с ними судиться. Пели они его тексты, тексты брата Женьки; не платили и платить не собирались. Не от жадности — думаю, им это просто в головы не пришло. Илья потратил изрядное время на общение с адвокатом — дело было верное. Но дальше случилось вот что — Илья какое-то время с наслаждением об этом говорил, а потом смолк. Я поинтересовался, что же он собирается предпринять. Он сказал: «Знаешь, я, конечно, выиграю, но… Они там совсем без денег сидят, а тут я еще»… И все кончилось — Егора с Настей он трогать не стал. История эта из 96-го годика; что было дальше (в смысле оплаты), не знаю.

Надо отдать должное Славе — он долго держался. Но настал день — либо его «дожали», либо просто денег не хватало, и Слава сообщил Илье, что больше платить не будет. Разумеется, был тут у Славы «самоотмаз» в виде разговоров о том, что Илья и так получает через РАО положенные «роялтиз», но любой человек, близко знающий обстановочку в этом деле, при такой постановке вопроса только хмыкнет — в эпоху «левака» и корпоративов эти самые «роялтиз» — крошечная часть дохода в шоу-бизнесе, которую, к тому же, «дербанят» все, кому не лень. Основняк ходит налом.

В общем, доходы от хитов «Нау» кончились. Это была бы не катастрофа, но произошла другая новация, полностью изменившая жизнь Ильи. У него на груди «поплыла» родинка. С этим бы тоже можно было справиться; однако два эти обстоятельства вместе привели к настоящей катастрофе.

Упаси, Господи, обвинять в чем-то Славу. Он ничего не знал. Илья слишком хорошо умел шифроваться, и никто на тот момент,

кроме жены Леси, не знал, что происходит. А Слава — и подавно, поскольку с Ильей он уже совсем не общался. Да и пока общался, понять было трудно. Илья изощренно изображал полнейшее собственное благополучие, так что о его финансовом положении никто представления не имел. И уж тем более — вечно обращенный внутрь себя Слава.

Как-то они договаривались о встрече, Слава сказал: «Приезжай ко мне в Царское». «А как туда добираться?» — спросил Илья. Слава сказал: «Очень просто: выходишь из паровоза на Московском вокзале, берешь такси, говоришь: "В Пушкин!" — и тебя довозят за полторы тысячи»… Ох, как Илья выбесился! После окончания разговора, разумеется… Матерился он замечательно. Полторы тысячи на такси у него не было.

Но вернемся в историческую реальность. Родинка «поплыла». Илья о канцере знал достаточно — его матушка много лет боролась с опухолью. Опухоль победила. Илья сперва «филонил», потом стало ясно, что надо что-то делать.

С некоторыми приключениями он все-таки попал к онкологу. Тот прочитал в карточке: «Кормильцев Илья Валерьевич» и спросил: «Тот?». Илья сказал: «Тот самый». И вот это опять была катастрофа.

Онколог был по-своему прав, если не считать клятву Гиппократа, которую в нашей стране все равно никто не принимал (в СССР клялись «Клятвой Советского врача» — она почти такая же, как гиппократова, только ненастоящая). Прав — если уж подвернулся тебе «жирный цыпленочек», грешно не общипать. Правда, он не знал, что «цыпленочка» уже не кормят. Илья потом сказал: «Он с меня просил небольшую японскую машинку — деньгами, конечно»… Во времена «Нау» Илья расплатился бы с легкостью, онколог остановил бы экспансию родинки, и дело бы сладилось к общему удовольствию…

Больше Илья к онкологу не ходил. Он судорожно искал выход. И выход, пусть не сразу, но нашелся. В Белоруссии после Чернобыля онкологии уделялось особое внимание; жена Леся прописана была в Минске; оставалось оформить какие-то справки, чтобы все было официально, и Илья оказался на приеме у белорусского онколога.

Это был, как потом с восторгом вспоминал Илья, «настоящий старый еврей-доктор». Он осмотрел Илью и спросил: «Гуманитарными профессиями занимаетесь?». Илья дрогнул — вдруг этот тоже признает его поэтом «Наутилуса»?!. И спросил: «Почему Вы так думаете?». На что старый еврей сказал: «Был бы

ты трактористом, ты б ко мне полгода назад прибежал»…

Операция в Белоруссии обошлась в двести баксов. На прощанье тот же старый доктор сказал: «Если б ты на три месяца раньше пришел, я бы дал гарантию. А так… Проживешь три года — будешь жить дальше. Не проживешь — не обижайся»… Это было в начале лета 2004-го.

Когда он вышел из больницы, мы писали какой-то синопсис в Белоруссии, на даче Леськиной мамы, милейшей Нины Ивановны. Илья выглядел странно — левая рука у него была пришита к груди — пересадка кожи. Он много смеялся. Казалось, пронесло…

В нем было много жизни. Много сил, которые нужно было постоянно расходовать, чем он и занимался с азартом. Особенно, на отдыхе.

Мы были в Хорватии, остров Большой Лошинь. Жили в соседних домах — через крошечное подобие дворика.

Александр Коротич и Илья Кормильцев, 2001 год

Наш с Ленкой день начинается, скажем так, не слишком рано. И начинается он с утреннего кофе. Это такая медлительная процедура, которая в дому называется «утро-офицерская вдова» — как будто с вечера мы сами себя высекли и теперь пытаемся хоть как-то прийти в себя после экзекуции. Упорно, тихо; если говорим, то полуслышно…

Итак, часов в десять мы выползали на солнце и садились пить кофе. Заметив наше появление, через дворик спешил Илья. Спешил не один, а с двухлитровой бутылкой семидесятипроцентной ракии в одной руке и с рюмкой в другой. Плюхался на третий стул, для него и поставленный, наливал рюмочку и предлагал — сперва Ленке: «Будешь?» — потом мне: «Будешь?» — потом сам себе: «Ну, не хотите — как хотите!» — и, оглянувшись на свой «апатмент», вбрасывал рюмочку в себя. Мы поутру употреблять этот зверский напиток никак не могли, Илья

же, опять оглянувшись, производил «вбрасывание» еще рюмочки, и только после этого говорил: «Ну, с добрым утром». И тут наступало время укоризны.

Оказывается, он уже успел два раза искупаться, сгонять на рыбный рынок (который закрывается в шесть утра), купить там каких-то исключительно свежих, потрясающих креветок, забежать в магазин, просмотреть интернет и еще раз искупаться… И по изложении каждого очередного этапа утренних своих похождений Кормильцев взвывал: «Ка-ак?! Вы еще не искупались?! Да вы идио-оты!!!». Мы хлопали глазами и вяло тянули свой кофе. Илья глаголил и «вбрасывал» рюмочку за рюмочкой, пока не доносилось Леськино: «Илюша!»…

«Ну, все!» — весело сообщал Илья и бодро бежал домой.

Он очень любил сценку, которую отсмотрел когда-то в Италии, в маленькой провинциальной гостиничке. Утром он сидел на веранде, рассматривая тишайшую старинную улочку крошечного городка, когда напротив бесшумно отворилась дверь, и на улицу выскользнул крепкий красавчик лет тридцати пяти в домашнем халате на голое тело, в шлепанцах и в сеточке для волос, которая прическу держит. Выскользнул и, явно стараясь не шумнуть, двинулся по улице.

Илья проследил глазами, куда сей красавец движется, там было написано «Бар». Красавец шел, поджимая ступнями шлепанцы, чтобы те не блямкали по пяткам. Илья следил зачарованно. Красавец двигался к бару. И когда до цели ему оставалось метров пять, сзади, из дома, из самой его глубины раздалось пронзительное женское: «Марио!!!»…

Красавец замер, постоял еще, обреченно развернулся и, уже не скрываясь, пошел обратно. И шлепанцы теперь колотились о пятки, издавая противный звук. Красавец дошел до двери, распахнул — на сей раз дверь громко заскрипела — и скрылся внутри, захлопнув дверь за собой. Илья сидел, трясясь от хохота — «не удалось!»…

В той же гостинице с ним приключилась еще одна история, о которой впоследствии он рассказывал с неизменным ржанием.

Илья купил кокос. Дело было в самом начале 90-х, экзотический этот фрукт Илюше в руки не попадал еще ни разу, потому купить-то он его купил, а как его вскрыть, не знал. В тот момент он в качестве переводчика сопровождал спелеологов, были там итальянцы, но спросить у них, как бороться с кокосом, Илья не решился. Но раз уж купил, бороться было надо.

Илья пытался кокос бить всем, что нашлось в номере и хоть

как-то годилось для битья кокоса, но тот держался. Тогда Илья нашел магазин инструментов и купил пилу. Как я понял из его объяснений, это была не то, чтобы совсем настоящая пила, а, скорее, полотно для ножевки по металлу. С маленькими такими зубчиками — так было дешевле. Илья добрался с этим полотном до кокоса и принялся его пилить. Кокос начал поддаваться, но медленно. Илья пилил, когда время было, а было его мало, потому что с утра до вечера он со спелеологами лазил по пещерам. А ночью пилил.

Кокос уже почти совсем был готов сдаться, когда настал день отъезда. Обиженный Илья закатил почти распиленный кокос под гостиничную кровать, а пилку как улику выкинул. И уже дома с хохотом рассказывал эту историю, заканчивая неизменным вопросом: «Интересно, что они подумали, когда его оттуда вытащили?»…

Он был исполнен жизни. Жизненные силы из него «перли» во все стороны. В той же Хорватии ближе к вечеру они всем семейством устраивали променад. Островок-то маленький, городок — еще меньше, в нем одна улица, где народ прогуливается. И вот шествуют Илья, Леська под зонтиком от солнца и пятилетняя Каролина, дочь. Все это вместе неуловимо напоминало знаменитый проход из кинокартины «Подкидыш». Который «Муля, не нервируй меня»… Только в отличие от кино здесь все трое, включая Каролину, напоминали торжествующую Раневскую. От них дуло счастьем. Они никого вокруг не видели. Мы с Ленкой сидели за столиком уличной кафешки, потребляли «една кава, едно бяло вино»; они прошли в паре метров от нас и не заметили. И мы долго провожали их глазами…

49

Каролине, младшей дочери Ильи, было лет пять, приближался Новый год, и Илья рассказал, что на Красной площади будет «Главная Елка Страны». Каролина захотела посмотреть, и они принялись собираться. Загодя, чуть не за месяц. Они много говорили о том, как пойдут смотреть «Главную Елку Страны», представляли, как она будет выглядеть… Наконец, наступил Новый год, и сразу после двенадцати Илья с Каролиной отправились в путь.

Пешком шли от Цветного, вышли на Красную площадь и огляделись. «А где Главная Елка Страны?» — спросила Каролина. Илья повертел головой — елки не было. Пришлось признать, что ее нет. Пятилетняя девочка еще раз осмотрелась и произнесла:

— Нет елки — нет страны.

Илья охнул. Потом заржал. И они пошли обратно.

50

Как-то договорились посидеть, он сказал, что будет занят, чтобы подходили к девяти. Мы с Ленкой подошли — дома нет никого. Позвонили — говорит: ждите, иду. Ну, хорошо, ждем. Вечер теплый, уже темно, в Васнецовском пусто. И откуда-то издалека слышится хохот Кормильцева. И потихоньку приближается, то усиливаясь, то подстихая.

Наконец появляется Илья. При параде — костюм, галстук — значит, что-то было ответственное. Но ржет. Мы, естественно, интересуемся, с чего б это.

— Был в гостях, — говорит, пытаясь умять смех. — Мажорная квартира на Арбате за два лимона баксов, еще два лимона в ремонт вколочено, вот — отмечали окончание ремонта. Все в витринах, всякая ценность расставлена. Столовая большая, на столе — все! Стерлядь, икра, бла-бла-бла… Ну и народ соответствующий… Стоят, закусывают, врывается «не скажу, кто» — тоже при параде, озирается и выпаливает: «Ну, что, господа?! Революцию делать будем?!.».

Илья зашелся хохотом…

Илья никогда не собирался всерьез тягаться с государством — для этого он был слишком хорошо образован. Революция — прерогатива недоучек.

Хотя в чем его только не подозревали — страшно перечислить. Но объяснить нетрудно.

Илья был «человек на подозрении». Есть такая порода людей. Чаще всего — разнообразные умники, у которых вид странный — не поймешь, что на физиономии написано. «Что-то он такое себе думает — видать, замышляет… Нехорошее что-то замышляет, недоброе»… А умник в это время стоит и мучается, потому что ботинки, к примеру, давят. Или стихи в голове пишет — какая разница… Однако тут есть занимательная закономерность.

Почти все зависит от того, кто тебя подозревает. В армии я был на подозрении у всех, но особенно — у одного старлея. А так как делать старлею было нечего, что для армии типично, он меня безостановочно пытался поймать. Где только ни пытался… По бабам, по магазинам, за цехом, где офицерские жены шили какие-то трусы — не там ли я блудодействую… И не мог поймать, потому что я в это время лежал на койке и читал книжки — по томику за день.

Всякий человек на подозрении должен знать, что подозревающий способен его подозревать только в том грехе,

который готов сотворить сам. И пока ты мыслишь иначе, чем он, поймать тебя невозможно.

Илью всю жизнь черт-и-в-чем подозревали. Поймать, разумеется, не могли, хотя старались, но поймать не могли, потому что он «блудил» не в том месте. Подозрения от этого только множились.

Люди попроще подозревали в каком-нибудь обмане. «Кормильцев всех надул!» — в какой-то момент эта фраза была настолько расхожей, что произносилась с безразличием даже теми, кто считал, что Кормильцев надул его лично и сильнее прочих, которых, впрочем, он тоже надул. Не знаю, как Слава Бутусов, но подозрения по поводу Ильи у музыкантов «Нау» — это тема для отдельного трактата, слишком многословного, чтоб в него влезать.

Была забавная история с пластинками «Урфина Джюса», которые Илья пытался издать в Москве. Бизнесменские способности Ильи, надо признаться, когда-то он сам предрек — давно, в начале эпохи кооперации. Сказал: «Если мы с тобой займемся бизнесом, вместе с нами обанкротится весь Урало-Сибирский регион»… И в целом, это близко к правде. Впоследствии Илья эту фразу забыл. Когда я гораздо позже ее напомнил, он немедленно от этих чудных слов отрекся и страшно разобиделся. Но… слово — не птичка (и не мышка).

И вот он долго вел переговоры о выпуске трех сидюков «Урфина Джюса», переговоры были какие-то сложные — не знаю детали. Потом сидюки вышли. Каким-то крошечным тиражом — кто не верит, пусть попробует найти хотя бы один диск (я бы купил). А на бабки Илью кинули. Так что урфинам он ничего не заплатил, и тут они поняли, что это он их кинул. А на самом-то деле такого на «Урфине» бабла наварил, что будет до конца дней в масле кататься… В этом убеждении они пребывали долго. Быть может, пребывают до сих пор.

Илюша так выстроил собственный образ, что никому из окружающих в голову не могло прийти, будто можно кинуть Кормильцева. Кроме тех, кто кидал, разумеется. Кидали его много. А внутри у него не было механизмов противодействия банальному хамству. Потому что он был типичный интель. Тонкий, ранимый и доверчивый — что бы там о нем ни думали и ни говорили вокруг. Он был настоящий интеллигент.

По выходе сидюков «Урфина» одна ситуация, удивившая Илью крайне, все-таки приключилась — однажды он явился слегка ошарашенный, сказал, что на него набрел Белковский и,

как-то даже смущаясь, попросил подписать сидюк «Урфина Джюса». Поразило Илью даже не то, где Станислав Александрович умудрился где-то отыскать один из дисков этой серии, но сам факт пришествия Белковского с «Урфином Джюсом» в руках… «Кто он Гекубе? Кто ему Гекуба?!»…

Следует пояснить: в известность «Урфина Джюса» сами члены «Урфина Джюса» верили слабо. Или вообще не верили. И когда сталкивались с проявлениями собственной популярности, как-то даже терялись. В Москве — особенно, посему явление пластинки «УД» в руках человека другого поколения и, как был уверен Илья, иного образа мыслей, ожидать он не мог никак! «Где Белковский — где "Урфин Джюс"?»

Но рассказывал это Илья с огромным удовольствием — он к Белковскому относился любовно, даже нежно. Округло выговаривал: «Стас огром-мный»… Так что некоторый гешефт он с этой истории все-таки получил. В компенсацию за урфин-джюсовские проклятья…

Это история частная, но показательная. В чем только его не подозревали… Под подозрение подпадали книжки, которые он выпускал. И книжки, которые он перевел… Илья, надо сказать, с этим положением не сразу, но освоился, а затем начал подыгрывать. В силу общей провокативности натуры, Илья общался с людьми, в той или иной мере склонными к провокации, на которую сам их провоцировал. Разумеется, это только усиливало разнообразные подозрения.

Но и приносило пользу. Один политик «открыл» нам чудный азербайджанский ресторан в центре столицы. И мы частенько его посещали — там было не только вкусно, но и пронзительно дешево. Благодаря знаменитому писателю нашелся замечательный китайский ресторан…

К концу его жизни подозрений накопилось столько, что они начинали «искрить» друг об друга, угрожая превратиться в грозу. Илюше в тот момент было уже наплевать. Он умер. Они остались. Так и бродят вокруг его имени клочкастыми привидениями. Да и плевать.

Всякий подозревает тебя в том, в чем согрешил бы сам. Присмотритесь к подозревающим вас, и вы узнаете, в чем они грешны. Мыслью или делом.

51

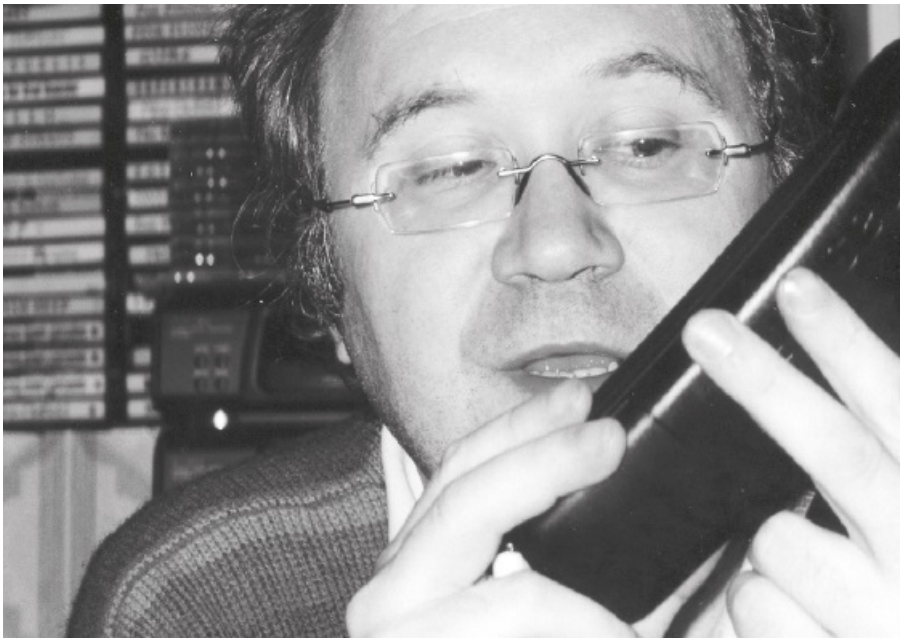
Сидел без денег. Ему предлагали писать колонки то в журнал, то в газету. И никто не платил. Ну, очень редко. Он приходил в бешенство, крыл всех матом, но заглазно. Но когда я говорил: «Так скажи им, что денег надо», — он мотал головой. Он так долго трудился над образом абсолютно преуспевающего человека, что сдать себя за гонорар за колонку просто не мог. Брался, писал даром. Потом приходил домой, ругался. Денег не было совсем.

Сидел над переводами утром, днем и вечером. В кухне, за столом. Когда приходили гости, он пил, ел, разговаривал, но продолжал переводить. Илья всегда был трудоголиком, но такой режим даже для него был чересчур. Не знаю, как происходит где-то там, но у нас за переводы платят мало. То есть, совсем мало. Он и пахал с утра до вечера.

Два раза в год ему переводили авторские крохи из РАО за «Наутилус». И он бежал раздавать долги.

Еще он был главным редактором в издательстве «Ультра. Культура». Ручаться не стану, но там, видимо, тоже платили гроши. Да и само издательство медленно загибалось. И к моменту его смерти прекратило свое существование.

Считается, что издательство задушили власти по идеологическим причинам. Опять-таки ручаться не возьмусь, но по тому, что я слышал, это не совсем так. Да, приключения с властями были постоянно. Какие-то книжки вроде как «полу-» (или «типа») запрещались. По каким-то выдуманным резонам — то смехотворным, то издевательским. Достаточно было почитать бумажки, кои приходили «по поводу», чтобы изумиться тому, что за малограмотная публика занимается книжками и их запретом-разрешением…



1998 год. Фото Александра Коротича

Заводились даже какие-то дела; Илья ходил к следователю; следователь, кстати, ему понравился. «Нормальный парень, умный, заваленный делами; до меня ему дела нет…» — сказал по возвращении. Но собственно кончина издательства, как я понимаю, надвигалась по другой причине — обыденной. У владельца просто «отжимали» бизнес. В котором «Ультра. Культура» была далеко не на первом месте. И отжали. Вот и все.

А денег не было. Боже мой, сколько раз читал я про русских поэтов, литераторов, про ученых: «Умер в нищете»… И не мог внутренне совместить это с реальностью. Ну, не укладывалось оно в моей голове.

Язык не повернется сказать, что Илюша умер в нищете, но… Денег не было совсем.

52

Потихонечку собираться в Лондон он начал года за полтора до отъезда. Здесь ему становилось неинтересно. Чудовищное по интенсивности начальное проживание «Ультра. Культуры» долго продолжаться не могло просто потому, что такой силы интенсивность переживаний выжигает все. Включая интерес. Он уже не прибегал с каждой новоизданной книжкой, не светился, не дарил, торжествуя. Про Касьяненко, разумеется, при нем упоминать стало нежелательно — но так всегда было. Илья умел только гореть, тлеть у него не получалось.

Он нашел новое развлечение — писал статьи для Николая Мейнерта в какой-то его финский журнал. Писал о путешествиях, об авиакомпаниях-лоукостерах; его эта тема безумно интересовала. Он все время искал способы перемещения по миру за минимальные деньги. А за счет Мейнерта мог изрядно покататься, что и делал с удовольствием.

Илья любил путешествовать. Ему нравился сам процесс переезда откуда угодно куда угодно. А по приезде в это «куда угодно» немедленно отправлялся на продуктовый рынок. Он знал какие-то невероятные места чуть не по всей Европе, где можно купить какую-то особую вкусность, и обязательно покупал ее. Какой-то хамон, который не просто так себе хамон, а самый настоящий, подлинный хамон! Какую-то рыбу, которая ну совсем уж рыба… Между собой его путешествия мы называли гастрономическими.

В поездках присматривался к Лондону. Искал район, где они будут жить. Поначалу весьма благосклонно отзывался о районе, где живут «паки» — пакистанцы. Ходил по нему, изучал. Однажды сидел в пабе, а мимо шла колонна футбольных фанатов. За какую команду они болели, я не вспомню, но все, сидящие в пабе, вскочили, задрали руки и стали орать кричалку этой команды. Илья сообразил, что если останется сидеть, плохо ему будет, посему тоже вскакивал, вскидывал над головой руку и орал кричалку. Потом рассказывал с ухмылкой, но идея жить с паками куда-то подевалась…

Идея Лондона была твердой. Я спрашивал: «Что будешь делать, когда уедешь?» — Илья говорил, что займется журналистикой; быть может, откроет какой-то журналистский бизнес. Но уверенности в нем не было.

53

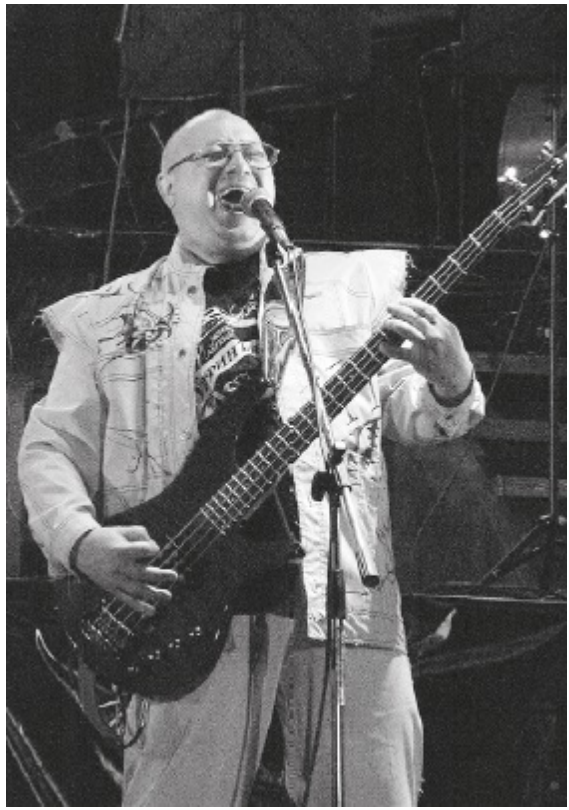
Где-то на стыке июня — июля 2006-го он упал на Казанском вокзале. Оскользнулся на ступеньке в переходе, рухнул на «пятую точку». Сильно. Заболела спина в пояснице, стало трудно ходить от боли. А жизнь требовала движения.

В тот момент они доигрывали долгую историю дальнейшего Лесиного обучения. Она — певица. Я не знаю в подробностях, но в этом деле есть какой-то возрастной лимит на дальнейшее обучение — либо ты до тридцати с чем-то поступаешь на, говоря условно, «повышение квалификации», либо — все, проехали. Срок у Леси подходил, надо было что-то делать. Почему нужное заведение нашли именно в Лондоне, я не знаю. Но нашли. И завертелось — документы, язык, какое-то экзамены. Дочь Каролина была в Минске, так что жили они не просто на три дома — на три страны; все это требовало энергии и денег. А у Ильи постепенно набирала силу боль в спине.

Параллельно происходила еще одна досадная история — в начале августа под Екатеринбургом должен был состояться юбилей «Урфина Джюса». Двадцать пять лет. На турбазе Селен, где некогда происходил забавный рок-семинар Свердловского рок-клуба — очень пьяное мероприятие. Юбилей собирались отмечать с помпой, с киносъемками, с гостями…

Илья среди гостей не планировался. Не буду писать, кто там был «за», кто — «против», какие произносились аргументы с аргументиками, но в итоге Илью не позвали. Он сидел на кухне в Васнецовском, машинально тер рукой спину и никак не мог решить — то ли приехать «внаглую» и устроить им всем «похохотать» (а он это умел), то ли — «ну их». В итоге, юбилей «Урфина» прошел громко, с гостями, но без Ильи. Через неделю в Москву приехал Шура Пантыкин, пришел к Илье в гости и долго рассказывал, как все хорошо прошло. От этого Илья еще больше расстроился. Как ни верти, «Урфин Джюс» от него отрекся. Публичным образом.

Вскоре Леся, благополучно поступившая и получившая грант на обучение, уехала в Лондон. Обживаться. Дочь Каролина была в Минске, у бабушки. Илья остался в Москве один. Спина болела все сильней. А надо было собираться — они окончательно решили перебраться в Лондон, а что дальше, видно будет. Илья из дома почти не выходил — боль становилась все сильнее. А если выходил, передвигался трудно.



Александр Пантыкин на юбилейном концерте «Урфина Джюса», 5 августа 2006 года. Фото Алексея Петрова

В конце августа собрались на премьеру фильма Мурада Ибрагимбекова «Три девушки». Сговорились на семь, мы пришли — Ильи нет. Позвонили — «Я иду». Ладно, ждем. Вокруг бессмысленная премьерная тусовка из тех, которые я, честно говоря, крепко недолюбливаю. Ждем, звоним Илье — «Я иду». Вокруг тусня, когда кино начнется, как это всегда бывает, понять невозможно. Звоним Илье — «Я иду». Прошло полтора часа, мы с женой решили сваливать. Вышли на Тверскую, зашли в магазин — звонок — Илья: «Куда вы делись?! Я пришел, вас нет — что за дела?!» — и так далее. Очень рассердился, пришлось возвращаться.

Стоял он криво, держался за бок, вытирал пот, и вдруг стало ясно, что он действительно все это время шел. Не знаю, откуда. Пришел, кстати, вовремя — кино тут же началось, и в зале сидел опять тот же Илья, что и всегда. Взгляд острый, быстрый. Смотрел на экран, при каждой шутке мгновенно поворачивался, смотрел, как мы реагируем, удовлетворенно кивал, опять смотрел на

экран, затем — вокруг, затем на нас… Успел увидеть все, что его интересовало.

Потом сидели в китайском ресторане. Выпили водочки, Илью слегка отпустило, хвалили кино. До сих пор считаю, что это одна из лучших картин «нулевых годов». Как и многое лучшее, почти никому не известная. А жаль. Позвонили Мурику, поздравили, вышли на улицу. Илья изменился. Сказал: «Я пошел». И как-то медленно, кривенько тронулся прочь по улице…

Думаю, он знал, что с ним. Именно поэтому не давал заманить себя в больницу. Саша Орлов с женой Светой несколько раз пытались отвезти его на осмотр, подъезжали к подъезду, звонили — «Выходи!» — Илья что-то рассказывал, почему именно сейчас не может выйти. И не выходил. Говорил, что нужно собирать вещи — квартира в Васнецовском была съемная, ее предстояло освобождать; да и оставлять эти самые вещи было некому. Помогать он тоже никого не звал; почти ползал по комнатам, паковал вещи. Потом отправлял их каким-то грузовиком в Минск. Потом все, что он с таким трудом собирал, сгорело — пожар. Но это где-то через год, наверное…

Уезжал через пару дней после дня рождения. Перед этим выпили. Илья лежал — сидеть он не мог. К ночи приехал Петя, однокурсник Леси, эдакий изумительно красивый певец, баритон, кажется. Пошел ловить такси, а поймал почему-то черный «Мерседес». Стали спускаться — в лифте Илья стоять не мог, присел на корточки у стенки, привалился головой к Ленке, она прошлась по волосам рукой — волосы были мокрые. Илья дошел до машины и, не обернувшись, не прощаясь, ввалился в нее, упал на заднее сиденье. И они уехали.

На поезде он добрался до Минска, прихватил там Каролину, и они двинулись в Лондон. Сложным путем — сперва поездом, потом парой любимых Ильей лоукостеров — с шестилетней дочерью и тремя тяжеленными чемоданами. Слава богу, кто-то постоянно помогал — было видно, что человек болен, так что просить не приходилось.

Из аэропорта в Лондоне доехали до дома в кэбе, Илья выйти из него не мог. Выполз на четвереньках и улегся на газон. Леська встала над ним и разревелась.

54

Он сделал то, что было главной целью последних месяцев — он приехал к своим девочкам. Леську он любил. Каролину (теперь она — Эрин) обожал. Илья и вообще-то был чадолюбив, детей — Стаса, Лизавету и Игната — всегда пестовал, как мог, поскольку жили они в Е-бурге, а он — в Москве. Но Каролину обожал.

Поселились в снятом доме. Каролина пошла в английскую школу. Илья, пусть это было трудно, ходил ее забирать и очень гордился тем, что девочку в школе хвалят. При том что она почти моментально начала говорить по-английски, который с нею никто не учил. Илья и этим гордился. И однажды решил проверить, насколько точно она переводит слова. Он-то был переводчик… А она — нет. Сказала: «Папа, что значит, перевести "это слово"? Это разные языки — одно на другое не переводится!»… Илья хохотал, рассказывая: «Дала папе-переводчику по носу»…

В остальном, сидел дома. Звонил, говорил подолгу. То час, то два… С его умением отыскивать оптимальные решения Илья быстро нашел какой-то телефонный трюк, который стоил предельно дешево. Правда, и звучало, надо сказать, предельно погано, говорить было трудно. Я был часто занят, отдавал трубку жене Ленке, и они трещали уже часами. Честно говоря, последние годы Илья вообще был откровенней с Ленкой, чем со мной.

Жаловался он на боль в спине и на лису. Жили они возле парка, из которого приходили лисы, шарились по помойке. Одна повадилась скрестись в дверь по ночам. Нужно было из спальни на втором этаже спуститься вниз и шугануть ее, как следует, но спуститься Илья не мог. Во всяком случае, ночью один не решался. Лиса скреблась. Можно было швырнуть в нее чем-нибудь из окна второго этажа, но в Лондоне швыряние в лис «чем-нибудь» не только не одобряется, но карается. «Увидит кто-нибудь — обязательно настучит,» — говорил Илья. Лиса приходила скрестись каждую ночь. Илья лежал в постели и материл ее шепотом, чтобы Леську не разбудить.

Было ясно, что он болен. Леся несколько раз вызывала «скорую» — Илья отчаянно врал, что с ним все хорошо, и никуда не ехал. Скорее всего, он знал — если попадет в больничку, больше из нее не выйдет. Знал давно — еще в сентябре его пытались отвезти в больницу Саша Орлов с женой, но Илья хотел не лежать в больнице, он хотел быть со своими девочками. И делал все для этого.

Приходил к нему, поддерживал, кроме Леси, один человек — странный парень по прозванию Саша Шейх. Парень из Воронежа,

в середине 90-х вынужденно перебравшийся на Альбион, там принявший Ислам, ставший истовым мусульманином… Он и сидел с Ильей последние месяцы. Илья над Сашей Шейхом подсмеивался (а над кем он не подсмеивался?..). Однажды тот завел возмущенный спич про британское правительство, которое притесняет мусульман, не желает изменить школьную программу, что-то еще делает не так, как надо мусульманам… Илья слушал-слушал, потом спросил: «Ты сколько лет в Англии?». «Одиннадцать,» — сказал Саша Шейх. «А ты за это время хотя бы фунт налогов заплатил?» — спросил Илья. Но Саша жил исключительно на пособие…

Илья его очень ценил. И очень был ему благодарен. Шейх приходил регулярно, занимались медитацией, какими-то духовными практиками… Илья говорил, что помогает. Прочувствованно говорил. Я спросил: «Движешься к обрезанию?». Он фыркнул: «Ты с ума сошел?!»

(Здесь вставлю ремарочку. Две темы, которых я не касаюсь в этой книжке, это отношения Ильи с женщинами и с Богом (религией). Не считаю себя вправе. Помяну только, что он часто повторял старую суфийскую формулу: «Между церквями стены — Бог выше стен».)

В середине декабря он прислал рекламный флайер, где значилось, что 8 января 2007 года в «Poetry Cafe, 22 Betterton Street, WC2» выступят русский поэт Илья Кормильцев и английский поэт и переводчик Роберт Чендлер. Вход — 3 фунта; для членов поэтического общества EWI — 1 фунт. Он догадывался, что это последнее его выступление. И очень им гордился. Очень его ждал. Держался.

На выступлении были люди из России, кто-то выложил в сеть пост об этом. С фотографией Ильи. С этим постом произошла странная штука — никто не знал, что Илья болен. Но на выложившего неожиданно в сети наехали — отчего? Почему?.. И он быстро его убрал. Повторюсь — в тот момент никто ничего не знал.

Я сохранил эту фотографию. Илья полулежит на диване. Совсем изменившийся. Волосы встрепаны, взгляд — в никуда.

Он держался из последних сил. Понимаю, что написал банальность, но так и было. На вскрытии обнаружилось, что рак поразил практически все органы в теле Ильи. Кроме сердца. Сердце было абсолютно здоровым.

Сердце Илюши. Сердце поэта.

Опять банальность? Даже прям-таки выспренная банальность! Может быть.

55

Выступление в Клубе Поэтов — это был последний чек-пойнт. Через четыре дня Илья позвонил Саше Орлову и сказал: «Я умираю. Займись там этим, а то сдохну тут — никто не узнает. Я пришлю тебе, что говорить»…

Все, что Саша сперва публиковал в интернете, а далее говорил прессе, Илья написал сам. Про «продолжительную рабочую командировку в Лондоне», про «внезапное сильное недомогание», и про «ничего не знал о своем недомогании, а боли списывал на радикулит» — и так далее. Орлов взялся за дело.

Как это часто бывало в жизни Ильи, выбор Саши Орлова на роль последнего распорядителя был абсолютно точен. Он из тех несовременных людей, который сделает все и ничего не попросит взамен. И еще Илья сказал Саше странную фразу: «Собирай деньги мне на лечение. Я все равно умру, а ты потом все украдешь». И это опять было в духе Ильи — ирония на грани фола. Во-первых, Илья знал Сашу, знал, что это человек, который органически не может что-то там украсть. Но Илья знал и собственных сограждан и сотоварищей, знал, что именно в краже, которой быть не может, Сашу и будут все обвинять.

Так оно и вышло. Орлов собирал деньги везде, где мог. Как только весть появилась в сети, стали приходить переводы. Народ попроще присылал кто сотню, кто тысячу. Люди побогаче давали больше. Некоторые — очень много. Кто-то дал с откатом в 80 %. Пришлось «откатывать» — да и ладно, двадцать-то процентов осталось…

Ну и «прилетать» Саше стало незамедлительно. Звонили знакомые, малознакомые и вовсе незнакомые — все с одним: «Ты украл! Ты воруешь!» — и так далее. Известные и безвестные. Среди ночи звонил старый рокер и орал на Сашу. Потом пьяный кинорежиссер с воплями… Илья и это предвидел — в этом я полностью уверен.

Это было его последнее шоу, и Илья не был бы Ильей, если б не придумал его сам от начала до конца и сам бы не отрежиссировал.

Вадим Самойлов (слева), 9 февраля 2007 года. Фото Виктора Зайцева

Впрочем, одно обстоятельство, которому надлежало случиться, Илья учесть не мог. С братьями Самойловыми у него уже давно были отношения, скажем так, полярные. Глебушку он любил со странной трогательностью, как больного ребенка. Вадика он терпеть не мог. Вадик дружил с Сурковым. Про Владислава Суркова Илья если и говорил два слова, то одно было матерное. Если одно, то… Ну, понятно. Но помощь пришла как раз от этих двух последних.

Насколько я знаю, с подачи Вадика в дело включился Сурков. Не буду описывать все, что он сделал, но могу свидетельствовать — без него последние недели жизни Ильи были бы невыразимо сложнее. От себя лично могу Самойлову-старшему и Суркову только поклониться. Спасибо. Большое. Даже еще больше.

Как бы сложились без них всякие официальные и полуофициальные дела, представить трудно. Даже на кладбище Илья попал по протекции Суркова. Чем, кстати, посмертно «уделал» Пантыкина — была такая история. Мы приехали на годовщину смерти, вошли на кладбище, Шура огляделся и, стараясь выглядеть соответствующе, произнес: «Да-а-а… Все мы тут будем»… Я объяснил, что это кладбище Троекуровское, отделение Новодевичьего, одно из самых «блатных» в стране. «Шура,» — сказал я. — «Нас сюда не пустят»… Пантыкин

расстроился.

Но — в Лондон. Говорили по телефону, я сказал, что надо всех послать «на» и во что бы то ни стало вылечиться. Он сказал: «Не надо никого посылать — видишь, к чему это приводит»…

Илью поместили в госпиталь. Обследовали. Стало ясно, что сделать ничего нельзя. Перевели в хоспис. Умирать. Потом появились деньги — опять госпиталь… Говорили про лечение в Хьюстоне. Много говорили, собирали деньги…

А ему было больно. Английский врач предложил морфин — Илья категорически отказался. Тогда врач придумал уловку — Илье сказали, что будут колоть витамины. Илья согласился. Вкололи, разумеется, морфин. Илья прикрыл глаза, пробормотал: «Хорошие витамины»… Врач улыбался — был доволен, как ловко обманул умирающего. Ему не сказали, что это дипломированный химик, да еще и с изрядными знаниями на данную тему…

«Под парами» стоял самолет Березовского, чтобы лететь, везти его в Хьюстон. Это было приятно. Если не считать того, что Илья в Хьюстон не собирался — он еще в августе все решил, как оно будет…

56

Он умер в мой день рождения. До двенадцати дня меня поздравляли телефоническим способом, после двенадцати — телефонически соболезновали. До последнего мгновенья он был в сознании, и я уверен, он помнил, что это за день. Я никогда не мог запомнить, когда у него день рожденья — у меня беда с цифрами — и вечно промахивался то на пару дней вперед, то на пару назад… Илья был исключительно точен. И наверняка с удовольствием хмыкнул хотя бы раз от мысли, какой он мне готовит подарочек… А может, и нет — какая разница?.. Но почему мне выражали соболезнования — до сих пор вопрос.

Ближе к вечеру я полез в сеть, сел читать, что народ пишет. Первый попавшийся отклик начинался словами: «Я вырос под "Гудбай Америку"»… Во втором упоминалось, насколько проникновенны слова песни «Гудбай, Америка» и как они запали в голову автора сразу после первого прослушивания. В третьем была та же самая Америка, но походя. Я начал закипать. Пятый, шестой… Из десяти прочитанных откликов «Гудбай, Америка» была обозначена в восьми или девяти…

Текст песни под названием «Последнее письмо», в котором про «Гудбай Америку», написал замечательный Дима Умецкий, который жив, здоров; и дай ему, Боже, всего наилучшего. Я читал дальше, а там была Америка, Америка… Сперва бесился, потом страдал, потом расстраивался.

И только когда раз в тридцатый прочитал благодарность Илюше за «Гудбай Америку», я понял, что шоу продолжается…

Потом позвонил Сакмаров, который в тот день организовал что-то вроде минифестиваля в каком-то клубе, пытаясь собрать деньги Илье на лечение. Собирал на лечение, а вышел концерт памяти… Позвал, мы поехали. И вошедши в зал увидели замечательный стол. Замечателен он был тем, что от края до края был в несколько рядов уставлен рюмками с текилой. Которую Илюша очень уважал.

Шоу продолжалось…

57

Преодолев всякие препятствия в виде формальностей, Леся с Ильей прилетели в Москву. Она — так, он — в гробу. Когда получили гроб с таможни, выяснилось, что есть проблемка. Гроб к использованию был непригоден.

Он был покрыт частыми отверстиями — его сверлили. Местами дерево было покорежено; гроб был похож на дуршлаг.

До сих пор интересно, кто это сделал («там» или «тут»?) и что они хотели там найти? Подпольную литературу? Наркотики? Тайные микрочипы? Золото-брильянты?.. Это был просто гроб. Ящик, и в нем покойник в костюмчике, пусть на самом деле он был в саване. Саван, кстати, тоже выпотрошили — швы были вскрыты, ткань местами распорота…

Короче — обшмонали Илюшку в катаверной на пересылке…

Гроб поменяли, костюмчик переодели. Служители морга выкатили Илью с наложенным кладбищенским гримом — Леська сказала: «Ну, вот еще! Только этого не хватало!». Грим был плох, а Леся — актриса. Приказала все стереть, достала свой грим и наложила макияж по новой.

Прощание проходило в ЦДЛ. Кто-то что-то говорил, вереница брела мимо гроба и утекала в фойе, где медийные лица принимались давать интервью, остальные бродили неприкаянно — все как всегда. Стоял измученный Саша Орлов, и когда мы подошли сказать «спасибо», он, кажется, удивился. Насколько я знаю, ему тогда крепко досталось.

Мы побродили по фойе и пошли с женой и дочерью обратно в зал, где стоял гроб. Вдоль стены — коротенькая шеренга родственников, тишина, пусто. Мы подошли к гробу, стоим. И тут тень дрогнула. Я увидел, как Илья подмигивает левым глазом.

И почувствовал, что становлюсь немножечко липким. Но в то же время сообразил, что не удивляюсь. Это было вполне в духе Ильи. Как всегда, с перебором… Я стоял и всматривался в его глаза — тень опять поплыла, сзади раздалось какое-то постукивание. Я оглянулся — парень-телевизионщик убирал расставленные фонари, вот тень и двигалась. Все объяснилось. Но липкость осталась.

На кладбище — опять прощание в огромном холодном зале, куда еще и не пускали. Долго стояли, ждали, курили на улице, там Лена, сестра Леси, рассказала, что о смерти отца узнала Каролина. Ей ничего не сказали и улетели на похороны. Леся

позвонила узнать, как она, и Каролина сказала: «Я знаю, что папа умер». Как?! Что?! Откуда?! Оказалось, семилетняя девочка залезла в интернет, сама набрала «Илья Кормильцев» и все прочитала. Пока Леся собиралась с ответом, Каролина сказала: «Я знаю, что дальше будет. Его похоронят и ему поставят памятник. Я знаю, какой. Это будет книга, а на ней — очки».

Через полтора года памятник поставили. Художник Коротич сделал так, как сказала Каролина.

Наконец, всех впустили в зал, там стоял закрытый гроб; никто ничего уже не говорил — просто стояли. Потом побрели к открытой могиле. Та же толпа, но опять новация — по периметру стояли рослые омоновцы — в униформе, с бронежилетами. Стояли они, видимо, уже давно — тянулось-то все очень долго. Видно было, как они замерзли, но стояли крепко.

Гроб установили на лифт. Кажется, кто-то что-то сказал. А может, и не говорил. Гроб пополз вниз. Рядом со мной хихикали две некрасивые девицы из интеллигентных. Я на них шикал, они все равно хихикали. Такие девицы всегда хихикают…

58

Когда народ схлынул, у могилы остались мы с Ленкой, Пантыкин, Маринка — вторая жена Ильи, еще кто-то… Пили водку и почему-то смеялись. Не помню, почему.

Пошли на выход, в автобус. Я остался на улице покурить. Народ сидел в двух автобусах, которые я бы назвал шикарными. В них было тепло. Омоновцы сидели, набившись в ПАЗик, и через заиндевевшие окна было видно, что они там страшно мерзнут. В тот день холод был невыносимый. Я курил не торопясь — ждали Сашу Орлова и Володю Харитонова, которые что-то «доруливали» в администрации кладбища. Омоновцы мерзли в ПАЗике.

Наконец, из него выбрался их главный, подошел: «Там, у могилы, никого не осталось?» Я сказал — никого. «А чего ждете?» Я объяснил. И тогда он спросил с какой-то даже обидой: «Так что, ничего не будет?»

Не знаю, чего ждал он, чего ожидали те, кто прислал мерзнуть на кладбище этих парней в униформе… Представляется нечто в духе дурных советских фильмов про ранних большевичков, когда над свежевырытой могилкой на кучу земли взбирается, оскользаясь, противный интель в пенсне и с бородкой клинышком и начинает, мерзотно картавя: «Това'гищ'чи!»…

Главный ждал ответа. Я сказал: «А что тут может быть? Поезжайте, холодно же». Он секунду подумал, кивнул, заскочил в ПАЗик, тот сорвался и исчез. На этом похороны кончились.

На поминках в ЦДЛ я пошел в туалет. Кто брезгует, пусть дальше не читает. Так вот, пошел в туалет. По виду он был пуст, но из одной кабинки доносился голос человека, который явно говорил по телефону. Я зашел в соседнюю кабинку. И волей-неволей услышал следующее: «Ты не представляешь! Триста человек! Я сказал речь! Все рыдали!»…

Не знаю, набралось ли там, в зале, три сотни человек, но про речь и рыдания — это для меня была новость. Однако с гипотетическими революционными речами над могилкой это как-то перекликалось, и я решил посмотреть, что же это за «большевичок» такой. Посему я покинул кабинку и криво пристроился в проходе у двери. Пьян я, надо сказать, был критически; ждать было трудно. А он, видимо, на слух различил, что тут подлянка, и сидит себе в кабинке. Правда, по телефону уже не разговаривает. Но я — зануда, я стою. Не знаю, сколько это длилось; мне показалось, не меньше часа. Ну я же пьяный, мне стоять трудно. Наконец, дверь кабинки распахнулась, мимо

меня, дико глянув, проскочил какой-то худой, длинный парень. И убежал. Я пошел наверх, что-то там еще пил. И пытался увидать его среди публики. Но и там его не было. Не знаю, кто такой…

59

На девятый день мы сговорились устроить поминки в ОГИ на Чистых прудах. Скромно, человек на восемь. Мы с женой пришли первыми, мест не было. Подсели за крошечный столик, заказали текилы и попытались договориться с девушкой-официанткой насчет общего стола для поминок. Ей эта идея почему-то не понравилась. После долгих уговоров, главным аргументом в которых было слово «поминки», сказала, что, может быть, позволит сдвинуть столики, если что-нибудь освободится. Мы сидели, начали подходить друзья, вид они имели мрачный, приличествующий моменту, и девушка начала смягчаться.

Стол в углу освободился, людей за соседним мы попросили пересесть — «Поминки!..» — и как-то начали. Официантка выглядела уже сочувственно, отчасти даже скорбно. Мы подняли «за упокой» и приступили к непровозглашенной, однако настоящей цели сходки — каждый стал рассказывать, что знал. У каждого была какая-то своя информация о последних месяцах жизни Ильи, ею и делились. Самыми ценными в этом плане были Саша Орлов и Володя Харитонов, которые занимались непосредственно организацией, переговорами, Ильей… Рассказать им было что.

Постепенно вырисовывалось, как Илья организовал все, что с ним происходило в это время. Изумительно организовал. Не просто с типичным для него юмором, а с каким-то пронзительным сарказмом. Мы сидели, говорили, поминали; и только девушка-официантка смотрела на поминающих все озадаченней. Они говорили и похихикивали. Порой откровенно смеялись. Траурность утратили совсем и не стеснялись чокаться. При том что пили за покойника, но признать его таковым уже как-то не получалось — это был нормальный Илья, который изрядно начудил. Девушка не слышала разговор, не знала, кого поминают, но, проходя по залу, смотрела уже диковато. Когда от стола доносился смех, оглядывалась.

Сидели не очень долго, расплатились с официанткой, даже и не думая скрывать при этом улыбки, и пошли прочь. По пути случилась комнатка, где книги продавали, и мы с женой зависли. Мы и в трезвом-то виде плохо умеем проходить мимо книжного магазина, а выпивши — обречены. Потому попрощались с остальными, стали перебирать книги. Не помню, купили что-нибудь или нет, но в процессе как-то само собой сформировалось желание выпить еще. И мы вдвоем вернулись в тот же зальчик.

Девушка-официантка встретила нас взглядом гневным. Но

места были, так что мы это дело проигнорировали, сели и попросили «еще по текиле». И принялись уже вдвоем перебирать все, что прямо сейчас услышали. И скоро стали ржать. Чем дальше — тем сильней. И просили, разумеется, повторить. Сидели, говорили, пили и хохотали в голос. Официантка, которая очевидно и окончательно запуталась с этими «поминками», в очередной раз выполняя процедуру «еще две текилы, пожалуйста», отпускала нам взгляды, полные неподдельной ненависти. Прости, девочка, но это было невыносимо смешно.

Феллини, кажется, писал, что образ человека «не дорисовывается», пока человек жив. И только после смерти он становится цельным.

Именно тут, в ОГИ, стало понятно, что главная черта Ильи — сотворение праздника. Он из всего делал праздник — из еды, из разговора, из работы, из политики. И из собственной смерти напоследок. И праздник должен был быть с перебором — это обязательно!

Так, чтоб это был настоящий праздник. Илюша был праздник.

60

Где-то после сороковин он приснился моей дочери, Марье.

Он проходил. Улыбался. Выглядел довольным. Помахал ей рукой. И Марья как бы услышала:

— Я ушел.

Илюша…